

МОСКОВСКИЙ
ВЪСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1827.

Печатать дозволяется съ тѣмъ , чтобы по оппечатаніи, до выпуска въ продажу, предсказлены были въ Ценсурный Комитетъ : одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства народнаго Просвѣщенія , два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Апрель 25 го дня 1827 года. *Ординарный Профессоръ, Надборный Совѣтникъ Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

П Р О З А.

Невѣста на ярмаркѣ.*

(Окончаніе).

„Да что за шоска - печаль пала къ вамъ на сердце, сударь? Третій день опть васъ вѣсть ни гласа, ни послушанія.“

Не швое дѣло!

„Дѣло-шо, сударь, не мое, — правда ваша, — а все шаки я вамъ нечужой, и мнѣ грустно стало смонрѣшь на васъ: вѣдь нынче у васъ не было ворту ни маковой рѣсинки, а ужъ къ вечернѣ скоро зазвоняшъ.“

Поди вонъ.

„Пойдши-шо, сударь, я пойду, да вѣдь вамъ опть эшаго не будетъ легче. Умъ хорошо, а два лучше, говоримъ мы запросто.“

Да перестанешь ли ты, вѣпреная мѣльница?

„Пересташъ - шо, сударь, я переспану, да вы-шо начнете ли?“

Лукавой шебя возми, старой враль, — опть шебя нельзя опвязашъся ничѣмъ. Если ты хочешь знашь непременно, я... А я клянусь чешью, говоримъ иной чипашель, что авшоръ насъ морочилъ: полспраницы уже описываешъ онъ намъ разговоръ лицъ, которыя съ облаковъ упали, о которыхъ мы вовсе не имѣемъ никакого поняшя. — Да онъ Роман-

пикъ, отвѣчаешь другой, да онъ... Успокойтесь, Милостивые Государя, и не говорите ничего ни о романтизмѣ, ни о классицизмѣ, а я сей часъ расскажу вамъ, какъ всё было и какъ случилось.

Бубновъ, Поручикъ одного гусарскаго полку, забхалъ на Нижегородскую ярмарку вмѣстѣ съ богатымъ Графомъ Звонскимъ, коему препоручена была покупка ремонтныхъ лошадей. Графъ Звонскій, хотя чувствовалъ къ лошадямъ дружескую привязанность, однако не зналъ въ нихъ толку, и передалъ препорученіе повариху, а самъ уѣхалъ въ свою деревню погоняться за зайцами и по другимъ надобностямъ. — Бубновъ, получивъ въ руки кучу денегъ, началъ... Но пусть онъ самъ признается въ грѣхахъ своихъ, а мнѣ за чѣмъ быть донощикомъ? — Довольно ли для васъ покажеться? —

Лукавой себя возми, старой враль, отъ себя нельзя отвязаться ничѣмъ, я (на этомъ мѣстѣ кажется остановилось повѣствованіе), я проигрался.

Уфъ — вопъ шебъ бабушка Юрьевъ день! Ну что, сударь, не говорилъ ли я вамъ, что эти каршты не доведуть васъ до добра, что можно и шесть и десять разъ выиграть, а на седьмомъ, на одиннадцатомъ разу, Богъ попускаетъ, и весь выигрышь поидеть какъ

ключь ко дну? Не говорила ли вамъ и малушка: эй, Оединька, на чужой каравай ротъ не разъвай, а пораньше вставай, да свой заштъвай? Помнише ли вы, какъ въ Пансіонѣ поймали васъ однажды за горкою въ бумагу, — чпѣо сказаць тогда вамъ надзирапель? Помнише ли? — Тупъ Рипоръ,

Давъ волю словъ шеченью,
Не находилъ конда нравоученью. . .

„Дуракъ! пособишь ли ты своими бреднями? Дѣло сдѣлано,“ сказаць наконецъ Бубновъ, глубоко вздохнувь и продолжая раскуривашь погасшую свою шрубку.

Дементій, дядька и слуга его, увидѣвъ, чпѣо словами горю пособишь нельзя, опомнился, замолчалъ, началъ придумывашь средства дѣйствительнѣйшія.

Нѣсколько минуць продолжалось сіе торжественное молчаніе, въ продолженіи коихъ я представляю краткую Біографію Оедора Бубноваго.

Этотъ офицеръ оспался послѣ ошца младенцемъ, и до десятилѣтняго возраста воспитывался дома, подъ надзоромъ мащери: мальчика кормили пирогами и калачами, рядили какъ куколку, водили въ шеплыхъ фуфайкахъ, шѣшили и забавляли всякими игрушками, а прочее оспавляли на волю Божію. Та-

кимъ образомъ въ обществѣ холопей и барченковъ, онъ запасся дурными впечатлѣніями и приобрѣлъ многіе дурные навыки. На одиннадцатомъ году отдали его въ пансіонъ въ Столицу. Оединька мой, привыкнувъ дома бѣгать по двору, лазить по голубяшнямъ, и повѣсничать въ гостяхъ, не могъ, разумѣется, рѣшимо приняться за дѣло. Явились шалуны-товарищи, у которыхъ были виды на его варенья и прочіе запасы деревенскіе,—и онъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ согласился дѣлать время съ ними, нежели сидѣть надъ шестрадью и книгою, и домашнія сѣмена принялись. Между тѣмъ онъ росъ, росъ, и переходилъ изъ класса въ классъ, иногда по старшинству, иногда для комплекта,

А иногда,

Кто безъ грѣха? . .

и потому, что содержатель получалъ отъ его мапушки, на канунъ экзамена, индѣекъ *малую толику*. Такимъ образомъ онъ кончилъ курсъ ученія и вышелъ изъ пансіона съ пустою головою, развратнымъ сердцемъ и прекраснымъ апштешатомъ. Некуда было опредѣлиться кромѣ военной службы: нашъ Бубновой сынъ отечества пошелъ въ гусары. Тамъ нашелъ онъ себѣ товарищей одной масли, — разомъ перенялъ

опъ нихъ, чего не успѣлъ еще узнать въ пансіонѣ, и началъ кушить и мушить, очертя голову: черезъ пол-года послѣ вступленія въ полкъ никто уже не брался перепивать его, — шоварищи пожимали плечами, когда онъ, ударясь съ кѣмънибудь объ закладъ, опоражнивалъ эллиптическія бутылки рейнвейна; — на всякомъ поединкѣ онъ готовъ былъ бытъ секундантомъ, и бѣда неосторожному, кто въ театрѣ наступалъ ему на ногу; — на всякое лихое, опчаянное дѣло приглашали Бубноваго, и послѣ всякаго лихаго дѣла репутація его увеличивалась, какъ Альпійская лавина.

Эпошъ-то молодець (шакъ называли его въ полку) проигралъ казенныя деньги на ярмаркѣ и думаешь шеперь думу, стоя у холодной печки и куря погасшую трубку.

„Саблю и фуражку подай мнѣ“ сказалъ онъ наконецъ опривисшо своему Меншору, погруженному въ глубокія размышленія, конхъ предметъ уже извѣстенъ чипашелямъ.

Да куда же, сударь, вы собираетесь, спросилъ Дементій, испуганный шакимъ внезапнымъ рѣшеніемъ.

„Фуражку и саблю.“

Дрожащею рукою подаль ему Дементій фуражку и привѣсилъ саблю. Бубновой въ молчаніи вышелъ изъ ком-

напы и шихими шагами пошелъ по улицѣ къ живому мосту. Безпокойнымъ взоромъ слѣдоваль за нимъ усердной дядька до шѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ моста и не поворошилъ въ ряды. Тогда только увѣрился сей доброй служилецъ, что баринъ его не хочетъ шопингся — увѣрился, и пошелъ записъ свое горе въ ближайшую поршерную лавочку, передъ дверьми копорой ожидалъ и манилъ его къ себѣ одинъ изъ новыхъ его знакомцевъ.

Бубновыи ходилъ между шѣмъ для разсвѣянiя по ярмаркѣ, копорая дѣйствительнo представляеть всякому зрѣлице разнообразное и занимательное.

Со всѣхъ концевъ Россiи съвзжающся купцы въ Нижнiй Новгородъ: обшашель Кяхшы, Нерчинска, коренный Сибирякъ шоргуешъ подлѣ купца Пешербургскаго, Донской козакъ подлѣ Москвитянина, Тульской оружейникъ подлѣ Казанскаго Ташарина или Парижскаго комиссионера. Вся Россiя присылаешъ сюда плоды своей промышленности, кои здѣсь вы видите на одномъ мѣстѣ, въ порядкѣ, обворожительномъ для глазъ зрителя; ибо шоваръ продающъ лицомъ, по старинной Русской пословицѣ. Здѣсь по берегу Оки шянешся желзной рядъ, въ коемъ собраны сокровища горъ Уральскихъ олъ огром-

ныхъ чугуныхъ изваяній до тонкой проволоки. Тамъ блеснишь, какъ жаръ, серебро и золото въ изящныхъ издѣліяхъ, — пестрѣють разноцвѣтные сафьяны, пригошовленные шрудолубивою рукою Ташарина, нѣкогда спольпяжелою для Русскихъ, — шамъ лоснящая пушистая мѣха лисьи, собольи, куньи, завоеванные дикими Якушами, Коряками, Камчадалами на ледяныхъ равнинахъ сѣверныхъ. — И какая смѣсь народовъ! Какое разнообразіе въ явленіяхъ! Персіянинъ покупаетъ кальяны у Русскаго сидѣльца, — Таганрогскій Грекъ продаетъ шобакъ Нѣмцу. — Армянинъ пошряхиваетъ жемчугомъ напрошивъ Русскаго бородача, который швыряетъ милліонами по своимъ косянымъ счедамъ, — слѣпой Ташаркъ подаетъ милосшыню Русская баба, — Жидъ чиспишь сапоги у Англичанина, — окружные крестьяне толпятся на своемъ рынкѣ, и шьшались напаяцовъ — Ташары ходяшь вапагами и ищущь себя работы, увязывающь шюки, шаскающь въ повозки, уставленные обозами по окрешности. — Вездѣ многлюдство, движеніе, суешливосшь! Видно, что всякой прѣхаль сюда на срокъ и спѣшишь, окончивъ дѣла, поскорѣ ворошиться домой. Ока и Волга покрыты необозримымъ множешвомъ барокъ, на

коихъ развѣвающа разноцвѣтные флаги. Бурлаки, собирающіеся сюда со всего пространнаго побережья Волжскаго, съ крикомъ, шумомъ и пѣснями выгружаютъ и нагружаютъ оныя хлѣбомъ, саломъ, зеленымъ виномъ, солью, желѣзомъ и подобными негалантерейными произведеніями благословеннаго Царства Русскаго. — Сотни харчевниковъ, занимающихъ цѣлой длинный рядъ, едва успѣваютъ уху варить изъ живопрепеющихъ сперлядей, жарить грибы и дѣлать селянки для многочисленныхъ гостей своихъ. Въ другомъ длинномъ ряду, на широкихъ покатыхъ лодкахъ лежатъ видимо-невидимо хлѣбовъ пшеничныхъ и сипныхъ. . . И все это попреблается ежедневно!!

Бубновъ смотрѣлъ разумѣется на все слѣпными глазами. Сердце его не радовалось на успѣхи промышленности, онъ не думалъ о народномъ богатствѣ, ни о вліяніи его на просвѣщеніе — и ходилъ по рядамъ съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ курилъ трубку, пасовалъ каршы, съ какимъ спускалъ и на то мѣсто въ Нижегородскомъ Соборѣ, на которомъ нашъ Великій Пётръ преклонялъ царственное свое колено — предъ гробницею купца Минина.

Въ такомъ расположеніи духа зашелъ онъ въ модную лавку купить

себѣ спклянку Eau de Cologne. Въ лавкѣ были чешыре дамы — мать съ премо дочерьми. Спаруха говорила что-то очень громко съ мадамою, но увидѣвъ вошедшаго Офицера, остановилась на половинѣ своей рѣчи, всунула въ руки ей деньги и оставила поспѣшно магазинъ, какъ бы совѣспясь торговаться передъ незнакомцемъ. Ему также недолго было расчитываться, и онъ вышелъ вскорѣ послѣ дамъ, кои стояли еще за дверьми, имѣя по доброй ношѣ узловъ и картоновъ у себя на рукахъ, въ какомъ-то недоумѣннн. —

„Каковъ же Ванька! До сихъ поръ „его нѣшь; вѣдь не безъ-чего приказывала вернуться поскорѣе. Прошу иди шеперь съ ношами до экинажа.“

Позвольте мнѣ, сударыня, облегчить ихъ, сказалъ нашъ учшивецъ по какому-то инспинкшу.

„Помилуйте, башюшко, да мы не знакомы съ вами, не имѣемъ чести...“

Для меня прнлшно, сударыня, оказатъ вамъ такую маловажную услугу... и Анна Михайловна не успѣла (читатели вѣрно узнали ее) проговорить новаго извиненн, какъ половина узловъ была уже на рукахъ у Бубноваго.

„Какіе вы добрые, башюшко, и учшивые. Ужъ вѣрно въ гвардн служите, сказала она, уступивъ его желанню

и отправаюсь въ сопровожденіи его къ своему экипажу.

Я служу въ гусарскомъ. . . полку.

„А въ Нижній изволили пріѣхать по своимъ надобностямъ?“

По казенному препорученію, сударыня.

Между тѣмъ они прошли уже почти всѣ ряды. —

„И долго останешесь позабавишься ярморкою?“

Я самъ не знаю еще, — смотря по тому, какъ позволятъ дѣла мои.

„Мы очень рады вашему знакомству, и намъ было бы пріятно. . . ну гдѣ ты болванъ шашался? барыня съ барышнями оспалася одна; смотри, держи ухо востро у меня! — извините Башюшко; — и намъ было бы пріятно поблагодарить васъ у себя на дому. —

Если вы позволите, я буду имѣть честь. . . гдѣ вы живете, сударыня?

„Съ мосша на лѣво, прешій домъ ошъ колокольні, у мѣщанки Перепелкиной, ребяшишки укажутъ. . .“

Съ большимъ удовольствіемъ я воспользуюсь первымъ случаемъ. . .

„Мы будемъ ожидать васъ.“ Между тѣмъ подошли къ колымагѣ, онъ посадилъ въ нее дамъ, машинально пошелъ бродить по городу, и очутился въ Крем-

лъ. Тамъ сѣлъ онъ на скамейку, и началъ думать о нечаянной своей встрѣчѣ.

Солнце уже закатилось, народъ разходился по домамъ съ ярмарки. Глухой невнятной шумъ оплывался въ воздухъ, — вдали, въ рядахъ, начали уже засвѣчаться огни, — надъ рѣкою поднимался паръ, но все еще виденъ былъ рубецъ между Окою и Волгою, показывающій, что сіи двѣ широкія рѣки, соединясь, не сливаются вода своихъ, враждующь между собою, и долго, долго еще послѣ соединенія текутъ полько рядомъ, а не вмѣстѣ. —

„Да гдѣ вы запропасались, сударь, я ждалъ—ждалъ и изъ шершнѣя вышелъ: ищу васъ по всему городу“ закричалъ кто-то ему издали.

Что такое сдѣлалось, Деменшій?—

„Чудеса, сударь, чудеса. Пойдемъ пока домой. Я расскажу вамъ всё по порядку.“

М. П.

Когда первая половина сей повѣсти была напечатана, вторая была еще не написана, хотя весь планъ сдѣлалъ я еще въ прошломъ году. — Начавъ дописывать, я нечаянно распространилъ прежній планъ и исполненіе онаго оставляю до другаго, свободнѣйшаго времени, прося читателей смотрѣть шелерь на напечатанное, какъ на ошривокъ. —

НАУКИ.

Исторія Словесности.

Сравненіе романовъ Китайскихъ съ Европейскими, изъ предисловія Г. Абель-Ремюза къ роману Ю-Кіао-ли или Двоюродныя сестры (*).

Появленіе Китайскаго романа въ вѣрномъ и прекрасномъ переводѣ одного изъ ученѣйшихъ ориенталистовъ Европы есть происшествіе, котораго важность не можетъ не быть ошущительна въ мірѣ Императорномъ. Если бы обитатель луны явился нечаянно на нашей планетѣ съ романомъ, представляющимъ вѣрную картину нравовъ, образа мыслей, жизни существъ съ нами сходныхъ; онъ бы, вѣроятно, возбудилъ всеобщее живѣйшее любопытство. Подобное возбуждаетъ романъ, котораго содержаніе изложимъ въ послѣдствіи. Мы привыкли почитать себя умственнымъ и нравственнымъ средоточіемъ земнаго шара: намъ трудно вообразить, чтобы въ странѣ, почти стольже обширной, какъ Европа, и болѣе многолюдной, могла существовать образованность, олъ нашей независя-

---

(*) Мы уже объявляли о недавно вышедшемъ въ свѣтъ французскомъ переводѣ сего Китайскаго романа; см. книжку 4, стр. 334.

щая, система общественная со всеми своими условіями, съ своими правилами, ихъ разнообразнымъ развитіемъ, съ своей исторіей, общество, которое не заимствовало отъ насъ ничего, получило прочностъ еще до начала обществъ Европейскихъ. Видъ новаго міра, въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ сходнаго съ нашимъ, но совершенно отличнаго въ подробностяхъ, поразилъ бы насъ особеннаго рода изумленіемъ: и подобное ощущаемъ мы при чтеніи каждой страницы романа *Двоюродныя сестры*. Говорится ли намъ о древней исторіи, — вмѣсто Грековъ и Римлянъ, народовъ и Царей, приводимыхъ намъ на пять семь выраженіемъ, мы слышимъ имена *Гунгулу*, династій *Сунгъ*, *Ганъ* и пр. Приводятся ли въ примѣръ писатели классическіе, — вмѣсто *Виргилія* и *Горація*, намъ говорятъ о *Као-Кити*, *Паотсаннунъ*, о поэтѣ *Юнгабъ*. Въ слогъ, въ сравненіяхъ видимъ краски другой природы, печаль другихъ нравовъ и обычаевъ. Красавица Китайская подобна *яшмѣ*, плеча ея — *вѣтвямъ груши*, спань ея стройнѣе *цвы*. Печальна ли она — *сжимаются брови ея*, подобныя *листьямъ цвы*, и *цвѣты древа абрикосоу*, покрывающіе ланиты ея, принимаютъ краску осеннюю. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, доказываю

Ссе-Юпу, герою повѣствованія, счастье супружеской жизни, говоритъ ему: *Ты будешь такъ счастливъ, какъ бы вѣлъ каждый день желтый супъ на кореньяхъ*. Рукава, очень широкіе у Кишайцевъ, играютъ у нихъ такую же важную роль какъ у насъ карманы. Любовныя письма, въ спихахъ и прозѣ, передаются изъ рукава въ рукавъ. Поэмы въ рукавахъ носятъ бумагу и пр.

Ничто не можешь дать намъ вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ Кишайскихъ, какъ сей родъ сочиненій: это видно съ перваго взгляда, и надобно надѣяться, что ученый переводчикъ *Двоюродныхъ сестеръ* познакомишь насъ еще съ нѣкоторыми изъ сихъ романовъ, коими Кишайцы такъ богаты. Абель-Ремюза присоединилъ къ своему переводу предисловіе, весьма замѣчательное, гдѣ, съ основательностію опытнаго Лингвистора, онъ опредѣляетъ характеръ романовъ Кишайскихъ и оспроумно сравниваетъ ихъ съ Европейскими. Мы думаемъ, что извлеченіе изъ сего предисловія послужитъ вводною и дополнительной спашьею къ другой, копорую намъ рѣваемся посвящать самому роману.

Предсхавивъ общее сравненіе между романомъ нравовъ и историческимъ, сравненіе, въ копоромъ примѣнно при-

спрасніе къ первому изъ сихъ родовъ ,
Абель-Ремюза прислушается къ главному
предмету своего предисловія.

»Не малая честь Кишайцамъ“ говоритъ
онъ „что они , опнесенные судьбою на
край міра, умѣли, уже нѣсколько вѣковъ
тому назадъ , возвыситься , до романа
нравовъ историческаго, въ томъ смыслѣ,
въ какомъ эти слова понимаются у насъ
нынѣ. Въ младенчествѣ своемъ народы
имѣють басни, чудесныя повѣсти, эпо-
пеи: наспояціе романы являюся толь-
ко въ старости обществъ, когда осла-
бѣвшее суевѣріе уступаетъ мѣсто вни-
манію къ предметамъ міра дѣйствитель-
наго. Только сіи послѣдніе способны раз-
мышлять о явленіяхъ жизни внутрен-
ней, объ игрѣ страстей, занимаются ана-
лизомъ чувствъ, противорѣчіями часп-
ныхъ выгодъ. Созданія воображенія
естественно повинуются законамъ дѣй-
ствительныхъ привычекъ , и обласпъ
первыхъ должна измѣняться съ обра-
зомъ жизни людей , которые въ нихъ
находятъ свое наслажденіе. Муза вы-
мысловъ , первоначально жилищница
лѣсовъ и мѣспъ пустынныхъ , долго
обитала среди горъ и на берегахъ Оке-
ана ; уже поздно водворилась она вну-
при городовъ , и Кишайцы съ нѣколко-
рыми народами новѣйшей Европы, одни
допустили ее во внутренность жилищъ

своихъ , позволивъ участвовашь въ бесѣдахъ дружескихъ , въ совѣсахъ домашнихъ , въ полипикѣ хозяйственной , въ пѣхъ мѣлкихъ произшесствіяхъ , изъ которыхъ соспавляется жизнь людей образованныхъ.»

»Вопть испочникъ занимательности, собственной романамъ Кипайскимъ, той самой, которою опличаются хорошія мѣста Довь-Кишоша и Жиль-Блаза, Томъ-Джонса и Цециліи.«

„Ихъ сочинители говорятъ болѣе разсудку, нежели воображенію: они, кажется, не столько одушевлены желаніемъ поразить читателей смѣлостію изобрѣтенія и странностію приключеній, сколько стараются предсавить имъ предметы для размышленія, сколько думаютъ о способахъ предупредить поздніе уроки опыта. Другіе Азіатцы, увлекаемые склонностію къ чудесному, часто уродовали преданія самыя почтенныя, являясь романистами даже въ своихъ Исторіяхъ. Можно сказать, что Кипайцы остались Историками въ самыхъ романахъ: сиѣшу прибавить, что сіи послѣдніе отъ того не скучныѣ, не будучи вздорными, не противорѣча здравому смыслу; мы видѣли писателей, которые, обладая тайною возможнаго безразсудства, не переспавали бытъ вялыми и несносными.“

„Отношенія человека къ себѣ подобныиъ, его пороки, склонности, нравственные привычки и даже языкъ общественный — шаковы, по большей части, предметы твореній Кишайскихъ. — романовъ и пьесъ театральныхъ. Они заключены въ сферѣ предметовъ дѣйствительныхъ, и воображеніе сочинителей удерживается, если смѣю такъ выразиться, въ предѣлахъ міра осязательнаго. Не надобно ожидать отъ нихъ шакогоже рода удовольствія, какое доставляютъ намъ сказки Арабскія или поемы Индусовъ. Сіи романы, быть можетъ, менѣе забавны для дѣтей, но вѣрно болѣе занимательны для всякаго, вышедшаго изъ возраста юношескаго. Сценою служить толкъ міръ, въ которомъ мы живемъ, а не бездна морская, не горы чудесныя, не пустыня пространствъ вымышленныхъ. Не увидишь ни Царей въ борьбѣ съ великанами, ни Царицъ похищаемыхъ гениями, ни талисмановъ, ни метаморфозъ. Лица дѣйствуютъ по законамъ естественнымъ въ кругу своихъ страстей и выгодъ, любви и честолюбія, алчности и безкорыстія. Прямоудшіе борются съ пронырствомъ, честные люди вспрѣчаются съ бездѣльниками. Еслибъ перемѣнить имена, сіи вымыслы могли бы

почесться у насъ дѣйствительностію, и нѣтъ большаго сходства въ мѣрѣ, какъ между Нанкиномъ или Кантономъ и Парижемъ или Вестминстеромъ.“

„Народъ наблюдательный и разсудительный, обратившій вниманіе свое на слѣдствія собственныхъ привычекъ, на случаи своей общественной жизни; писатели, украшающіе свои наблюденія прелестями слога, одушевляющіе ихъ, шакъ сказаць, примѣненіемъ къ развитію характеровъ, связію съ дѣйствіемъ: вопрь разскащики, заслуживающіе конечно вниманіе, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя любящъ изучающъ духъ народовъ. Картины, представляемыя сими писателями, необходимо должны носить характеръ истины, чптобы угодишь вкусу публики, для которой онѣ первоначально назначены, и не поперящъ своего дѣйствія въ глазахъ своихъ природныхъ цѣнителей. Достоинство, признаваемое въ романѣ соотечественниками автора, даетъ ему неоспоримое право и на довѣрчивое вниманіе иностранцевъ. Въ этомъ отношеніи романы Китайскіе могутъ дополнить важный недостатокъ, служа намъ какъ бы опчепами, болѣе полными и несравненно болѣе занимательными, нежели донесенія путешественниковъ. Какой

Европеецъ можетъ знатьъ народъ сей лучше, нежели онъ самъ себя знаетъ? Гдѣ поэтъ путешественникъ, который въ семъ случаѣ похвалился бы одинакою правдивостию съ романистомъ? Описанія сего послѣдняго шѣмъ болѣе заслуживающъ вѣроятія, что онъ не ищетъ описаній. Миссіонеры часто имѣли случай наблюдать Кишайцевъ въ ихъ полииническо́й жизни, подъ вліяніемъ приличій и обрядовъ, но рѣдко проникали въ ихъ природныя расположенія, рѣдко участвовали въ дѣлахъ семейственныхъ. Они едва могли бросить одинъ бѣглый взглядъ на цѣлую половину народа, и если эту половину любопытнѣе знать: то и гораздо пруднѣе извѣдать.“

„Что касается до другихъ Европейцевъ, сопровождавшихъ въ Пекинъ миссіи Голландскія и Англійскія: то пріемъ, который они тамъ находили, довольно объясняетъ, почему они прибавили весьма мало замѣчаній къ извѣстіямъ Іезуитовъ. Мнѣ кажется, что только одинъ изъ нихъ откровенно въ шомъ сознался, и мы можемъ вѣрять словамъ сего просподушнаго Англичанина: „Мы были“ говоритъ онъ „приняты какъ нищіе, съ нами поступали какъ съ плѣнниками, насъ выслали какъ воровъ.“ Волъ три сорна людей, кошо-

рымъ не водится повѣрять тайны мыслей своихъ, и которые рѣдко имѣютъ случай дѣлать наблюденія глубокія. Правда, сіи люди, ничего не выдавшіе, много рассказывали, возвратясь въ Европу: отдаленность Китая, тепло путешественника избавляло ихъ отъ лишней заботы, а шворенія Миссіонеровъ открывали имъ неисчислимое богатство вѣрныхъ сужденій и готовыхъ замѣчаній. Неудивительно однакоже, если они иногда обманывались въ характерѣ народа, вскользь ими видѣннаго, если часто говорили на удачу, судя о двухъ спахъ милліонахъ по пяти или шести членамъ министерства обрядовъ, и по шестидесяти или восьмидесяти прислужникамъ, — сямъ единственнымъ Китайцамъ, которыхъ имъ посѣщать было позволено.“

„И такъ, романы Китайскіе могутъ служить по крайней мѣрѣ прекраснымъ способомъ для дополненія нашихъ Географическихъ свѣдѣній. Они имѣютъ и другое достоинство: ихъ сочинители не приспρασны къ соотечественникамъ и часто и весьма ловко употребляютъ орудіе насмѣлки. Однакожь цѣль сатирическая въ нихъ господствуетъ не столько, сколько въ Жиль-Блазъ или Гулливеръ. Я скорѣе сравню ихъ съ хорошими романами Англійскими, гдѣ на-

блудашельный умъ правоучителя искусно скрываетъ цѣль свою, обращая вниманіе читателей на обстоятельства самаго дѣйствія, прослoduшно представленнаго. Особенно спличаются романисты Кипайскіе живописью подробностей, и въ этомъ отношеніи можно опять сравнить ихъ съ Ричардсономъ и Фильдингомъ или, по крайней мѣрѣ, съ Док. Смоллемомъ и Г-жею Бурней. Отъ того-то и пѣ и другіе такъ занимательны, правдивы; отъ того-то у нихъ всѣ черты спраспей такъ ясны, характеры выражены такъ вѣрно, очарованіе такъ совершенно. Лица, ими выводимыя на сцену, имѣютъ, говоря по нынѣшнему, всю возможную дѣйствительность. Съ ними совершенно ознакомишься, видѣвъ ихъ дѣйствія, слышавъ рѣчи, преслѣдовавъ всѣ мѣлочныя подробности разговора. Что испытали столь многіе Европейцы твердой земли, читая эту безконечную драму романъ Клариссу, поже испыывалъ я, пробѣгая въ первый разъ нѣкоторые романы Кипайскіе: становаюсь живѣе съ каждою спраницею, удовольствіе мое въ поже время ослабѣвало, и, приближаясь къ концу, я съ сожалѣніемъ видѣлъ предѣль, разлучающій меня съ пріятнымъ обществомъ короткихъ знакомыхъ. Таковы романы подроб-

ностей когда они хороши, какой бы спра-
нъ ни принадлежали: сначала ходъ ихъ ка-
жется медленнымъ, и напоследокъ жа-
лѣешь, что онъ былъ слишкомъ быспрѣ.
Чувствуешь себя упомленнымъ длиною
первыхъ страницъ, и жадно читаешь
последніе шомы.“

„Сверхъ того, сія подробності Ри-
чардсоновы — недоспашокъ по мнѣнію
нѣкоторыхъ взыскаптельныхъ читате-
лей, испинная прѣлестъ въ глазахъ дру-
гихъ крипиковъ, еще болѣе взыска-
птельныхъ — сіи подробності не мо-
гутъ бытъ осуждаемы въ романѣ, со-
чиненномъ на краю свѣта. Эпи мѣлочи,
эпи обспояпелныя описанія, эпи
длиныя разговоры, показывающъ все оп-
шѣнки дѣйствія, живописующъ шепрѣ
его, характеры, спраспн, выгоды
лицъ разговаривающихъ. Но сколь дра-
гощны они для насъ, желающихъ
узнать Китайцевъ, когда для сей цѣли
единственнѣй способъ — знакомитъ ся
людьми сей націи, долго съ ними бѣ-
сѣдовапъ, присущеспвовапъ, если мож-
но, въ ихъ совѣшахъ самыхъ пайныхъ?
Даже ихъ монологи не бесполезны для
сей цѣли, и Богъ знаетъ, пакъ ли они
напыщенны и неумѣспны, какъ въ шво-
реніяхъ нѣкоторыхъ драматурговъ или
нашего аббаша Прево!“

„Есть другой недостатокъ, (происходящій также отъ употребленія во зло хорошаго качества), въ которыхъ вдаются романисты Китайскіе вмѣстѣ съ нашими: это продолжительность пѣщическихъ описаній и неумѣренная роскошь въ изображеніи чудесъ искусства или красоты природы. Часто случается, что сіи писатели Азіатскіе прерываютъ себя въ минуту самую любопытную, оставляютъ роль повѣствователей и въ малѣйшихъ обстоятельствахъ своего разсказа ищутъ картинъ, всегда удивительныхъ по краскамъ и расположенію. Тогда они забываютъ, что искусство романиста состоитъ въ умѣньѣ скрыть свое искусство, что черты описанія, несвязаннаго непримѣльными нитями съ тканію самаго дѣйствія, поперяны для очарованія, — и все, не помогающее выраженію чувствъ или развитію характеровъ, удаляетъ только отъ цѣли, общей разсказчику съ Поэтомъ драматическимъ. Впрочемъ немудреная тайна пишетъ сіи общія мѣста, — столько же знакома писателямъ Азіи Восточной, сколько и писателямъ Западной Европы. Мы имѣемъ свои очаровательныя ландшафты, свои дикія мѣстоположенія, свои голубоватыя горы, отражаемыя гладкою поверхностію озеръ, и свои закашы солнечныя съ ихъ багряными волнами, и

свои дѣйствія луннаго свѣта съ серебряными ихъ опшнѣями. Въ Китаѣ все это замѣляется зеленью ивъ, прозрачною водою, переливающимъ цвѣтомъ облаковъ, свѣгомъ деревъ плодовыхыхъ, и багрянцемъ піоневъ, и золотомъ фіалокъ, — и частое, такъ сказать, періодическое повнореніе сихъ картинъ производитъ въ слогъ щеголеватое однообразіе. Но нѣкоторымъ чертамъ сходства можно было-бы подумать, что романы Китайскіе суть водражаніе нашимъ, еслибы они не были древнѣе сихъ послѣднихъ семью или восьмью вѣками. Ни одно новое лице не явилось на сцену безъ того, чтобы сочинитель не обязался описать его наружность, походку, одежду, приемы. Если это любезной молодой человекъ, — его лице угодится мѣсяцу въ срединѣ осени; что-то *литтературное*; т. е. тихое и скромное, обнаружится во всей его физиогноміи, и самыя складки сѣвнлой одежды его покажутъ ученаго, назначеннаго сорвать вѣкогда вѣтвь благоуханной оливы, пальму академическихъ собраній. Говорятъ ли вамъ о красавицѣ — блескъ ея глазъ, накрытыхъ дугами бровей, сравнится съ леними водами осенняго источника, на которыхъ плаваютъ весенній лютъ ивы. Обыкновенно также спавишся въ началѣ и концѣ каждой

главы строфа стиховъ, приписанныхъ какому нибудь древнему поэту, гдѣ излагается содержаніе разсказаннаго или послѣдующаго въ выраженіяхъ изысканныхъ, метафорическихъ и, можно сказать, загадочныхъ. Правдивенныя размышленія, которыхъ сущность вообще довольно обыкновенна, также предлагаются въ видѣ двуступицъ или четверостишии, прерывающихъ повѣствованіе. Во всѣхъ сихъ случаяхъ, тонъ писателя возвышается, и обыкновенная проза уступаетъ мѣсто размыру и живописнымъ выраженіямъ слога украшеннаго. „О чемъ не стоить труда говорить, то дѣжно пѣть“ сказала Бомарше. Это правило арій и водевилей довольно хорошо примѣняется къ мѣстамъ упомянутымъ. Понимася ихъ, какъ умѣешь, — переводишь, какъ хочешь. Пользуются передашь ихъ, пропустили при чтеніи — дѣйствіе и разсказъ будутъ не менѣ ясны, связаны и занимательны. И сочинитель и читатели ничего не потеряютъ.“

„Тѣ мѣста краснорѣчивой прозы, гдѣ сочинитель описываетъ для того, чтобы описывать, болѣе всего стараюсь блеснуть дарованіемъ и остроуміемъ, такіа мѣста, надобно признавать, суть украшенія лишніа, особенно въ обыкновенномъ слогѣ рома-

новъ Кипайскихъ , коихъ предметы во-
 обще не возвышенны. Въ самомъ дѣлѣ
 лица ихъ рѣдко принадлежатъ къ классу
 высшему , къ сословію Государей и
 Князей. Но они выбираютъ и не
 изъ низшаго сословія: это , по боль-
 шей части , люди среднихъ классовъ
 общества , судьи , намѣстники город-
 скіе или областные , государствен-
 ные совѣтники или просто ученые.
 Герой одного славнаго романа во сто
 помовъ есть разбогатѣвшій аптекаръ ,
 который вошелъ въ чины деньгами.
 Языкъ сихъ дѣйствующихъ лицъ раз-
 личенъ по различію ихъ сословій.
 Подчиненные люди сословія низшаго
 говорятъ языкомъ обыкновеннымъ. Вы-
 раженія ученыхъ всегда болѣе украшены,
 а когда они начинаютъ разговаривать
 между собою , слогъ ихъ становится
 столь цвѣтущимъ , столь богатымъ
 метафорами и выраженіями пііпиче-
 скими , что иногда бываетъ непоня-
 тень. Они какъ будто задаютъ за-
 гадки другъ другу , на которыя обык-
 новеніе велишь отвѣчать самыми кра-
 сивыми оборотами. Вы видите неispo-
 щимое богатство остроумія , вырази-
 ній живописныхъ , эмблемъ роскош-
 ныхъ , применій ученыхъ , и послѣд-
 ній изъ говорящихъ спарается пре-
 зойши всѣхъ прочихъ. Исторія древняя
 и новая , частныя анекдоты , обычаи

спарины, мѣстные преданія, предрас- судки касательно дѣйствій природы, касательно свойствъ растѣній или при- вычекъ живописныхъ, наконецъ басни, изъ которыхъ составляется ихъ прозякая міѳологія, — все вводился въ сіи ученія, цвѣтущія бѣсѣды, все доставляетъ украшенія разговору людей благовоспи- танныхъ, слогу писемъ. Правда, выра- женія учливыя часто превращаются въ формулы, которыхъ смыслъ ничего не значить для употребляющихъ оныя. Такимъ образомъ составился цѣлый Сло- варь оборотовъ спранныхъ и напыщен- ныхъ, изъ которыхъ щцательнo из- гнаны слова въ собственномъ смыслѣ и выраженія простые. Смыслъ всѣхъ этихъ тонкоостей также труденъ для понятія, какъ шемцы были бы, безъ помощи преданій, щеголеватыя прозва- нія, бывшія некогда въ модѣ на Париж- скихъ улицахъ: *невинный участникъ* вмѣсто колпака, *совѣтникъ Грацій* вмѣсто зеркала, *безпокойные молодцы* вмѣсто мошенниковъ. Но сіи спранны- сти Китайскія не суть излишества случайныя и собственныя только нѣ- которыми лицамъ: это черты націо- нальнаго характера, которыхъ уничто- женіемъ мы навлекли бы на себя него- дованіе людей образованныхъ. За чѣмъ давать Китайскихъ ученыхъ обхожде-

ніе болѣе простое, разговоръ болѣе натуральный? Они бы не согласились на наши поправки; стѣбшь ли, ошѣбчали бы они, учишься такъ долго, потѣбшь всю жизнь надъ писаніями древнихъ, если наконецъ надобно говорить, какъ говоряшь все, употреблять выраженія общепотребительныя?"

„Все опшѣчки слога, мною означенныя, являющіяся въ разной степени, смотря по сословію лицъ дѣйствующихъ. Я уже замѣтила, что герои романовъ вообще рѣдко выбираются изъ классовъ высшихъ; однако же и въ этомъ отношеніи видимъ разнообразіе, зависящее отъ свойства самаго вымысла, отъ дѣйствій, и случаевъ описываемыхъ въ романѣ. Можно бы, еслибъ только нужно, подвесити сіи шворенія подъ разные категоріи, и хотя намъ извѣстны не все романы, имѣющіе въ Китаѣ знаменитость, — однакожь у насъ ихъ довольно, чшобы составить себѣ понятіе о разныхъ формахъ, въ кои воображеніе Китайцевъ облакало свои произведенія.“

„Нѣкоторыя заслуживають, по преимуществу, названіе *романовъ Историческихъ*. Предметъ ихъ взятъ изъ лѣтописей какого нибудь царствованія или цѣлой династіи. Основаніемъ ихъ

служать дѣйствительныя произшествія; Государя, чиновники, полководцы, дѣйствительно некогда жившіе, являющіяся съ своими именами, съ своимъ извѣстнымъ характеромъ, съ нѣкими чертами своей наружности, какіи сохранились въ народной памяти. По нимъ приписываются рѣчи, которыхъ они никогда не произносили, дѣла, которыхъ никогда не совершали, замыслы, которыхъ у нихъ въ умѣ не было. Сочинители хотѣли, кажется, написать родъ вымышленной исторіи, превратили Исторію въ сказку, чтобы, по выраженію одного остроумнаго писателя, отменить за столько сказокъ, внесенныхъ въ Исторію. Суровость формы соответствуетъ важности, которою отличается сущность разсказа: слогъ простъ и точенъ; находишь ученыя разсужденія и хронологическія таблицы; за то они ни мало не занимательны, и, если вѣрить пословицѣ Китайской, молодёжь не любитъ читать эпикъ романовъ. . . . .“

„Романы, о которыхъ я говорю, обыкновенно довольно длинны; есть другіе, весьма краткіе, которые можно сравнить съ нашими повѣстями. Есть собранія оныхъ, гдѣ ихъ по нѣскольку сотъ. Нѣкоторые писаны стихами, другіе слогомъ письменнымъ (littéraire), и

въ прозаическихъ всегда находишь нѣсколько мѣстъ стихотворныхъ. Нѣкоторые. отъ начала до конца представлены въ видѣ разговора: эту форму очень любящъ сочинители Романовъ собственно такъ называемыхъ, такъ что цѣлыя главы походящъ на маленькія драмы съ двумя, тремя или четырьмя разговаривающими лицами. Имена сихъ послѣднихъ повторяются, и всегда съ ихъ прозваніями учеными, полицическими или гражданскими: *учитель Тунгъ сказалъ . . . Докторъ Лiao отвѣчалъ . . . Префектъ Ссема возразилъ . . .* и пр.“

„Что касается до приключеній, которыя рассказываются въ сихъ романахъ, до пружинъ, которыя въ нихъ приводятся въ дѣйствіе, можно сдѣлать одно общее замѣчаніе: для завязки и развязки иногда берутся въ помощь существа сверхъ-естественныя. Является какое-нибудь лицо таинственное; сочинитель избѣгаетъ случаевъ говорить объ его состояніи, и это лицо проливаетъ на рассказъ краску неопредѣленности, столь уважаемую въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ стихотвореніяхъ: это, по большей части, астрологи или физиогномисты. Можно уподобить ихъ тѣмъ неизвѣстнымъ лицамъ, которыхъ

мы видимъ перзаемыхъ совѣстію за пресупленія прошедшія, ужасныя для нашего любопытства, симъ пустышкамъ или женщинамъ, коихъ лице завѣшено сѣдинами, коихъ спранные поступки заславляютъ насъ думать, что они или проникнули въ тайнства сокровенной науки или просто лишились разсудка. Но въ большей части романовъ Китайскихъ все заключается въ предѣлахъ возможнаго и даже вѣроятнаго. Можно бы почестъ ихъ частными записками какого-нибудь дома, собранными наблюдателемъ точнымъ и правдолюбивымъ; иной подумалъ бы, что прекрасное учрежденіе общенародныхъ историковъ, обязанныхъ замѣчать всѣ происшествія государства и поступки Государя, разпространилось и въ семействахъ, дабы уроки опыта не терялись и для частныхъ людей. Посѣщенія, учтивости, въ семействахъ обыкновенныя, собранія, особливо разговоры, ихъ оживляющіе, праздники, общественыя забавы, прогулки любителей красоты природы, путешествія, ухищренія прониры, плясбы, собранія ученія, наконецъ браки — вотъ эпизоды, вотъ обыкновенный конецъ сихъ романовъ. Я знаю Китайской романъ, гдѣ представлено цѣлое общество мужчинъ и женщинъ въ различныхъ отношеніяхъ жизни

гражданской, проходящее весь положенія, возможные для образованнаго. Переводъ такого романа сдѣлать бы излишними все сочиненія о Китайскихъ обычаяхъ. Съ прискорбіемъ должно прибавить, что значительная часть сей книги не можетъ быть передана на Французскій языкъ. Не такова большая часть прочихъ: не представляя нравовъ Китайскихъ безпорочными, не увѣряя, чтобы государство Китайское строго слѣдовало правиламъ Конфуція, почти все романы, мною читанные, совершенно чисты въ глазахъ образованныхъ читателей.“

„Каждой народъ, въ слѣдствіе привычекъ, которыми онъ поработился, идей, которыми онъ занятъ, вноситъ въ свои историческія или романтическія произведенія известное количество понятій, кои, являясь въ разнообразіи, даютъ особенный характеръ его произведеніямъ. Малости поведенія, неожиданные случаи, временные успѣхи порока и рѣшительное торжество добродѣтели суть, такъ сказать, общая канва, которую писатели каждой страны разнообразить шитьемъ особеннымъ: ибо идеаль, живописуемый романистами, необходимо долженъ быть въ соотношеніи съ характеромъ народа, которому предлагается. . . . . Въ Китаѣ, героемъ романа бываешь обыкновенно

молодой ученый, одаренный прекраснымъ характеромъ, — исключительно преданный изученію авторовъ классическихъ, — не знающій никакого разсвѣнія, кромѣ цвѣтовъ, вина и поэзіи. Впрочемъ ему позволено не имѣть ничего свѣпскаго ни въ привычкахъ, ни въ характерѣ. У насъ такіе герои скорѣе бы отличились въ Университетахъ, нежели на турнирахъ. Отъ него не пребудуть легкости, неустранимости, умѣнья вздѣть верхомъ: онъ долженъ только отлично писать *бу-риде*. Но есть черта, болѣе выгодная, въ характерѣ его націи. Ему не нужно богатаго имущества; въ счастливой землѣ его знаній и таланты неминуемо открываютъ пути къ богатству, уравниваютъ дорогу къ достиженію высочайшихъ почестей. . . . .“

„. . . . . У Кишайцевъ, повышение въ степеняхъ и женитьба суть дѣла господствующія мысли въ жизни гражданской и въ области воображенія. Нѣтъ поступка, прямого и притворнаго, который бы не имѣлъ цѣлю одною изъ сихъ двухъ важныхъ предметовъ, а еще чаще обоимъ вмѣстѣ. Человѣкъ, повыше черни, безпрестанно думаетъ, какъ бы возвыситься при состязаніяхъ, какъ бы женился, чѣмъ имѣть дѣшей, какъ бы пристроить сихъ послѣднихъ, при

самомъ ихъ рожденіи. Эту заботливостъ не надобно терять изъ виду, когда хочешь понимать поступки Китайцевъ, и она заставляешь меня войти въ нѣкоторыя подробности.“

„Не смотря на всѣ толки, бракъ вездѣ оспаешся важнѣйшимъ изъ важныхъ дѣлъ; но въспъ земли, гдѣ бы шакъ рано, шакъ постоянно о немъ думали, какъ въ Китаѣ. Кромѣ причины общей, кромѣ того, что они почитаютъ супружескую связь основою и началомъ всѣхъ общественныхъ отношеній, они еще по другимъ особеннымъ причинамъ боляся умереть безъ потомства. Спранно, какимъ образомъ люди, мало по видимому занятые будущею жизнію, не имѣющіе никакого вѣрнаго понятія о вознагражденіи за предѣлами грѣба, шакъ много заботляся о томъ, что будетъ послѣ ихъ смерти. Здѣсь-то надобно удивляться вліянію привычекъ и силъ древнихъ обычаевъ даже и въ то время, когда уже зашмилась или исчезла нравственная мысль, ихъ оживлявшая. Быть можетъ, изъ тысячи Китайцевъ нѣтъ ни одного, который бы зналъ или хотѣлъ узнать, будетъ ли въ немъ жить что-нибудь по разрушеніи его тѣла, и однакожь всякой ужаснется при мысли лишиться погребальныхъ почестей, — особливо тѣхъ, которыя въ

разныя времена года опправляюща по росписи (tablette), куда его имя должно вноситься его сыновьями или внуками. Надежда на такое счастье замѣняетъ все для этого народа, и сей предразсудокъ, для насъ почти непонятный, есть одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на поспупки Кишайцевъ. Оттуда происходитъ ихъ отвращеніе отъ жизни холостой и собользнованіе объ умершихъ безъ потомковъ мужскаго пола. . . . . Надобно замѣнить, что одни сыновья, наследники опцовскаго имени, могутъ въ честь его исполнять обряды вышеупомянутые: дочери, перемѣняющія свое имя при замужествѣ, ничего не значатъ въ этомъ случаѣ. Слѣдовательно, всякой долженъ имѣть сыновей, или собственныхъ или принятыхъ; ибо имя даетъ уже право исполнять сію священную обязанность. Кто не знаетъ сего обычая, тотъ не пойметъ ни романовъ, ни драмъ Кишайскихъ, — не пойметъ ни плача тѣхъ, которые видятъ себя умирающими безъ дѣтей мужскаго пола, ни средствъ нѣскольکو спранныхъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ Кишайцы для отвращенія бѣдствія, столь ужаснаго. Однимъ изъ средствъ самыхъ естественныхъ служатъ ранніе браки, другимъ многоженство, и это тѣ благородный способъ рѣдко пренебре-

гаются сочинителями, когда дѣло идетъ къ развязкѣ.»

«Теперь видно, почему мысль о бракѣ такъ постоянно занимаетъ Китайцевъ всѣхъ сослодій. Другая цѣль, о которой я говорилъ выше, существуетъ исключительно для ученыхъ; но какъ къ этому классу въ Китаѣ принадлежатъ все, выходящее изъ круга простонародья, имѣющіе какую-нибудь важность въ обществѣ, — то намѣки, относящіеся къ повышенію въ степенн, также весьма обыкновенны въ произведеніяхъ Китайской фантазіи. Все Китайцы, безъ различія званія, допускаются къ экзаменамъ ежегодно въ мѣсяцъ своего рожденія, или черезъ три года въ одномъ изъ большихъ городовъ своей области. Получившіе первую ученую степень (миссіонеры называютъ ихъ *bachelor*) освобождаются отъ испытанія, только подвергнувшись ему десять разъ, т. е. по истеченіи тридцати лѣтъ. Но они могутъ являться на состязанія о высшемъ классѣ въ главный городъ области, и наконецъ несутъ степени самой высокой въ столицѣ Государства, и, такъ сказать, предъ глазами самаго Императора. Все эти состязанія открываютъ путь къ полученію должностей и даже знатныхъ почестей, и кто отличался при семь случаяхъ, мо-

жесть быть почти уверень въ своемъ
повышеніи и богатствѣ. Есть не-
чему молодые люди, научившись чи-
тать, безирезпачно думать объ ис-
пытаніяхъ. Они приготавливаются къ
нимъ долговременными занятіями. Время
оныхъ объявляется заранѣе, и мѣры, для
того предпринимаемыя правительст-
вомъ, возбуждаютъ всеобщее вниманіе.
Толпы собираются въ сіи мѣста, гдѣ спо-
раютъ о знаніяхъ и искусствѣ, какъ собира-
лись у насъ въ шарину на диспуты Сорбон-
ны и Университета. Сіи мѣста суть хра-
мы славы и счастія. Слѣдствія преній об-
народывающія спожественно и созна-
вляютъ предметъ всеобщихъ разгово-
ровъ. Тогда словесность и произведенія
ученія становятся также важны, какъ
у насъ мнѣнія политическія во время
выборовъ. Есть множество выраженій
въ языкѣ самомъ простонародномъ и
въ слогѣ самомъ возвышенномъ, имѣю-
щихъ отношеніе къ сими мирнымъ пре-
ніямъ. Мысль объ испытаніяхъ такъ
глубоко вкоренилась въ умъ Китайцевъ,
что есть повѣсти, въ которыхъ какой
нибудь чиновникъ обѣщаетъ двухъ кра-
савиць юношѣ, не самому смѣлому
и добродѣтельному, но самому уче-
ному, искуснѣйшему въ объясненіи пи-
санелей классическихъ. Такъ и въ ро-
манѣ, предлагаемомъ мною, читателю

увидяшь нѣжнаго опца, общающаго олдаль дочь свою, какъ будто кафедру, самому ученому, съ намѣреніемъ упрочить счастье любимой дочери и пригостовить себѣ утѣшеніе.»

Г. Абель-Ремюза послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о самомъ романѣ *Двоюродныя сестры*, начинаешь говорить о томъ обычаѣ Кишайскомъ, которій особенно противорѣчитъ нашему образу мыслей, — о многоженствѣ. Герой упомянушаго романа ни мало не совѣспится дѣлать чувствъ своихъ между двумя дѣвушками, которыхъ онъ почитаетъ равно достойными любви. *«У меня одно сердце, говоритъ онъ одной изъ нихъ; это не значить, я буду вѣренъ до конца жизни, но напрошивъ: если найду другую дѣвушку такуюжъ милую какъ ты, — какъ не полюбить ее? Эшаго мало: двойной бракъ, имъ замышляемый, есть также цѣль, къ коей спремлялся втайнѣ желанія двухъ сестеръ: еслибъ онъ не состоялся, многого бы не доставало къ ихъ счастью. И та и другая защищается противъ подозрѣнія въ ревности, какъ въ другой землѣ стали бы оправдываться опъ обвиненій въ порочной спраси или беззаконной склонности. Открывъ взаимно свою привязанность къ одному и тому же существу, онъ не измѣнили*

своего дружелюбнаго расположенія, на прошивъ, нашли въ этомъ чувствъ причину еще болѣе уважать, еще болѣе любить другъ друга. Чтò въ Европѣ послужило бы поводомъ къ раздору и опчаянію, въ томъ любезныя женщины Кипайскія видятъ счастливую симпатію, залогъ полнаго счастія. Чипашель чувствуетъ себя перенесеннымъ въ другой міръ. Надобно побывать въ Кипашѣ, чтòбъ видѣть, какъ двуженство оправдывается чувствомъ и какъ самая сильная изъ страстей способна дѣлиться между двумя предметами, нисколько не теряя своей живости.»

Остроумный переводчикъ, не разсматривая этого вопроса со стороны нравственной или политической, замѣчаетъ, что такая система весьма выгодна для романиста, давая ему способъ удовлетворить каждаго при концѣ разсказа. Потому онъ сообщаетъ правила, которыми слѣдовалъ въ переводѣ. Онъ почелъ за нужное замѣнить почтенныя шипла Кипайскія выраженіями Французскими, почти однозначущими. Такъ вмѣсто *Чангъ*, *Сіангъ - Кунгъ*, *Лаойе*, *Лаосіансенгъ*, *Сіаотсіен* и пр. находимъ слова: *Милостивый Государь*, *Господинъ*, *Госпожа*, *Ваше Превосходительство*, и пр. Равно, вмѣсто *туту*, *тоитшангъ*, *юсст*, *цифу* и пр. встрѣ-

часть Государственныхъ Совѣтниковъ, Префектовъ, Подпрефектовъ, Академиковъ. Авторъ обобщаетъ подробнѣе изложитъ свои мысли о семь предметъ въ особомъ небольшомъ разсужденіи, которое скоро выдася. Наконецъ, онъ объявляетъ о близкомъ появленіи въ свѣтъ самаго оригинала Кипайскаго съ вариантами и объяснительными примѣчаніями: эта новость будетъ, вѣроятно, особенно занимательна для любителей Восточной Словесности (*).

Р.

(*) Мы предложимъ нѣсколько сдѣлъ изъ упомянутого романа въ слѣдующей книгѣ.

К Р И Т И К А

О началѣ, ходѣ и успѣхахъ Критической Россійской Исторіи. Разсужденіе, сочиненное Императорскаго Московскаго Университета Словесныхъ Наукъ Кандидатомъ Алексѣемъ Зиновьевымъ для полученія степени Магистра. Москва, въ Университетской Типографіи, 1827. 70 с. въ 8. —

Сочиняя Исторію Критической Россійской Исторіи, можно по нашему мнѣнію, начать съ Байера, и описать мракъ, господствовавшій въ нашей Исторіи до принесенія въ оную свѣтлѣнниковъ симъ славнымъ Критикамъ. Далѣе — описывать, держась хронологическаго порядка, какъ сей мракъ разсѣвался, какъ постепенно открывались новые матеріалы для Исторіи, какъ ими пользовались, какъ уничтожились прежнія недѣльные мнѣнія. — Такимъ образомъ читателю представится самое легкое обозрѣніе. —

Г. Зиновьевъ слѣдовалъ другому плану: онъ говоритъ намъ сперва объ Исторической Критикѣ, — какія Государства особенно важны для Исторіи, — причины, по коимъ Русское Госуд. принадлежишь къ онымъ, — о неизвѣст-

ности древней Русской Исторіи, — о басняхъ, коими она была наполнена, — потомъ описываетъ вдругъ все важнѣйшіе матеріалы Русской Исторіи и представляетъ каталогъ сочиненій общихъ и частныхъ о Русской Исторіи и писателей, коими матеріалы обрабатывались. —

Въ сужденіяхъ о Писателяхъ (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) Авторъ держится мнѣній Шлецера и проч. —

Въ сужденіяхъ о сочиненіяхъ необходимо слѣдовало опредѣлить достоинство cadaго, — показывая, что въ каждомъ изъ нихъ сказано новаго, какую новую точку зрѣнія намель Сочинители и проч. — Г-нъ З. не представляетъ намъ даже содержанія оныхъ: (на примѣръ изслѣдованій Лерберга, кромѣ одного; изслѣдованій Круга, Френа, Калайдовича, Спроева, Эверса). — О прочихъ вовсе не говорятъ, на пр. о Мусиѣвѣ - Пушкинѣ, Оленинѣ, Митрополитѣ Евгеніѣ, о Клапротѣ, Добровскомъ и проч. и проч. Авторъ не опредѣлилъ даже достоинства Исторіи Карамзина въ критическомъ отношеніи.

Къ такому разсужденію не излишно было бы прибавить обстоятельное указаніе на тѣ предметы, кои преобладаютъ еще критическихъ изслѣдованій. —

Въ заключеніи говоритъ Авторъ, что „для Криптики исторической насчитала у насъ счастливейшая эпоха: тамъ, гдѣ прежде ученые Историки насиди могли дожидаться изданія одной льшописи, ... тамъ нынѣ во множествѣ издающихся объясненные древніе памятники.“ — Мы не согласны и ежегоднаго изданія двухъ-трехъ сочиненій никакъ назвать счастливою эпохою. — Замѣтимъ припомъ что послѣ смерти Графа Румянцова не вышло еще ни одного изданія, а оканчивающія только имъ начатыя. —

Поблагодаримъ Автора за сдѣланное и пожелаемъ успѣха въ усовершенствованіи его разсужденія. Во всякомъ случаѣ начало, какъ канва, полезна и для него и для другихъ: есть, что исправлять, есть куда вставлятъ и проч. — Посоветуемъ ему еще не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ, коими онъ вездѣ обилуетъ, особенно въ введеніи, гдѣ между прочимъ при разсужденіи о важности Исторіи какого либо народа есть ссылка на Баумгаршеново предисловіе къ Испанской Исторіи Ферреры!!

М. П.

О шерсти и овцахъ. Соч. ГГ. Перольта, Жотама, Фабра и Жирода съ примѣчаніями Таера, изд. отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства иждивеніемъ покойнаго Графа Н. П. Румянцова. Перевелъ съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ Д. Членъ Общества, Надворный Соевѣтникъ и Кавалеръ С. Масловъ. Москва, въ Типогр. Селивановскаго. 1827.

Всякому довольно извѣстно, въ какомъ еще худомъ состояніи находящся многія отрасли нашей промышленности и какъ мы бѣдны книгами на отечественномъ языкѣ, копорыя бы могли содѣйствовать ихъ улучшенію, знакомя насъ со свѣдѣніями, уже приобретенными въ другихъ странахъ Европы. Это заставляетъ насъ обращать особенное вниманіе на опыты въ семъ родѣ, и мы радуемся появленію въ Русскомъ переводѣ важной книги касательно овцеводства, въ копоромъ успѣхи наши еще очень ограничены.

Сія книга составляетъ первую часть сочиненія, гдѣ три Французскіе Агронома изложили свои опыты въ усовершенствованіи шерсти на овцахъ, преимущественно на мериносахъ. Чтобы читатели могли судить о полнотѣ

книги, выписываемъ изъ введенія собственныхъ словъ сочинителей.

»Вошь въ короткихъ словахъ планъ нашего сочиненія. Оно раздѣлилось на двѣ части. Первая посвящена будетъ разсмотрѣнiю шерсти; мы изслѣдуемъ ее въ самомъ началѣ ея образованія, также ея различныя свойства и отношенія сихъ свойствъ къ состоянiю кожи и шѣла животного; займемся нѣкоторыми внѣшними обстоятельствоми, имѣющими несомнѣнное влiянiе на шерсть, и скажемъ о самыхъ лучшихъ качествахъ оной для фабричныхъ издѣлiй.«

»Полномъ займемся разсмотрѣнiемъ различныхъ родовъ шерсти и руна на шѣлахъ животныхъ какъ ягнятъ, такъ и взрослыхъ меринсовъ.«

»Наконецъ скажемъ о сприжкѣ, о раздѣленiи руны на классы, о сорпировкѣ невымытой шерсти, о мытьѣ, о цѣнности шерсти, о ихъ продажѣ, и предложимъ проектъ новаго заведенiя, которое, безъ сомнѣнiя, было бы весьма полезно для овцеводовъ (*).

„Предметомъ второй части будутъ овцы. Мы употребимъ все старанiя для

(*) Низкое хозяйственной Общества предполагаетъ устроить обширное заведенiе въ окрестностяхъ Парижа. Подробное описанiе его читатели найдутъ въ концѣ разсматриваемой книги.

изслѣдованія различныхъ вопросовъ, относящихся до разведенія сихъ драгоценныхъ животныхъ. Хотя мы преимущественно поставляемъ себѣ цѣлю заниматься меринсами, однакожь не оставимъ безъ изслѣдованія и обыкновенныхъ породъ овецъ, и скажемъ также объ ихъ вырождахъ.“

„Особенно предполагаемъ распространиться при разсужденіи о выборѣ животныхъ для приплода и о содержаніи оныхъ не только относительно ихъ здоровья, но и относительно усовершенствованія ихъ шерсти. Мы постараемся дасть отчетъ о наслоящемъ состояніи меринсовыхъ снадь во Франціи, по ихъ мѣсному различію и по началамъ, коими руководствуются при ихъ воспитаніи. Изъ сего статистическаго изслѣдованія выведемъ слѣдствія о средствахъ къ улучшенію овецъ.“

Исполненіе сего плана въ первой изданной части весьма удовлетворительно, хотя въ ней видны слѣды системы Французовъ, объясняющихъ животныя явленія механически. Впрочемъ не многія несправедливыя положенія опровергнуты, справедливыя подтверждены новыми опытами въ примѣчаніяхъ Татера, приложенныхъ Г. Масловымъ къ книгѣ.

Переводъ (*), довольно хорошъ. Надобно быть признательнымъ къ труду Переводчика, принужденнаго опыскивать шермины, еще мало извѣсныя по рѣдкости подобныхъ книгъ.

Ожидаемъ перевода второй части сего сочиненія, весьма полезнаго для всѣхъ хозяевъ вообще, особенно для Русскихъ.

N.

(*) Иногда небрежень. Не вдругъ догадаешся, что такое *легко соединенная косица, расширяющаяся чрезъ жесткость волосъ, свойство качества и др.* Иногда однимъ названіемъ Переводчикъ означаешь разныя вещи, на пр. слово *вилка* — *виланье шерстяныхъ издѣлій* (стр. 81) и *способность шерсти, сканваться* (стр. 82). Часто встрѣчаются иностраннае обороты.

Allgemeine Geschichte der Völker und Staaten des Mittel=Alters, etc. Всеобщая Исторія народовъ и Государствъ средняго вѣка, соч. Генриха Лудена. Второе изданіе. Iena, 1824, 2 т. in 8-ю.

Бышь можешь, не было времени для быпописателей благопріяшнѣе наспоющаго. Свидѣтели происшествій, равно необыкновенныхъ по удивительнымъ перемѣнамъ, произведеннымъ ими, и по вліянію, которое онѣ имѣли на судьбу народовъ, Историки нынѣшніе вѣряѣ своихъ предшесвенниковъ могутъ судишь о великихъ переворопахъ вѣковъ прошекшихъ. Древніе проны, ушвержденные, казалось, на основаніяхъ незыблемыхъ, сокрушились предъ нашими глазами; новыя динаспіи возвысились и пали съ ужасною быспропою; поспановленія, назначенія, по видимому, бышь вѣчными, уничтожились, и среди всеобщей прревоги началось сильное бореніе, уже не людей, не народовъ между собою, но различныхъ правилъ. Чпѣ казалось ушвержденнымъ столѣтіями, то снова сдѣлалось вопросомъ; древніе законы, древніе нравы, древніе обычаи, были подвергнушы суду ума, осуждены, не смотря на уваженіе, которое къ нимъ имѣли по-

кольнія преждебывшія; сего мало, люди захотѣли наконецъ переспроишь все сданіе общеспвенное по новому плану, успановилиъ его на новомъ основаніи. Подобное покушеніе не могло не произвешти великой перемѣны въ способѣ разсмапривашъ исторію прошедшаго времени. Съ презрѣніемъ опказываясь шпануться раболѣпно по слѣдамъ своихъ предшеспвенниковъ, съ слѣпою покорностію принимають ихъ мнѣнія и подписывашъ приговоры, историки хопяють все видѣть сами, обращающъ къ испочникамъ, подвергающъ все новому разбору, и не даромъ! Ихъ разысканія, во многихъ опношеніяхъ, представляють выводы, споль же любопытныые, сколько новые. Въ своихъ глубокихъ, смѣлыхъ изслѣдованіяхъ, они занимающъ болѣе народами, нежели частными лицами; не ограничиваясь, при чтеніи лѣтописей міра, происшествіями, поражающими воображеніе или занимающими одно пустое любопытшество, они ищуть того, что можетъ просвѣплить умъ читателей, опкрыть имъ нѣкоторыя изъ непримѣтныхъ нишей, связующихъ дѣла человѣческія.

Въ такомъ духѣ написана Луденова Исторія средняго вѣка: едва прошло при года со времени перваго ея появле-

ния, какъ уже нужно было второе издание, — ясное доказательство, сколько благосклонно приняла ее Нѣмецкая публика. Сей успѣхъ казался намъ заслуженнымъ: въ упомянутомъ швореніи находимъ ясный, быспррый рассказъ главныхъ событій, соображеніе глубокое, объясненія новыя и вѣрную картину поспешеннаго хода образованности въ среднемъ вѣкѣ. Въ продолженіи всей испоріи Луденъ показываетъ великое безпристрастіе, не будучи однакожь безстрастнымъ зрителемъ происшествій. Онъ ошккровенно хвалитъ, что кажется ему достойнымъ похвалы; строго осуждаетъ, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ порицаніе, и во всякомъ случаѣ видно живое участіе во всемъ, что способствуетъ успѣхамъ просвѣщенія. Но, разсуждая о людяхъ, онъ не забываетъ предразсудковъ ихъ вѣка, — обстоятельствъ, ими управлявшихъ, — вліянія, которое необходимо должно было имѣть ихъ воспитаніе и положеніе общественное на ихъ чувства и правила; говоря объ успановленіяхъ временъ прошедшихъ, онъ разсуждаетъ о нихъ не по нынѣшнимъ учрежденіямъ: напропивъ того, онъ старается перенестись въ средину людей, для которыхъ онъ сдѣланы, стать на точку

зрѣнія настоящую, съ колпорой можешъ правдиво оцѣнить ихъ выгоды: и вопгѣ въ чемъ состояшъ, по нашему мнѣнію, безприсрасшіе всякаго историка; читашель не въ правѣ пребовашъ отъ него совершеннаго равнодушія къ добру и злу.

Слогъ Лудена не совсѣмъ свободенъ отъ напязекъ, спановишся иногда шемнымъ отъ крайкости, впрочемъ имвешъ достоинство оригинальности и силы, и разсказъ сего историка живъ и увлѣкашелень.

(Изъ В. U). P.

Voyage à Méroë, au Fleuve-Blanc, dans le midi du royaume de Senner, fait pendant les années 1819, 20, 21 et 1822. Въ 4 хъ частяхъ въ 8-ю д. съ географическими картами и видами теченія Нила, въ 30 тетрадахъ. Путешествіе Гна Фѳридр. Каллі (Calliand) въ Мероѣ, къ Бѣлой рѣкѣ, въ южную часть Царства Сененрскаго въ 1819, 20, 21 и 22 годахъ.

Сочиненіе Гна Калліо весьма разнообразно и занимашельно. Иногда, пробѣгая съ нимъ неизмѣримую равнину, покрытую пирамидами, читаешъ, кажешся, описаніе Тысяча и одной ночи, — въ другой разъ, собирая надписи на сихъ памяшникахъ, слышишь, кажеш-

ся, рассказы Спрабона или чудныя бышописанія Иродота. Ни одинъ путешественникъ, ни одинъ иностранецъ не проникалъ, въ теченіи 30 столѣтій, въ сіи страны, и самъ Г. Калліо не увидалъ бы оныхъ безъ спеченія такихъ обстоятельствовъ, коимъ льстивыя путешествій не являють другаго примѣра.

Докторъ Джонсонъ говаривалъ, съ восхищеніемъ, что видѣвшій большую стѣну Киная прославляетъ все свое потомство. Въ этомъ отношеніи сколько преимуществуетъ Г. Калліо, вырѣзавшій свое имя на развалинахъ Мероэ, получившій себѣ славный удѣлъ проникнуть прежде всѣхъ въ эпоху древній свѣтъ, неизвѣстный ни Моисею, ни Иродоту, ни Омиру!

Путешествіе Г-на Калліо можетъ быть раздѣлено на три, очень явственныя части: Первая заключаешь въ себѣ посѣщеніе пустынь Ливійскихъ Сіукъ, (Siouah), гдѣ онъ срисовываетъ оспапки храма Юпитера Аммона. Во второй онъ описываетъ путешествіе свое въ Верхій Египетъ по слѣдамъ Брюса и Бургарта. Третья начинается съ того мѣста, гдѣ всѣ путешественники останавливались. Онъ пробѣгаетъ берега Бѣлой рѣки, снимаетъ на карту сей

доселѣ неизвѣстный рукавъ Нила, вторгается въ Буруру, Фацокль, Берпаль и находишь всё почти обыкновенія древнихъ Египтянъ у сихъ народовъ, сдѣлавшихся варварами. Здѣсь д'Анвилль его руководителемъ. Изъ четырехъ стѣнъ своего кабинета указываетъ ему эпосъ Географъ, по странному инстинкту гения, то мѣсто, гдѣ онъ найдетъ развалины тщетно обыскиваемого Мероѣ.

Сколь ни занимательна сія третья часть сочиненія Г. Калліо, но нельзя оставить безъ вниманія и первыхъ двухъ частей: онѣ заключающъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя подробности. Пріятно слѣдовать за нашимъ путешественникомъ по степямъ Ливійскимъ, когда онъ укрывался отъ надзора Арабовъ, пробѣгаетъ съ опасностію жизни развалины храма Юпитера, или вечеромъ слушаетъ въ сихъ обширныхъ пустыняхъ баснословные рассказы поэтовъ и повѣствователей Арабскихъ. Тогда печальная успешивенность измѣняется, небо свѣтлѣетъ, степи украшаются. Подъ палящимъ солнцемъ караваны мечшашутъ о земныхъ островахъ и ручьяхъ, журчащихъ прохладою. Среди безплодныхъ песковъ они говорятъ вамъ о миртовыхъ и лимонныхъ лѣсахъ, ихъ окружающихъ, о цвѣточныхъ бѣсѣдкахъ, о золотыхъ горахъ, алмазныхъ палатахъ,

которыя скрываютъ ошь нихъ волшебницы и которыя обрѣшаются только одинокимъ спранникомъ. — Видъ пустыни возбуждаетъ въ сихъ кочующихъ поколѣнїяхъ только мысли объ изобилїи, свѣжести и покоѣ. Подобные рассказы ихъ прельщаютъ; они не только что воображаютъ дѣйствїя, но и вѣрятъ онымъ и заставляють другихъ вѣрить; но когда пунникъ, удивленный такими чудесами, броситъ взоръ вокругъ себя, онъ увидитъ только палящее небо, океанъ песку и нѣсколько бѣдныхъ Арабовъ, сидящихъ въ пѣни своихъ верблюдовъ.

Г. Камлидъ не знаетъ прекраснаго искусства, сколько усовершенствованнаго въ наше время, искусства давать себѣ цѣну. Одна только новостъ открытїи даетъ имъ блескъ; Камлидъ научаетъ, не будучи ученымъ, занимается, не будучи писателемъ, и часто самыя простыя его описанїя кажутся сказками, хотя совершенно справедливы. Однажды онъ остановился, по дорогѣ къ Фивамъ, у подошвы одной горы, въ коей изсѣчено множество гробницъ. Орды варваровъ поселились между оными, какъ въ городѣ. Лежа на прахѣ Фараоновъ, окруженные ихъ мумїями, сїи несчастныя снискиваютъ прощипанїе продавая путешественникамъ древнїе

Гробы и самыя тѣла Сезосприсовъ. Усталый Камид искалъ убѣжища въ одномъ изъ сихъ памятниковъ: онъ заснулъ на гробницѣ, опъ задушающаго жара проснулся среди ночи и спалъ осматривать при свѣтѣ факела мѣсто своего пребыванія. Это была обширная зала, на стѣнахъ коей были предсавлены разныя сцены изъ жизни человѣческой. Тамъ видны были мущина и женщина съ дѣвучкою занятыя рыбною ловлей. Мужъ вытаскивалъ съши, а жена и дочь выбирали рыбъ изъ оныхъ. Надъ головами этихъ людей сіяло голубое небо; берега рѣки были усыяны цвѣтами. Въ этомъ сельскомъ видѣ все выражало счастье, приобретенное трудами и довольствомъ. Безъ сомнѣнія, художникъ хотѣлъ изобразить одинъ изъ лучшихъ дней сего семейства.

Какая противоположность на другой стѣнѣ! Тамъ видны приготовленія для похоронъ и балъзамированія тѣла. Далѣе — тѣло положенное въ лодку. Жена и дочь, которыя были на рыбной ловлѣ, опять здѣсь появляются, но самого рыболова нѣтъ уже. Жена предается опчальнiю, дочь орошаетъ гробъ слезами. Вскорѣ опвязываютъ лодку опъ берега, и мы видимъ со всѣхъ сторонъ бѣгущихъ друзей умершаго, которые въ знакъ соболъзнованія покрываютъ

главу свою руками. Наконецъ лодка съ умершимъ достигаетъ дверей гробницы, той самой, на кошпоре сидя, нашъ путешественникъ, внимательный, неподвижный, обращаясь мыслями къ собственному семейству, размышлялъ о несчастіяхъ, забытыхъ въ печеніи слишкомъ зоолафть.

Подобныя сцены были бы очаровательны въ сказкѣ Араба; онъ заспавляютъ размышлять въ книгѣ Философической, онъ прельщаютъ, прогаютъ въ рассказѣ путешественника, заспавляя въ то же время любятъ его.

Но последуемъ за Г. Калмид на первомъ его пути въ Сіую. Восхищенный рассказами поэтовъ каравана, прошедъ спрану, покрытую окаменѣлыми пальмами и представляющую лѣсъ мраморной, онъ достигаетъ наконецъ города, коего обыкновенія, нравы и образъ правленія равно его удивляютъ. Этотъ городъ, именуемый Сіуа, раздѣленъ на двѣ части: одна обитается холоспыми, другая женапыми. Всякой возмужавшій мальчикъ переселяется изъ дому родительскаго въ городъ холоспяковъ, и живетъ тамъ до женитьбы. Вдовецъ также оставляетъ свой домъ, и не прежде возвращается въ оный, какъ выбравъ себѣ подругу. Видъ сего города не

менѣ спраненъ, какъ и обыкновеніа онаго. Всѣ жилища построены, спѣна къ спѣнѣ, на скалѣ конической фигуры, такъ что онѣ всѣ являющіяся однимъ пирамидальнымъ строеніемъ, окруженнымъ спѣнами съ высокими чешвероугольными и круглыми башнями. Внутри нѣтъ улицъ, но тѣсныя, круныя проходы, со множайшими поворотами, какъ въ муравейникѣ. Свѣтъ никогда не проникаетъ въ оныя, и жители могутъ ходить тамъ только съ лампами.

Управление сего города вѣрено 12 Шеикамъ, изъ коихъ каждыя шестъ избираются ежегодно народомъ. Всѣ дѣла рѣшающія публично. Разсуждаютъ посреди толпы, которая сама участвуетъ въ разбираемьствѣ дѣла, но только можетъ говорить. Народъ говоритъ, совѣтъ слушаетъ, разсуждаетъ и дѣлаетъ рѣшеніе.

Кажется читаетъ страницу изъ республики Платоновой, или Плутархова разсужденія о Лакедемонѣ, — между тѣмъ какъ дѣло идетъ о покольнїи дикомъ, потерянномъ въ пустынѣ. Но здѣсь и оканчивается хорошее. Совершенное правленіе нигдѣ не существуетъ, ниже у варваровъ, гдѣ мы ищемъ иногда себѣ образца. Просвѣщеніемъ изкореняется суевѣріе,

уничтожающа предразсудки; но и въ Африкѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, есть люди которые питаются оными. Сладостныя картины счастья и независимости вскорѣ исчезаютъ предъ нами. На ихъ мѣстѣ являются жестокія обыкновенія, ужасныя преимущества, рабство женъ, всегдашнимъ сдѣланнымъ коего бываетъ уничтоженіе челоука, и полииическое преимущество жрецовъ. Даже самая ихъ религія, назначенная для смягченія нравовъ челоука; возбуждаетъ ихъ ненависть и вызываетъ на бунту. Эти варвары рѣжутъ другъ друга среди своихъ преній, какъ будто бы были просвѣщены; правда, они вѣруютъ Корану. —

Итакъ, перейдемъ къ прешней части сочиненія Г-на Калмю, въ коей заключается походъ Измаиль-Паши въ Египцію, т. е. въ страны, неизвѣстныя со времени Фараоновъ. Здѣсь счастье на сторонѣ Г. Калмю, ибо оно дастъ ему пушеводители — войско, а опорю — завоевателя. Отъ того занимательность его пушешествія увеличивается еще странностью походовъ его защитника. Сдѣлавшись Испорикомъ замѣчательнаго похода, Калмю описываетъ движенія войскъ, варварство солдатъ, ухищренія начальниковъ и несчастія народовъ. Это

другая Илиада, гдѣ прелесни Елены замѣнены яркими глазками золошой руды, кошорую щещно ошыскываешъ Изманль, заняшый единственнo сей мыслию; онъ даетъ множество сраженій, изъ коихъ Г. Калліо особенно спарается выказашъ сраженіе Кан-Киэ, славное въ Еоіопіи, но кошорое едва ли надѣлаешъ у насъ много шума. На полѣ битвы погибло только 800 челов., а наша Европа сполько образована, что не удостоилтъ шакою незначительную удачу большою славою. Посему я не буду описывашъ сего сраженія, а сошлюсь на книгу Г. Калліо для тѣхъ, кои пожелади бы знашъ, какъ убивающъ людей со славою въ Еоіопіи. Тамъ они увидяшъ, какъ молодая дѣвушка, сидя на богато убранномъ верблюдѣ, подаетъ знакъ къ сраженію, выходя подобно Менспредлю Тайлеферу въ битвѣ Гаспингской, на средину обѣихъ армій и воспѣвая счастье побѣды и славу смерти.

Такимъ образомъ Г. Калліо, послѣ многихъ сраженій, достигнулъ развалины древняго Мерое. Онъ былъ тамъ одинъ; взоры его искали города, и находили только гробницы. Тамъ покояшся умершія поколѣнія: послѣ 30 вѣковъ они въ шакомъ еще положеніи, какъ смерть ихъ заснигла: думаешъ, что они вчера

только погибли. Близъ сихъ кладбищъ находился огромный храмъ, хранимый шестью львами, кои соснавлиающъ родъ входа, продолжавшагося безъ сомнѣнiя къ городу. Гробницы, въ коихъ покоишся сей народъ, храмъ, въ коемъ онъ молился: вошь все, что опъ него оспалось! Сколь непонятна участь человека? Здѣсь жили народы, коихъ Иешорiя позабыла; они опустошили свѣтъ, наполняя его своей славою, и послѣ столькихъ подвиговъ, однѣ мертвыя шѣла и мысль о Богѣ оспалюща знаками ихъ существованiя.

Г. Каллибъ былъ нѣсколько дней между сими развалинами: онъ ожидалъ войска Измайлова, но въ щепномъ ожиданiи нашъ путешественникъ потерялъ терпѣнiе и послѣдуемый нѣсколькими рабами, — пустился къ Ни-лу (Бѣлой рѣкѣ), вершины коего не могъ однакожь достигнуть. Зрѣлище, которое являющъ берега сей рѣки, доставляющъ предметъ для размышленiя. То съ трудомъ проходилъ онъ обширныя пущыни, по плавень въ ушлой лодкѣ, и съ распроганнымъ чувствомъ наблюдаешъ сіи лѣса, кои никогда не укрывали человека подъ снѣгою своею. Гдѣ нѣкогда гремѣла слава Фараоновъ, тамъ видимъ только природу дикую.

Акація, Небкасы, (Nebkas) и другія рѣдкія растѣнія соснавлили такую непроницаемую преграду, чрезъ которую развѣ только сѣкира могла проложить путь свой.

„Удары весель, говоритъ Г. Камліо, и шумъ воды, по коей скользила наша лодка, ужасали обитателей рѣки. Крокодилы, которые съ издавна клали въ мирѣ свои лица на сихъ пустынныхъ берегахъ, быстро возвращались въ оную. Живые и безпокойные бегемоты плыли сподами вокругъ лодки, и ревомъ своимъ, казалось, упрекали насъ въ нарушеніи ихъ покоя. Попугайчики, цесарки, ибисы, и множество птицъ яркихъ цвѣтовъ оглушали своимъ крикомъ. Обезьяны кривлялись и прыгали по деревьямъ, гіены, дикіе ослы, камелеopardы, слоны, показывались по обѣимъ сторонамъ рѣки, какъ царя сихъ львовъ. Но взрывъ пороха, въ первой разѣ ими слышанный, заставлялъ ихъ въ величайшемъ страхѣ скрываться въ неприступные свои вершепы. — Такое зрѣлище было совершенно для насъ ново.

„По рѣкѣ плыли бамбукъ, черное дерево, и другія драгоценныя деревья; по брегамъ оной я видѣлъ необыкновенныя улишки, растѣнія и насѣкомыхъ, которые доселѣ укрывались отъ взоровъ естественныхъ жителей. Я

собрала множество сихъ новыхъ богатствъ, коими природа здѣсь преизобилуетъ.“

И такъ, сіи древнія страны, коды бѣль образованности Египта и, можетъ бытъ, всего свѣта, являющъ нынѣ въ шакомъ же видѣ какъ дѣвственные пустыни Америки. Гдѣ жили образованные народы, тамъ я нахожу теперь только дикія орды: народы умерли вмѣстѣ съ Науками, искусствами и нравами. Вездѣ невѣжествомъ производится варварство, а варварство все опустошаетъ. Гдѣ человекъ перестаетъ мыслить, тамъ онъ перестаетъ владычествовать. Кругъ его власти ограничивается вмѣстѣ съ кругомъ его познаній; иногда приходитъ время, что грубая природа все подчиняетъ правамъ своимъ и возвращаетъ живопнымъ жезлъ власти, упадающій изъ рукъ человека.

Еме-Мартень. (А. Ш. Изв. J. d. d.)

Ручный Словарь Россійско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Россійскій, сочиненный по Словарю Россійской Академіи И. А. Э. Шмитомъ, Лекторомъ Рускаго и Ногрегческаго языковъ при Лейпцигскомъ Университетѣ. Лейпцигъ. Стереотипное издание, въ м. 8. 1 томъ. Русіфсches und Deutsch-Rusіfches Handwörterbuch etc. v. J. U. E. Schmidt.

Справедливость обязываесть рецензента съ самаго начала объявить, что онъ разсмаприваль сей новый ручной словарь, какъ произведеніе иностранца, взоромъ недовърчивой внимательности и какого-шо, впрочемъ весьма позволительнаго, предубѣжденія въ пользу русскихъ лексикографовъ; но не могъ найти ни одной *основательной* причины быть имъ недовольнымъ. Сознаваясь въ своей ошибкѣ, для него шѣмъ пріятнѣе воспользовашься случаемъ зарладить оную публичнымъ изъявленіемъ совершенной благодарности Нѣмецкому ученому за составленіе такой книги, которая, какъ для насъ Русскихъ, такъ и для иностранцевъ, есть равно полезный подарокъ, а по достоинствамъ

своимъ, въ отношеніи Филологическомъ и Типографическомъ, она, конечно, займешь не послѣднее мѣсто въ ряду хорошихъ книгъ по части Лексикографіи вообще.

Дѣло мастера боится! У насъ безпрестанно выдають цѣлые томы лексиконовъ *всякихъ*, и нѣтъ ни одного изъ нихъ вполне удовлетворительнаго, ни одного соотвѣтствующаго своему назначенію: въ этой небольшой книжкѣ, весьма красиваго формата и совсѣмъ неполновѣсной, читатели найдуть все, чего можно желать отъ исправнаго и полнаго словаря, кромѣ Фразеологіи, не входившей въ планъ сего изданія, но въ кошорой впрочемъ и нѣтъ существенной надобности. — Рец. имѣлъ уже случай замѣтить прежде, въ разборѣ Словаря книгопродавца Глазунова, что простое количество словъ отнюдь не составляетъ ни совершенства, ни полноты книгъ такого рода; теперь въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на сей трудъ Г-на Шмидта, которій сосланивъ, повторимъ, изъ одной только книги и имѣетъ все сіи качества. Онъ раздѣленъ на двѣ почти равныя части, — первая заключаетъ Сло-

варь Россійско-Нѣмецкѣй, вторая Нѣмецко-Россійскѣй; такимъ образомъ на пространствѣ не болѣе 730 страницъ, оппечатаанныхъ въ при колонны чешкими и прекрасными лиферами, помѣщены всѣ употребительнѣйшія слова и рѣченія языковъ Русскаго и Нѣмецкаго, съ соблюденіемъ припомъ возможнаго систематическаго порядка въ ихъ расположеніи и при тщательномъ сохраненіи точности въ переводъ и объясненіи оныхъ на помъ и другомъ языкѣ. Сверхъ того въ концѣ, кромѣ росписи собственныхъ именъ, приложены довольно ясныя правила спряженій глаголовъ Русскихъ и Нѣмецкихъ. —

Для вѣрнѣйшаго опредѣленія словъ Г. Ш. руководствовался, какъ самъ говоритъ въ предисловіи, Словаремъ Россійск. Академіи (послед. изд); но, при внимательномъ разсмотрѣніи его книги, легко можно замѣтитъ, что онъ не во всѣхъ случаяхъ придерживался сего единственнаго для него источника, — а вездѣ, гдѣ только имѣлъ причины сомнѣваться, прибѣгалъ къ совѣшамъ здравой критики и полагался болѣе на собственное просвѣщенное знаніе нашего языка. (Го.

воримъ просвѣщенное для опшличія опъ знанія *механическаго*, въ кошоромъ Г. Шм., можешь бышь, много усшущаеть нашимъ Компиляшорамъ-Филологамъ). Опъ такою удвоеннаго, можно сказашь, вниманія Авшора къ предмету и безъ того шрудному, книга его классическаго достоинства и въ ученомъ опношеніи имѣеть значительную цѣну даже и для насъ Рускихъ. Примѣтно также стараніе Г. Шм. очистишь шрудъ свой опъ обветшалыхъ, часшю неупотребительныхъ или вовсе не нужныхъ словъ языка нашего, и хотя въ семъ случаѣ онъ не совсѣмъ достигнулъ своей цѣли, кошорая достушна только Рускому, но не менѣе того мы обязаны, сказашь объ эшомъ, дабы опдаць ему полную справедливосшь, въ шомъ что и сіе обстоятельство не было имъ выпущено изъ виду.

Впрочемъ разумѣется само собою, что възыскаемость наша должна бышь въ границахъ умѣренности при разсмащиваніи шакой книги, кошорая въ главномъ своемъ составѣ можешь ожидать своего совершенства только опъ Рускаго Литерашора и пошому принадлежать непо-

средственно къ Императору Руской. Да и спранно было бы требованъ оныя иностранца шого, чего и сами мы еще не сдѣлали. Поснараемъ лучше быль признательными и успраивъ всякое предубѣжденіе, повторимъ благодарность свою Г. Шмишу за его весьма хорошую и въ своемъ родѣ едва ли наилучшую у насъ книгу. Рецензентъ смѣло рекомендуетъ ее всѣмъ шѣмъ, кошорыхъ упражненія или занятія предполагають надобность въ подобномъ учебномъ пособіи. Желаящіе могутъ получить сей Словарь чрезъ книгопродавца Грѣфа въ С. Петербургѣ, не болѣе какъ за 12 рублей; въ хорошемъ переплетѣ — цѣна весьма дешевая въ сравненіи съ нѣкоторыми Русскими цѣнами.

* *

С М Ъ С Ъ.

О жизни и сочиненіяхъ Адама Смита.

Соч. Гарнье.

Адамъ Смитъ родился въ Киркальди, небольшомъ городкѣ графства Файфскаго въ Шотландіи, 5 Іюня, 1723 года, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ по смерти своего отца, управлявшаго должностію Контролера при Таможнѣ.

По прѣшнему году, играя передъ домомъ дяди своего въ Спратхенти (Strathenty), онъ былъ похищенъ шайкою угольщиковъ. Къ счастью дядю уведомили о семъ во время, погнались за похитителями и настигли ихъ въ Леслѣйскомъ лѣсу. Если бы опоздали нѣсколькими минушами, то неизвѣстная и бродяжническая жизнь была бы удѣломъ Генія, коего природа создала для произведенія переворота въ торговой системѣ Европы, — переворота, имѣвшаго благотворное вліяніе на нравственную и политическія сношенія народовъ и на спокойствіе міра.

Изъ Киркальдѣйскаго училища перешелъ онъ ни четырнадцатомъ году въ Глазговской Университетъ, въ коемъ пробылъ три года и потомъ вступилъ въ Байлельскую Коллегію (College of

Baillol) въ Оксфордѣ училелемъ по Снел-левой методѣ.

Пробывъ семь лѣтъ въ Оксфордѣ, онъ возвратился въ Киркалди и жилъ здѣсь два года съ маперью; потомъ поселился въ Эдимбургѣ и началъ въ 1748 году преподавать Риторикѣ и Изящныя Науки.

Будучи избранъ въ 1751 году Профессоромъ Логикѣ въ Университетъ Глазговскій, онъ на слѣдующій же годъ отправился занять ту кафедру Правствен-ной Философїи, которую столько прославилъ *Гутчесонъ*.

Въ сіе - то время началъ онъ преподавать науку Государственнаго хозяйства, раскрышную имъ послѣ въ своихъ *Измѣдованїяхъ о богатствѣ народовъ*, и ту остроумную систему нравоученія, коей начала изложены имъ въ *Теорїи нравственныхъ чувствованій*.

Въ началѣ 1759 года вышло первое изданіе сего послѣдняго сочиненія, которое принято было съ величайшимъ одобреніемъ и дало Автору мѣсто между отличнѣйшими людьми того времени.

Въ концѣ 1765 года, желая видѣть государства швердой земли, согласился онъ на неопстунныя просьбы молодого Герцога *Буклейга* (Bussleugh) соупшснновать ему въ путешествїяхъ,

и, послѣ принадлежавшихъ занятій, оставилъ кафедру въ Глазговѣ и отправился въ Лондонъ. Черезъ нѣсколько времени повѣхалъ онъ съ своимъ воспитанникомъ во Францію и весною 1764 года прибылъ въ Парижъ, въ коемъ на эпошъ разъ прожили они не болѣе десяти или двѣнадцати дней, покомъ продолжали путь свой въ Тулузу, гдѣ провели 18 мѣсяцевъ. Изъ Тулузы отправился въ Женеву, посѣтивъ на пути своемъ южныя провинціи Франціи.

Въ семь-мѣ путешествіи собраны Сминомъ извѣстія о внутреннемъ состояніи сего государства, находящіяся въ его *Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ*; онъ споль свяшо уважалъ истину, что позволялъ себѣ приводить только собственныя свои наблюденія, а это придаетъ великое достоинство тѣмъ примѣрамъ, коими онъ подкрѣпляетъ свои правила. Всегда въ опечесствѣ своемъ, Шотландіи, находилъ онъ случаи, имъ приводимые. Выспавляя въ примѣръ Университетъ, онъ говорилъ о Глазговскомъ; ссылаясь на городъ, въ коемъ есть Парламентъ, онъ указываетъ на Тулузу; упоминая о церкви Кальвинистовъ, представляя въ примѣръ Женевскую, а во всѣхъ сихъ мѣстахъ онъ жилъ нѣсколько времени. Когда жъ при случаѣ говорилъ онъ о сораз-

мѣрномъ богатствѣ Франціи, сравнивая оное съ богатствомъ Англіи; тогда, не смотря на то, что прожилъ цѣлыхъ три года въ первомъ государствѣ и, безъ сомнѣнія, дѣлалъ наблюденія съ тою прозорливостію и благоразуміемъ, о конхъ сказано выше, — онъ не осмѣливается однако же положительно рѣшить столь сложнаго вопроса, который нынѣшніе такъ называемые ученые разрѣшаютъ однимъ словомъ.

Смись съ воспитанникомъ своимъ возвратились въ Парижъ въ Декабрѣ 1765 года и пробыли въ немъ до Октября 1766 года. Сіе почти годичное пребываніе подало случай Англійскому ученому войти въ связи съ отличнѣйшими людьми, жившими въ то время въ столицѣ. Онъ съ отличною лаской принялъ былъ Госпожею *д'Анеиль* и достойнымъ сыномъ ея, добродѣтельнымъ *Рошфуко*. Въ семь домъ онъ обшкновенно бѣсѣдовалъ съ *Тюрго* и *Неснеемъ*, главами школы Экономистовъ. Если лекціи ихъ различествовали отъ шѣхъ, кои Профессоръ Глазговскій преподавалъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, — то, по крайней мѣрѣ, шѣ и другія имѣли одинакую цѣль и сходствоваали между собою величіемъ правль, кои, благородствуя торговлю, увеличивали могущество оной. Смись

всегда дорожилъ сими связями, и если бы смерть Кеснея не помѣшала ему въ намѣреніи, то сочиненіе о Государственномъ Хозяйствѣ, столько прославившее его имя, посвящено было бы сему ученому.

По испеченіи прехъ лѣтъ, проведенныхъ въ путешествіи и разсѣяніи, Смишь, побуждаемый, вѣроятно, необходимостію привести къ окончанію долговременныя свои изслѣдованія и множество собранныхъ имъ случаевъ, скрылся въ уединеніи и прожилъ десять лѣтъ на своей родинѣ, не смотря на усиленныя просьбы друзей своихъ, и въ особеннсти Юма, который неопустуно просилъ его возвратиться въ Лондонъ.

Наконецъ, въ началѣ 1776 года, вышли его *Изслѣдованія о свойствахъ и причинахъ богатства народовъ* (Inquiries into the nature and causes of the wealth of nations). Сочиненіе сіе есть истинный оппечатокъ его генія по глубокости изслѣдованій, важности наблюдений и въ особеннсти по множеству замѣчаній, разительныхъ своею новостію и справедливостію, по соображеніямъ любопытнымъ и остроумнымъ, по отношеніямъ, кои до него не были замѣчены и кои тѣмъ большаго заслуживаютъ удивленія и тѣмъ болѣе удо-

внешворяють, что суть предметны самыя обыкновенныя въ жизни. Взавшись разрѣшить вопросъ, онъ осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ и осматриваетъ не прежде, какъ разрѣшивъ оный и достигнувъ того предѣла, за коимъ начинается многословіе. Естественная связь доказательствъ, простота оборотовъ, ясность выраженій и безприспращная строгость, съ кою сравниваетъ онъ случаи и противорѣчія, особенно въ послѣднемъ его сочиненіи, убѣждаютъ читателя и внушаютъ довѣренность къ автору. Слогъ у него простой, но не небрежной; часно жаловался онъ на то, что не могъ выразить мыслей своихъ такъ, какъ ему хотѣлось, и завидовалъ въ сей счастливой способности Юму, коего рукописи печатались почти безъ поправокъ.

Нѣкоторыя хотѣли лишить Смиа славы бытъ изобрѣшателемъ своей науки, предполагая найти правила оной въ сочиненіяхъ, вышедшихъ до изданія его *Исслѣдованій*. Дѣло возможное, что писатели, размышлявшіе объ одномъ съ нимъ предметѣ, замѣтили нѣкоторыя истины, составляющія сію науку. Но кто изъ нихъ собралъ сіи истины и привелъ къ одному началу? Кто позналъ отношенія ихъ, и, подчинивъ ихъ взаимно, составилъ систему? Про-

межушокъ между сими писателями и твореніемъ Смита столь великъ, что трудно оный измѣрить.

Г. *Дюгальдъ Стюартъ*, занявшій послѣ *Смита* кафедру Нравственнѣйшей Философіи въ Глазговѣ, и собравшій большую часть извѣстій о знаменимомъ своемъ предшественникѣ, сильными доводами опровергнувъ сіе ложное предположеніе. Всѣ согласны въ томъ, что Профессоръ Англійской началъ читать свои лекціи о Политической Экономіи въ 1752 и 1753 годахъ, за много лѣтъ до изданія сочиненій, въ коихъ предполагали открыты источникъ оныхъ. Между прочимъ онъ говорилъ, что благопріятный случай доставилъ ему рукопись, самаго Смита въ 1755 году, представленную имъ въ одно Общество, коего онъ тогда былъ Членомъ. „Сіе сочиненіе, говоритъ Г. *Стюартъ*, „есть безцѣнный памятникъ успѣховъ, сдѣланныхъ еще въ молодыхъ лѣтахъ Смитомъ, въ наукѣ Государственнаго Хозяйства. Многія важнѣйшія мысли, обнародованныя имъ въ послѣдствіи въ *Исслѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ*, изложены въ сей рукописи подробно. Въ ономъ сочиненіи замѣчательно между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Чтобы Государство, находящееся на послѣдней степе-

„пени варварства, возвести на высшую степень благосостоянія, нужны только три вещи: спокойствіе, умеренныя подати и управленіе правосудное. Все остальное приметъ естественный ходъ.

Сія новая теорія Государственнаго Хозяйства встрѣтила не мало противниковъ. Она согласовалась въ результатахъ съ теоріею Французскихъ Экономистовъ; но какъ она шла къ цѣли своей совсемъ инымъ путемъ, основываясь на правилахъ простыхъ и очевидныхъ, а не на произвольныхъ понятияхъ, не была насыщена формулами и выраженіями мистическими, — то и не представляла, подобно другимъ наукамъ, поводовъ къ единоборству критическому и къ оспрошамъ. Хотя Смитъ пятнадцатью только годами пережилъ первое изданіе своего сочиненія, но и въ столь краткое время имѣлъ удовольствіе замѣтить вліяніе его на торговую политику своего отечества.

По изданіи своего сочиненія, онъ два года прожилъ въ Лондонѣ. Въ сіе время воспитанникъ его, Герцогъ Буклейскій, исполненный къ нему истиннаго уваженія, доставилъ ему должность таможеннаго пристава въ Шотландіи. Это побудило его отправиться въ Эдмбургъ. Здѣсь провелъ онъ остальные

двѣнадцать лѣтъ своей жизни, пользуясь доходами, кои, превышая его нужды, подавали ему средства удовлетворять своей склонности къ благошвореніямъ и симъ только давали ему чувствоваться свою цѣну. По смерти его открылось, что онъ на тайныя благошворенія издерживалъ ежегодно значительныя суммы.

Мать, съ кою обращался онъ съ почтеніемъ истинно сыновнимъ, и двоюродная сестра его, дѣвица *Дугласъ*, составляли все его сѣмейство. Первая умерла въ 1784 году, а вторая чрезъ чепыре года послѣ нее. Потеря сихъ двухъ особъ, бывшихъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ всегдашними предметами его привязанности, оставивъ его одинокимъ въ свѣтѣ, породила въ немъ меланхолію, производшую вскорѣ болѣзнь. Давно хотѣлъ онъ привести въ порядокъ собранныя имъ матеріалы и послѣ издать ихъ; но ослабѣвавшее со дня на день здравье не дозволило ему исполнить сего намѣренія. За нѣсколько времени до своей смерти, чувствуя конецъ свой, онъ хотѣлъ непременно, чтобъ всѣ его рукописи были истреблены. Изъ сообщенныхъ Докторомъ Гушпономъ извѣстій видно, что онъ былъ швердъ въ семь намѣреній; ибо, имѣвъ надобность за нѣсколько времени

до своей смерти, съездивъ въ Лондонъ, онъ просилъ друзей своихъ сжечь его рукописи, не исключая даже нѣкоторыхъ опытовъ, вѣренныхъ имъ. По возвращеніи домой, видя себя при концѣ дней своихъ, онъ разговаривалъ о семъ же предметѣ съ окружавшими его. Его просили не беспокоиться, увѣряя, что воля его будетъ исполнена. Тогда онъ, казалось, успокоился. Но чрезъ нѣсколько дней, почувствовавъ, что просьбы его не будутъ уважены, онъ упросилъ бывшихъ шутъ сжечь немедленно рукописи, обреченныя на гибель. Повелѣніе было немедленно исполнено, и душа его такъ облегчилась, что онъ въ пошъ же вечеръ принималъ къ себѣ друзей съ прежнимъ равнодушіемъ.

Эпошъ приговоръ, произнесенный имъ надъ нѣкоторыми изъ своихъ сочиненій, не былъ слѣдствіемъ минушной рѣшимости. Еще въ 1773 году, располагаясь ѣхать въ Лондонъ, писалъ онъ изъ Эдинбурга къ другу своему Юму, прося его бросить въ огонь, не смотря, означенныя имъ рукописи, кромѣ отрывковъ объ *Исторіи Астрономіи*.

Что было причиною такого поступка? Заботливостъ ли объ ученой славѣ, или опасеніе, чтобъ другіе не употребили во зло нѣкоторыхъ его мыслей, еще не совсѣмъ раскрытыхъ? —

рѣшишь трудно. Правда, что въ сихъ рукописяхъ заключались лекціи его о Религіи и Естественномъ Правѣ, кои преподавалъ онъ въ Глазгоу; но шуще были также и уроки Ришорики и Наукъ Изящныхъ, преподанныя имъ въ Эдимбургѣ въ 1748 году, изъ коихъ, какъ видно, почерпалъ *Блеръ*. (Курсъ Словесности, томъ 2 й).

Смитъ умеръ въ Юль 1790 года отъ хронической обспрукціи во внутреннихъ, причинявшей ему жесточайшія мученія; но его совершенная покорность Провидѣнію и соболѣзнованія усладили его спраданія.

Изъ сего краткаго описанія ясно видно, что нѣжность сыновняя, любовь къ опечеству, привязанность къ семейству, великодушіе въ несчастіяхъ, спараніе скрывать свои благодѣянія и благоговѣніе къ истинѣ составляли добродѣтели, украшавшія жизнь *Адама Смита*. Нравъ его былъ крошкой, ровной, довольно веселой. Простота была главною чертою въ его характерѣ. Неспособный жить въ большемъ свѣтѣ, увлекаемый склонностію къ размышленію, часто разсѣянный, онъ въ общество приносилъ съ собою шу неловкость, которая доказывала, какъ трудно ему было оставить невинныя свои привычки, и которая напоминаетъ

знаменистаго *добраго чловека*, лучшее украшеніе вѣка Людовика XIV.

Сочиненія, оставшіяся по смерти его и изданныя Докторами Гупшономъ и Блакомъ, исполнителями его завѣщанія, суть слѣдующія :

Опытокъ изъ сочиненія *оначалахъ*, возбуждающихъ и направляющихъ философскія изслѣдованія. Авторъ началъ объяснять сіи правила исторіею Астрономіи, исторіею Физики, Логики и Метафизики у древнихъ : это единственные матеріалы, оставшіеся отъ сего сочиненія.

Опытъ о свойствахъ *подражанія*, къ коему стремятся *подражательныя искусства*, и

Опытъ о *внѣшнихъ чувствахъ*.

Сочиненія же Смита, изданныя имъ при жизни, суть слѣдующія :

1. *Дѣв литературныхъ статей*, помѣщенные въ Эдинбургскомъ Журналѣ 1755 года.

2. *Теорія нравственныхъ чувствованій*, коею одно изданіе выдано за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти и къ коей онъ во время болѣзни сдѣлалъ значительныя прибавленія. Въ семь послѣднемъ изданіи Смитъ, изъ уваженія къ имени Рошфуко, выкинулъ все, что было оскорбительнаго для Автора *нрав-*

ственныхъ правилъ въ первыхъ изданіяхъ сего сочиненія.

3. *Разсужденіе о происхожденіи языковъ*, которое вышло въ первый разъ въ слѣдъ за Теоріею нравственныхъ чувствованій.

4. Наконецъ его *Изслѣдованій о свойствахъ и причинахъ богатства народовъ* вышло еще при жизни его пять изданій. Варіанты сихъ разныхъ изданій означены имъ самимъ въ предисловіяхъ къ шрешьему и четвертому изданіямъ.

Съ Французск. П. Ар. — въ.

Издатель Московскаго Вѣстника искренно благодаритъ неизвѣстнаго, приславшаго къ нему Стихотворенія С. и П., и жалеетъ, что не можетъ напечатать оного по причинамъ особеннымъ.

Отрывки изъ

Китайскаго романа, переведеннаго
Г-мъ Абель-Ремюза: Ю-Кiao-Ли или
Двоюродныя сестры.

(*Iu-Kiao-Li ou Les deux cousines, roman
Chinois, traduit par M-r Abel Rémuzat. Pa-
ris, chez Moutardier. 1826. 4 vol. in 12*).

Въ лѣта всеобщей правоты, т. е. между 1456 и 1450 годомъ нашего лѣтосчисленія, жилъ въ Китаѣ ученой, именемъ Пе. Не одобряя поступка Вангчина, похипившаго пронь, онъ удалился отъ дѣлъ и жилъ въ своемъ помѣстьѣ. Ему было уже сорокъ лѣтъ; онъ былъ богатъ и пользовался общимъ уваженіемъ; но одно обстоятельство сокрушало его — онъ не имѣлъ сына. Усердно молился онъ геніямъ, въ жертву имъ сожигалъ благовопія, дѣлалъ имъ обѣщанья, и наконецъ первая жена его оказалась беременною и родила дочь, названную Хунжіу или красная яшма.

Сія Хунжіу, главная героиня романа, получила отъ природы дары самыя рѣдкіе. Брови ея подобны лиственкамъ весенней ивы, глаза — осеннимъ водамъ источника. Но болѣе всего способности умственныя и качества сѣрдца отличаютъ ее. Пятнадцати лѣтъ она уже

знакома съ книгами и прекрасно пишеть стихи. Нѣжно любя дочь свою, Пе только о томъ и думаетъ, какъ бы найши ей супруга достойнаго, т. е. молодаго человека, опличнаго свѣдѣнми. Между тѣмъ политическія обстоятельства низвергнули Вангчина съ престоломъ: Пе снова вступаетъ въ должность и возвращается ко двору, надѣясь тамъ найши себѣ хорошаго зятя. Одинъ главный смотритель (Inspecteur général), по имени Янгъ, бывъ однажды у Пе вмѣстѣ съ Докторомъ Гу, шуриномъ его, нечаянно увидѣлъ стихи Хунжіу и такъ плѣнился ихъ красою, что рѣшается женить на Хунжіу сына своего. Но этотъ Янгъ человекъ криводушный, зависливый, коварный, а сынъ его Янгъ-Фангъ — несмысленный. И такъ надобно обмануть отца дѣвицы Хунжіу на счетъ достоинства молодаго человека. Поручено одному Астрологу взять всѣ нужныя къ тому дѣлы, увѣривъ Пе, что звезда Янгъ-Фанга знаменуетъ необыкновенныя ученія дарованія и великіе успѣхи. Но Пе человекъ опмѣнно благоразумной. Онъ хочетъ собственнымъ опытомъ увѣриться въ способности жениха и проситъ своего шурина Гу пригласить къ себѣ на обѣдъ отца съ сыномъ. Докторъ соглашается, и слѣдуетъ сцена, которую выписы-

ваемъ и которая дастъ понятіе объ
обычаяхъ Кипайскаго общества.

„Услышавъ, что Докторъ Гу про-
силь его на обѣдъ, Янгъ пришелъ въ
восхищеніе отъ радости. Онъ думалъ :
еслибъ простодушный Пе не повѣрилъ
рѣчамъ Лиаошеинга (аспролога), за-
чѣмъ бы старику Пе приглашать меня
съ сыномъ? Вижу, дѣло идетъ на ладъ,
и свадьба будетъ сыграна. Одно ме-
ня тревожитъ : я знаю — сынъ мой
почти не имѣетъ способностей, и бо-
юсь, чтобы у него съ языка не сорва-
лось чего-нибудь такого, что выве-
детъ насъ на чистую воду. Хотѣлось
бы мнѣ найти предлогъ и оставить
его дома! да боюсь, чтобы это не по-
дало подозрѣнія старику Пе.“

Сія мысль смѣнилась другими въ
головѣ Янга. „Нѣтъ!“ говорилъ онъ про
себя „ничто не мѣшаетъ сыну идти
со мною. Малой онъ видной, сверхъ
того получилъ уже апшесшашъ, и я
не думаю, чтобы его закосѣли экза-
меновашъ за споломъ.“ И такъ онъ
принялъ предложеніе и ошвѣчалъ, что
будетъ съ сыномъ.“

„Опшусивъ слугу, онъ позвалъ
Янгъ - Фанга, велѣлъ ему бытьъ гошо-
вымъ и далъ нѣсколько совѣтовъ. „Ког-
да будешь въ домъ,“ сказалъ онъ ему,
„покажи себя какъ можно скромнѣй и

„учпивъе, говори меньше, а ежели
 „тебя заспавяшь написашь что-нибудь
 „или сочинилъ спихи, ошвѣчай просто:
 „какъ осмѣлюсь сдѣлать это при ба-
 „тюшкѣ?“

„Янгъ - Фангъ общался слѣдовашь
 его наставленіямъ. Надобно сказашь
 чипапеламъ, что онъ получилъ ошъ
 природы прекрасный характеръ, шѣло,
 довольно шучное, но вмѣстѣ съ шѣмъ
 и чрезвычайную шупосшь. Кой-какими
 способами получилъ онъ аптесшашъ;
 но еслибы кто хотѣлъ узнатьь хотъ
 нѣсколько словъ изъ чипаннаго имъ на
 экзаменъ, шо думаю, онъ и одного бы
 не вспомнилъ.“

„Въ назначенный день, въ часъ по-
 лудня, Докторъ Гу послалъ слугу на-
 помняшь Господину Янгу о своемъ при-
 глашеніи, и Янгъ отправился верхомъ съ
 сыномъ. Не ужь давно былъ тамъ. Какъ
 скоро доложили, что приѣхалъ главный
 Инспекторъ, Гу поспѣшно вышелъ на
 встрѣчу гостямъ и ввелъ ихъ въ ком-
 нашы. Не и Янгъ первые привѣтшество-
 вали другъ друга. Три раза Янгъ хотѣлъ
 усшунить почешное мѣсто Господину Пе,
 шри раза отказывался сей послѣдній. —
 „Я пришелъ сюда“ сказалъ онъ „съ шѣмъ
 „чтобы имѣшь честь служить Вамъ и
 „наслаждашья Вашей бесѣдою; сверхъ

„шого мнѣ въ госляхъ у моего родственника: я никакъ не могу согласиться...“

„И такъ Янгъ долженъ былъ взять почешное мѣсто, и когда Докшоръ Гу поклонился ему, настала очередь Янгъ-Фанга привѣтствовать Пе. Сей послѣдній и ему хотѣлъ уступить свое мѣсто, но Янгъ-Фангъ тотчасъ отказался, прибавивъ: „Какъ осмѣлюсь сдѣлать „это при бабюшкѣ?““

„Янгъ послѣдно отвѣлъ Пе въ спорону и сказалъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, „милосливый государь! это нейдетъ. „Молодые люди должны помнить свою „обязанность.““

Пе не могъ занять мѣста ниже; обряды кончились, всѣ усѣлись: Янгъ на правомъ мѣстѣ къ Востоку, Пе на первомъ къ Западу, Янгъ-Фангъ съ другой стороны напрашивъ ихъ, а Докшоръ Гу подлѣ Пе, на спулѣ, подвинувъ его къ обществу. Принесли чаю, и Янгъ сказалъ Докшору: „Мы „очень издали знали другъ друга. Чему „обязанъ я честію, которую вы мнѣ „сегодня сдѣлали, пригласивъ меня?““

„Съ тѣхъ поръ какъ вашъ сынъ въ „сполицѣ“ отвѣчалъ Гу „я еще не имѣлъ „счастія видѣть его у себя. Этого „обѣдъ сдѣланъ больше для него, нежели „для васъ.““

«Это слишкомъ легко» сказала Гу, «прибавьте, пожалуйста, еще какое-нибудь условіе помудренѣе.»

«Слово задано, перемѣняешь ничего не надобно» сказала Пе. «Только каждая рѣчь должна заключать въ себѣ какое-нибудь примѣненіе.»

«Хорошо!» сказала Янгъ. — Такъ какъ онъ предложилъ эту игру, то долженъ былъ употребить одинъ только разъ слово *красный* и выпить одну чашку. Слуги подали ее, и Янгъ выпилъ, сказавъ: «Мнѣ надобно вспавить одинъ только разъ слово *красный*; вотъ вамъ оно:

«Листья, захваченные холоднымъ дождемъ, *краснѣе* цвѣтовъ вѣтеролунія.»

«Тогда была первая четверть одинадцатой луны. (*) Въ это время облака бываютъ бѣловаты, а листья древесные покрываются краснымъ цвѣтомъ. Это обстоятельство внушило Янгу упомянутый стихъ, въ которомъ онъ описалъ тогдашнее время года. Кончивъ рѣчь, онъ передалъ чашку Пе; Пе хотѣлъ уступить ее Янгъ-Фангу. Но сей послѣдній поспѣшно отказался. Будучи вторымъ въ игрѣ, Пе долженъ былъ повторить слово два раза. Онъ выпилъ первую чашку и сказалъ:

(*) Около перваго Октябля.

«Полевица блистаетъ краснымъ цвѣ-
шпомъ своимъ между десяти тысячъ
лравокъ.»

«Этимъ стихомъ онъ загадочно на-
мѣкалъ на красоту своей Хунжіу. Вы-
пивъ вторую чашку, онъ сказалъ:»

«Цвѣти красный и пурпуръ никог-
да не украшали простой одежды.»

«И этимъ стихомъ онъ намѣкалъ
на дочь свою, которой руки не поз-
волено было искашь людямъ обыкно-
веннымъ. Онъ представилъ чашку Янгъ-
Фангу. Сей послѣдній хотѣлъ - было
опказаться и передать ее Доктору Гу,
но Гу сказалъ: «Не ужели вы хотите,
чтобы я игралъ въ своемъ домѣ роль
гостя.»

«Янгъ-Фангъ много извинялся, но
былъ наконецъ принужденъ взять чаш-
ку. «Какъ осмѣлюсь это сдѣлать въ
присутствіи батюшки?» сказалъ онъ.

«Что вы говорите?» опвѣчалъ Гу,
«Напроривъ, вы должны выполните за-
дачу, имъ самимъ заданную.»

«Въ кругу друзей» прибавилъ Пе «за-
чѣмъ такая скромность?»

«Янгъ, видя, что опговорки сына
ни къ чему не ведутъ, долженъ былъ
сказать: «Нечего дѣлать, ты долженъ
повиноваться.»

«Янгъ-Фангъ не имѣлъ больше из-
виненій. И такъ онъ вспалъ, чтобы

выполнишь приказаніе: случай ему не благоприятствовалъ; ибо, сидя на прешемъ мѣстѣ, онъ долженъ былъ три раза повторить заданное слово. Ему налили полную чашку и онъ сказалъ, выпивъ:

„Красный цвѣтъ дерева миндального
виденъ за десять миль.“

„Замѣчаніе не совсемъ во время“ подумалъ Пе. „Но, быть можетъ, это аллегорія, въ которой онъ говоритъ о своей молодости, о своихъ видахъ на повышеніе. Въ такомъ случаѣ это не совсемъ не складно.“

„Надобно было приняться за вторую чашку. Янгъ-Фангъ почти ужъ выпилъ ее; но ломая себѣ голову, чтобы найти какую-нибудь мысль, показывалъ, что еще не кончилъ чашки. Наконецъ, опоздавъ немного, онъ набрѣлъ на мысль:“

„Рѣка Императорская кашитъ волны красныя“ воскликнулъ онъ. Услышавъ этакъ стихъ, самъ Янгъ почувствовалъ, что въ немъ ничего нѣтъ замысловатаго. Ему не хотѣлось бы сказать дурно, не хотѣлось бы и молчать; онъ улыбнулся. Не молчалъ, думая, что Янгъ-Фангъ указываетъ на свое намѣреніе жениться. Эта мысль помѣшала ему увѣришься въ ничтож-

ности молодого человека, который сказал свое слово на удачу.“

Надобно было пить еще, и Янгъ-Фангъ, дѣйствительно испощившій весь запасъ свой, извинялся, говоря, что не можетъ больше пить. Два или три раза просилъ онъ избавить себя отъ этой обязанности. Гу, имѣвшій свои виды, не уступалъ его просьбамъ; Пе, сидя подлѣ молодого человека, уговаривалъ его. Не видя спасенія, Янгъ-Фангъ принялъ чашку и началъ перебирать въ головѣ стихи всѣхъ поэтовъ, имѣ чипаныхъ. Отецъ сначала думалъ, что сыну не трудно будетъ разъ или два ввести заданное слово въ рѣчь свою; но, къ несчастію, ему досталось повторить его три раза, и Янгъ мучился внутренно, видя смущеніе Янгъ-Фанга. Онъ не рѣшался заговорить и привести какой-нибудь стихъ изъ книги поэтовъ династїи Тангъ, напередъ увѣренный, что сынъ не узнаетъ ихъ. Ничего лучшаго не могъ онъ сдѣлать, какъ привести въ разговоръ стихъ одного поэта. И такъ, начавъ, какъ будто снова, разговоръ, онъ сказалъ: „Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Императоръ занятъ дѣлами, намъ чипанкамъ, обязаннымъ ежедневно являться ко двору, некогда дивились;

„Ни лунѣ туманной, ни сіянію звѣздъ.“

„А что можетъ быть приян-
„нѣ ондохновенія въ бесѣдахъ? Это
„самое приянное времяпровожденіе.“
Приводя эпошѣ стихъ о туманной
лунѣ, Янгъ хопѣль напомнилъ сыну
одну піесу, которая такъ начиналась,
и, произнося его, онъ не сводилъ глазъ
съ Янгъ-Фанга. Пе и Гу, не понимая
этой хипросии, ошвѣчали, удерживая
невольную улыбку: „это правда.“

„Но Янгъ-Фангъ, пораженный взо-
ромъ опца, догадался, что это со-
вѣшь ему, и между тѣмъ какъ Янгъ
говорилъ, память нечаянно услужила
ему; — обрадованный, онъ выпилъ
чашку и сказалъ:

„Красныя облака суть какъ бы
„цвѣшны, которыя Царь небесный сып-
„летъ горстями.“

„Пе, довольный словомъ, кспаци
сказаннымъ, невольно замѣшилъ, что
это хорошо, а Янгъ-Фангъ, безъ памя-
ти радуясь, что Пе его похвалилъ, по-
сильно передалъ чашку Доктору. Гу,
какъ послѣднему, доспавалось выпить
одну чашку. Онъ взялъ ее, примолвя:

„Сей напитокъ, текущій въ на-
„шихъ жилахъ, есть красная яшма,
„прешворенная въ жидкость.“

Игра кончилась. Гу велѣлъ напол-
нить большую чашку и поднесъ ее Ян-

гу за задачу слова. Янгъ принялъ и, выпивъ, обратился къ Янгъ-Фангу. „Поэзія“, сказалъ онъ „есть искусство, высокое, достойно уважаемое людьми, учеными. Но часто она только мешаетъ нашему повышенію. Можно предаться такимъ забавамъ, когда уже сдѣлаешься извѣстенъ заслугами, когда уже слава наша утверждена на чемъ-нибудь основательномъ. Но молодые люди, какъ ты, должны заниматься только важнымъ. Ты видишь, что старшіе тебя, люди знаменитые, некусны въ поэзіи — не воображай, чтобы ты могъ угнаться за ними. Едва ли занятія того будутъ полезны, кто увлечется, этой склонностью. Мы ежедневно видимъ молодыхъ людей, одаренныхъ отъ природы отличными способностями и негодныхъ ни на что дѣльное. Это болѣзнь, заражающая большую часть учащихся, и ты долженъ беречься ея.“ Потомъ, обратясь къ Пе, спросилъ: „что вы думаете объ этомъ?“

„Ваши прекрасные уроки — истинное зеркало молодыхъ людей“ отвѣчалъ Пе. „Но вашъ сынъ получилъ отъ Неба склонности, такія основательныя, умъ, такой вѣрный, что вамъ не нужно останавливать его охоты.“

„Видя, что Янгъ осушилъ свою чашку, Докшоръ Гу хопьль начашь ту же игру снова и готовь былъ обратиться къ Янгъ-Фангу; но опець замьпилъ это и поспьшно вспалъ.“

„Слѣдовало бы опяшь начинать Го-
„сподину Пе“ сказалъ онъ „но мы и такъ
„слишкомъ долго сидѣли за столомъ,
„Прошу у васъ нѣсколькихъ минушь
„отдыха.“

„Пе вспалъ изъ-за стола. „Пожалуй“
сказалъ онъ „пойдемъ-те немного про-
„гуляишья: сядемъ опяшь, когда уберушь
„со стола.“

„Гу не почель за нужное наспая-
вать. Онъ пригласилъ гостей идти
черезъ залу, чтобь походить въ бе-
сѣдкѣ, мѣстѣ не обширномъ, но копо-
раго спѣны были украшенъ надписями,
а крыльцо успавлено цвѣтами. Мѣсто
было уединенное и тихое: тамъ обык-
новенно опдыхалъ хозяинъ.“

„Вошедши въ бѣсѣдку, общество
нѣскольکو времени разсматривало всѣ
предметы, въ ней находившїеся. Янгъ
и Пе сошли внизъ по лѣспницѣ, а Янгъ-
Фангъ и Гу спояли вмѣстѣ у одной спѣ-
ны въ бѣсѣдкѣ. Янгъ-Фангъ ненарочно
поднялъ голову вверхъ и прочель надъ
дверью надпись, состоявшую изъ прехъ
лишперь. *Фе-Ку гїанъ, бѣсѣдка вну-
тренняго довольства*; онъ прочель ее

про себя и несколько времени смотрѣлъ въ эту сторону. Гу замѣтилъ, что онъ ее внимательнѣе разсматривалъ. „Эти три лишиеры начертаны рукой „Уйю-Пи“ сказалъ онъ; „черны тверды, и смѣлы: можно сказать, что оплич- ный каллиграфъ.“

„Янгъ Фангъ хотѣлъ показать себя знатокомъ въ красотѣ лишиеръ. „Да“ сказалъ онъ „каллиграфъ искусный! Впрочемъ слово бѣсѣдка написано до- вольно обыкновенно. Но лишиеры *Фе-Као* божественны.“ — Онъ далъ по- слѣднему слову выговоръ просонарод- ный, не зная, что оно взято изъ одной стихотворной книги и для речей должно быть произнесено *Ку*. Одно это слово обнаружило все въ глазахъ Гу. Онъ отвѣчалъ неопредѣленно: „Да, Вы правы.“

„Между тѣмъ, Янгъ и Пе взошли на верхъ, и разговоръ завязался снова. Гу пригласилъ госпей опять за столъ и хотѣлъ возобновить игру. Янгъ-Фангъ просилъ отдасть свою очередь Пе; Пе прѣбывалъ, чтобы началъ Янгъ-Фангъ; который не соглашался. Янгъ, опасаясь, чтобы игра не довела ихъ до опаснаго открытія, воспользовался этимъ случаемъ. „Если вы не хотите „подать примѣра,“ сказалъ онъ, „какъ же

„требовать неучливости отъ моего сына? По моему мнѣнію, лучше просто разговаривать за чашкою вина. Впрочемъ я не хочу принуждать васъ...“

„Правда ваша,“ отвѣчалъ Пе „впрочемъ, чемъ надобно же какой нибудь забавы, кошорая бы заохочивала пинь.“

„За споломъ съ друзьями кшо спазалъ онъ показывался отъ вина!“ сказала Янгъ. Докторъ Гу шопчасъ велѣлъ подать большую чашку, и всѣ четверо начали разговаривать и пить попеременно. Такъ проводили они время, пока не почувствовали въ себѣ первыхъ признаковъ пьлства. Тогда Янгъ, боясь, чтобы разгоряченному Пе не пришла охота писанъ стиха, прихворился болѣе въпренымъ, нежели каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и, не смотря ни на какія просьбы, вспалъ и опкланялся вмѣстѣ съ Янгъ-Фангомъ.“

(Читайтели догадаются, что Пе опкаженъ Янгъ-Фангу въ рукѣ дочери. Янгъ, чрезвычайно озлобленный, мспинь, употребляетъ все вліяніе свое при дворѣ, и Пе назначающъ въ опасное, трудное посольство въ Ташарію. Янгъ надеется, что Пе не вынесетъ трудовъ путешествія, или, по крайней мѣрѣ, что опсуществіе спарика дастъ ему случай какъ-нибудь похитить прекрасную Хунжіу. Это подаетъ поводъ къ

ирогашельной сценѣ между отцемъ и дочерью).

„Не воротившись домой и вошелъ во внутренняго комнаты разсказашъ дочери, что случилось. При этомъ извѣстїи, Хунжіу впадаетъ въ глубокую горестъ, цвѣтъ лица ея дѣлается подобенъ земляной краскѣ; она не чувствуетъ, что потокъ слезъ кашится изъ глазъ ея, и, какъ обильный дождь, орошаетъ ея ланишы. „Возможноли? возможноли?“ говоритъ она. „Дочь причиною такого бѣдствїя отцу своему! Мнѣ сказывали, сколько въ эпихъ степяхъ Ташарїи шерпятъ бѣдные плѣнные отъ жестокаго холода. — И зимою! когда снѣгъ и изморозь сыплются на дорогу. — Человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ едва ли вынесетъ такое путешествїе; а вамъ, Банюшка, въ преклонныхъ лѣтахъ вашихъ, какъ предпринять его? — Понятно: всему виною этошь старый Янгъ, этошь злой человѣкъ — онъ ввелъ васъ въ это несчастное положенїе! — Но, Банюшка, почему не подашь просьбы Императору, не опишетъ дѣла въ подробности, не сослался на болѣзнь, не взять отсрочки? Бышь можешь, Государь сжаился надъ вами.“

— „Сей часъ то же совѣщавалъ мнѣ Ссе Фангой. Онъ ужъ все разсказалъ

„при Дворѣ, хотѣлъ, чтобы я подалъ
 „просьбу объ увольненіи подь предло-
 „гомъ болѣзни и ручался вывезти меня
 „изъ зашрудненія. Но я размыслилъ.
 „Опть энаго послушка зависить слава
 „всей жизни моей. Спану просить оп-
 „спавки за болѣзнію — люди, знающіе
 „дѣло, увидяшь въ моей просьбѣ поль-
 „ко успѣхъ мспительнаго Янгъ-Тингчао,
 „а люди, незнающіе дѣла, скажутъ,
 „что я боюсь опасностей. — Гонимый
 „Вангчиномъ, я оставилъ должность и
 „започился въ уединеніе: шѣмъ при-
 „обрѣлъ уваженіе общее, за шо полу-
 „чилъ пенерешнее мѣсто. Я снова всту-
 „пилъ въ службу. И когда опасность
 „государства пребуешь, чтобы были
 „опсправлены послы въ чужія зѣмли,
 „мнѣ показашъ себя малодушнымъ и въ
 „другой разъ просить опспавки? Нѣтъ!
 „я былъ бы человѣкомъ двуличнымъ,
 „съ головою шигра и хвостомъ змѣи-
 „нымъ! Я былъ бы предметомъ вѣч-
 „ныхъ насмѣшекъ! Могу ли рѣшиться
 „на такое дѣло?“

„Бѣдная дѣвушка оперла слезы.
 „Ваши доказательства совершенно спра-
 „ведливы“ сказала она, „быть мо-
 „жетъ, мои совѣты не согласны съ
 „обязанностію благороднаго чиновника.
 „Но я дочь ваша; я знаю только шо,
 „что подобное путешествіе къ Сверх-

„цѣмъ границамъ подвергнешь васъ; на
 „спароси лѣшь, жестокостямъ суро-
 „ваго климаша, подвергнешь опасности
 „жизнь вашу въ спранѣ народовъ дикихъ,
 „подобныхъ волкамъ; привыкшихъ къ
 „насилію и убійству. Они шакъ мало
 „уважають Государство Срединное; что
 „у нихъ даже неизвѣстно, живъ ли
 „Императоръ или умеръ. Уважають ли
 „они простаго посланника? Ахъ, бапюшка!
 „Вы попались въ челюсти шигра! Ка-
 „кое ужасное несчастіе!“

— „У Тессіана шолько имя варвар-
 „ское. Хотя онъ и Ташаринъ, но знаетъ
 „законы учливости и чести. Онъ свѣ-
 „даль, что Имперія имѣеть власшиселя;
 „онъ уже нѣсколько разъ изъявляль
 „сожалѣніе; что сдѣлаль намъ шолько
 „вреда. : На дняхъ съ Сѣвера приѣхаль
 „посланный для переговоровъ о мирѣ,
 „и Ташары, кажешя, искренно желають
 „его. Мнѣ въ качествѣ посланника пору-
 „чено опшезити опшвѣть на ихъ предло-
 „женія. У нихъ шѣ же обряды, что у
 „насъ; и они навѣрное не захошяшъ въ
 „этомъ случаѣ очернить себя новыми
 „злодѣйствами. . . . Но послѣ моего
 „опшѣзда; можно ли тебѣ опшавашься
 „здѣсь одной; тебѣ; бѣдная дочь моя,
 „въ швой лѣша; въ одномъ мѣстѣ съ
 „человѣкомъ шакимъ низкимъ; каковъ
 „этомъ старшій Янгъ? Онъ еще не оставилъ

„своего намѣренія; онъ непременно за-
 „мыслишь новыя предпріяшя. . . . Могу
 „ли быть спокоенъ?“

— „Банюшка, вы одинъ изъ вы-
 „сшихъ чиновниковъ Имперіи, вы оп-
 „равлены въ посольство Государемъ.
 „Что нужды, что Ваше сѣмейство
 „оспаешся здѣсь? Пока наши двери
 „крѣпко запершы, что сдѣлаешъ Янгъ
 „при всей своей развращенности?“

— „Сердце порочнаго подобно де-
 „монамъ и живошному Ю; не лзя
 „судить о немъ обыкновеннымъ обра-
 „зомъ. Если останешся здѣсь — что
 „ни дѣлай, я всё не спокоенъ. Лучше
 „поѣзжай опять въ деревню. Но, быть
 „можешъ, тебѣ спрашна опдаленность,
 „скучна продолжшельность дороги?—
 „можешъ остановишся въ Шаншунгъ
 „у своей шепки Ло, и я поѣду
 „спокоенъ.“

— „Хороша и ша и другая мѣра,
 „но въ обоихъ случаяхъ путь весьма
 „дальній. Если не поспѣшу, спарой
 „Янгъ, злой и дерзкой, узнаешъ, что
 „я поѣхала на Югъ, и безъ сомнѣнія, по-
 „шлешъ за мной погоню. Онъ захѣшетъ
 „что-нибудь такое на дорогѣ, что за-
 „сшавишь меня ворошишся или при-
 „нудишь къ какому-нибудь неблаго-
 „разумному поступку. Положимъ, что
 „я невредима приѣду въ домъ, но я

„опть Васъ буду еще дальше . . . .
 „Какъ тогда получаешь объ васъ
 „извѣстія? Какъ мнѣ были покой-
 „ною? . . . Мнѣ приходитъ счастливая
 „мысль въ голову. Лучше запретъ
 „двери дома по обыкновенію, сказавъ,
 „что вы оставили въ немъ свое семей-
 „ство, а меня отправитъ шайно къ
 „дядюшкѣ: такимъ образомъ опасаться
 „нечего, и дочь ваша будетъ имѣть
 „постоянныя объ Васъ извѣстія.“

„Не весьма одобрилъ эпонъ планъ
 и холмъ послалъ кого-нибудь къ сво-
 ему шуруну, чтобы съ нимъ посовѣ-
 товаться. Но Докторъ Гу, услышавъ
 о происшествіи, пришелъ въ то самое
 время, желая узнать дѣло обстоятель-
 нѣе. Пе велѣлъ его просить во внутрен-
 нюю комнату, а Хунжіу идти съ собою
 на встрѣчу дяди.“

„Последніе два дни сидѣлъ я все
 „дома“ сказалъ онъ „и ничего не зналъ
 „о случившемся. Вдругъ въ нашемъ
 „присутственномъ мѣстѣ назначено за-
 „сѣданіе для сочиненія нѣкопрыхъ
 „бумагъ Императорскихъ. Тамъ мнѣ все
 „разказали — я былъ внѣ себя отъ
 „изумленія. Возможно ли? не уже ли
 „старый Янгъ человекъ такой опасной?“

„Вся бѣда отъ погдашнихъ спя-
 „ховъ“ отвѣчалъ Пе „въ нихъ начало
 „зла. — Впрочемъ, это путешествіе

„не большоѣ несчастіе. Мы ужъ разду-
 „мали съ дочерью. — Она одна, моло-
 „дая дѣвушка, слабая и безпомощная, она
 „одна своей участью безпокоитъ меня.“

— „Скорѣй бы я подумалъ, что
 „тебя испугаетъ суровый климатъ
 „спранъ заграничныхъ. Но если имѣешь
 „столько духа и смѣло рѣшаешься
 „ѣхать, то подвигъ твой обратишь
 „въ славу и тебѣ и намъ, въ славу на-
 „всю жизнь нашу. А за племянницу че-
 „го боишься? я здѣсь. Поѣзжай покоенъ.
 „я спю твою довѣренности.“

„Эти слова утѣшили Пе. „Мы
 „только что говорили объ этомъ съ
 „дочерью,“ сказалъ онъ „и она думала
 „согласно съ тобою. Но необыкновенная
 „злость спараго Янга спрашиваетъ меня:
 „когда уѣду, онъ навѣрное возобновитъ
 „свой гоненія. Мнѣ очень хотѣлось от-
 „дать тебѣ на руки Хунжіу, но я боялся
 „ввести тебя въ какое-нибудь неприят-
 „ное дѣло съ Янгомъ: вопъ мысль, кото-
 „рая ^{меня} ~~меня~~ останавливала, и я не смѣлъ
 „просить тебя. — Впрочемъ ты такъ
 „добръ — новое доказательство твоей
 „дружбы олнимаешь у меня весь спрахъ
 „мой, и я ѣду съ покойнымъ сердцемъ.“

— „Какъ бы ни былъ золъ спарый
 „Янгъ,“ сказалъ Гу „а Хунжіу — дочь
 „одного изъ первыхъ чиновниковъ въ
 „Государствѣ. Посмѣешь ли онъ посту-

„пить проливно обрядамъ? особенно
„при мнѣ?“

— „Если дядюшка общается свое
„покровительство, то вамъ не о чемъ
„забошиться, банюшка: подумайте
„лучше о своемъ путешествіи“ сказа-
ла Хунжіу.

— „Зная, кому вѣришь дочь на
„время отсутствія,“ ошъчалъ Не съ
„улыбкою „рѣшишься не долго. Вино-
„вать языкъ мой, если въ этомъ пу-
„тешествіи на Сѣверъ подвергается
„опасности мое шѣло. Императоръ наз-
„начилъ мнѣ пятидневный срокъ для
„отъѣзда: волею или неволею, сегодня
„или завтра, покорись будешь на-
„добно, о чемъ же думаешь? Вели нак-
„рывать споль. Покуда не разошлись,
„хочу еще выпить съ дядей нѣсколько
„чашекъ.“

„Хунжіу повиновалась и велѣла слу-
жанкамъ приготовить кушанье и по-
даны ошцу и дядѣ. Не хотѣлъ, чшобъ
и дочь съла за споль подлѣ него. Вы-
пивъ нѣсколько чашекъ, онъ глубоко
вздокнулъ и сказалъ: „Сколько зла не-
„годяй можешь сдѣлать человѣку че-
„спному! Сегодня еще покойно пью съ
„брапомъ и дочерью; завтра, верхомъ,
„буду переѣзжать пески пустынные, не
„зная, въ какой странѣ суждено мнѣ
„жить или умереть. Подумаешь — и ви-

„дишь, что злымъ поручено судьбою
наказывать насъ за ошибки.“

— „Злые могутъ играть жребіемъ
мудрыхъ,“ отвѣчалъ Пе „но Небо да-
руешь наконецъ счастье одному добро-
дѣтельному. Эта повѣдка въ спрану
климата суроваго есть бѣдствіе, ко-
торого ты не могъ предупредить,
братъ мой. Но эпошь случай пока-
жетъ въ полномъ свѣтѣ заслуги, спо-
собности и добродѣтели человека хо-
рошаго: люди узнаютъ, что ты не
принадлежишь къ числу тѣхъ чиновни-
ковъ, которые управляются однимъ
своекорыстіемъ и измѣняютъ усердіе
съ перемѣной общомяшательства.“

— „Согласенъ съ тобою; но какъ
не огорчаться, видя, что въ спрано-
сли, лишенный счастья имѣешь сына,
имѣя одну дочь, я долженъ еще встрѣ-
чать бѣдствія? Счастливы еще, что
могу отдасть се тебѣ на руки. Но это
зеркало яшмы еще лежитъ безъ упо-
требленія. Она еще не за мужемъ, и
въ моемъ мудреномъ положеніи, при-
вязанности къ дочери одолеваетъ чув-
ства героическія, которыя бы однѣ
должны были одушевлять меня.“

„Юная Хунжю, сидя подлѣ отца,
не переставала лить слезы. Когда ус-
лышала послѣднія слова, горестъ ея
еще увеличилась. „Батюшка!“ восклик-

нула она „вы изъ любви къ дочери ввер-
 „гнули себя въ это несчастное положе-
 „нiе, и ваша мысль еще ею занята! Я при-
 „чина горестей, терзающихъ вашу душу;
 „вина моя восходитъ выше облаковъ;
 „для чего не могу умереть, чтобъ изба-
 „вить васъ отъ всѣхъ печалей? — Правда,
 „моя смерть только прибавила бы вамъ
 „скорби. Вы возвратились бы — и не-
 „кому было бы сидѣть подле васъ, при-
 „нимать ваши приказанiя, дѣлать го-
 „рести вашей старости! — Тысяча
 „разныхъ мыслей буншуетъ во мнѣ;
 „сердце разрывается. — Но дядюшка
 „принимаетъ меня подъ свою защиту:
 „онъ мнѣ будетъ вмѣсто матери. Не
 „безпокойтесь обо мнѣ! Я надѣюсь, что
 „ваши силы выдержатъ это путеше-
 „ствие, что *истощивъ душу* на служ-
 „бѣ Царской, вы ворошитесь здоровы
 „въ наше помѣстье. Умоляю васъ подѣ-
 „лко, не думайте обо мнѣ. Я еще молода,
 „не ушло время замужства. За чѣмъ
 „спѣшите? Что вы хотите сдѣлать со-
 „мною, предаваясь такой неумѣренной
 „горести?“

«Между тѣмъ Пе не переставалъ
 пить; былъ уже нѣсколько разгоряченъ,
 и его смущенiе еще увеличилось, когда
 онъ увидѣлъ чрезвычайную печаль до-
 чери. Слезы выступили у него на глаза,
 хотя онъ не примѣчалъ ихъ. «Во време-

«на династїи Гань» сказалъ онъ «Суву былъ
 »опшправленъ посломъ къ Гуннамъ. Тамъ
 »продержали его 19 лѣтъ, и прежде не-
 »,жели онъ воропился, волосы и борода его
 »совсѣмъ побѣлали. — При династїи
 »Сунгъ, Фапи побѣхалъ въ Каме догова-
 »ривашься о мирѣ, и его путешествованіе
 »было шакъ долговременно, что воз-
 »вращившись, онъ нашель уже раздран-
 »ною фамильную книгу свою. — Не хо-
 »чешь ли Янгъ видѣть и опца пвоего
 »въ шакомъ же бѣдспвенномъ положенїи,
 »въ какомъ находились сіи мудрецы
 »прошедшаго времени? — Конечно, у
 »меня мало достоинствъ; но я посвя-
 »,щаль всю жизнь на изученіе писаній
 »древнихъ; вошь уже полѣтка, какъ я
 »,въ качествѣ судьи служу Императору;
 »шеперь бду исполнить данное пове-
 »дѣніе. Для чегожь мнѣ не подражашь
 »эшимъ мужамъ добродѣтельнымъ? для
 »чего показывашь слабость дѣвы?...
 »Опець швой приѣхалъ сюда выбрашь
 »,тебѣ достойнаго супруга, не предвидя,
 »,что впадешь въ сѣти коварства. Съ
 »,тѣхъ поръ какъ ты лишилась матерей,
 »,быль ли часъ, была ли минута, чтообъ
 »,я не держаль тебя на своихъ колѣнахъ?
 »,Теперь обязаный тебя покинуть и
 »,пустишься въ далекой пушь, не могу
 »,прошившись горести, хотя бы мое
 »,сердце было желѣзное, или каменное.

„Но завтра, выѣхавъ изъ дому, весь я
 „буду преданъ службѣ его Величества,
 „и надобно будете оставить всѣ мысли
 „о семействѣ.“

„Гу началъ говорить. „Больно раз-
 „скавась опцу и дочери“ сказалъ онъ,
 „но дѣлать нечего. Братъ мой! ты имѣ-
 „ешь силу чиновника знаменитаго, и
 „племянница моя есть дѣвушка, напи-
 „панная науками, краса покосе въ внуприя-
 „нихъ. Съ шой минушы какъ ты вѣря-
 „ешь мнѣ Хунжіу, она мнѣ дочь, а не
 „племянница, и если найду ей достой-
 „наго супруга, будь увѣренъ, съ радос-
 „тію исполню твою волю.“

„Услышавъ это, Пе скоро оптеръ
 слезы и принялъ обыкновенный весе-
 лый видъ свой. „Братъ мой!“ восклик-
 нулъ онъ „ты опнимаешь плечень
 „перновый, шѣсвившій мое сердце. Ты
 „берешься найти супруга моей дочери —
 „я доволенъ — и хопя бы нашель смершь
 „въ Тапаріи, пряму ее съ радостию.
 „Потомъ обращаеь къ Хунжіу: „Завтра
 „сказаль онъ „ты отпраляеься
 „въ домъ своего дяди. Не называйтесь
 „опшынѣ дядей и племянницей: замѣните
 „эти названія именами опца и дочери.
 „Имя опца дасть брату моему право
 „ушвердить бракъ твой.“

„Хунжіу хопѣда опвѣчалъ, но боя-
 „лась увеличить горесъ опца. Удер-

живая въ груди собственныя чувства свои, она удовольствовалась словами: „Съ покорностію исполню волю отца моего.“

„Они пробыли нѣсколько времени за столомъ; настала вечеръ; слуги зажгли фонари и держали ихъ вокругъ стола. Гу выпилъ еще нѣсколько чашекъ, потомъ вспалъ, оставилъ ихъ и пошелъ домой.“

„Потомъ слезъ покапился по лицу его, и по его одеждѣ можно было бы узнать, какъ велика его горестъ. Да не скажутъ люди, что великій человекъ никогда не плачетъ: онъ плачетъ, но всайнѣ.“

(По отъѣздѣ Пе, докторъ Гу тайно увозитъ племянницу въ Нанкинъ. Тамъ находитъ онъ молодого человека съ отличными достоинствами, который прекрасно пишетъ стихи и въ послѣдствіи дѣлается главнымъ героемъ романа).

Н А У К И.

ТЕОРІА ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

О трехъ единствахъ въ Драмѣ.

(Изъ Шлегелевой Теоріи драматическаго искусства).

Славныя шри единства, послужившія поводомъ къ цѣлой Илиадѣ крипическихъ преній, суть *единства дѣйствія, времени и мѣста.*

Первое единогласно всѣми принято; но въ чемъ соспоишь оно: это вопросъ спорный, — а я прибавлю, что его рѣшить не легко.

Единства времени и мѣста иными почитающся менѣе важными; между шѣмъ какъ другіе признають ихъ существенными Драмѣ, ушверждая что погибъ тотъ стихотворецъ, который ими пренебрегаетъ. Во Франціи эта ревность не ограничивается однимъ ученымъ свѣтомъ; она кажется общео принадлежносною всей націи; каждый Французъ, всосавшій своего Боало съ молокомъ матернимъ, почитаетъ себя природнымъ защитникомъ Драматическихъ единствъ, подобно какъ со времени Генриха Осмага Короли Англіискіе носили титулъ *defensor fidei.*

Довольно забавно, что Аристотелем осужденъ подтверждать своимъ именемъ необходимость трехъ единствъ; а онъ только о первомъ, т. е. единствѣ дѣйствія, говоритъ съ нѣкоторою подробностію, едва намѣкая на единство времени и совершенно умалчивая объ единствѣ мѣсла.

Я совсѣмъ не хочу спорить съ Аристотелемъ, ибо никакъ не вступаю противъ единства дѣйствія, въ насло-
ящемъ его смыслѣ; только пребую
большей свободы касательно простран-
ства и времени для многихъ родовъ
Драмы, почитая сію свободу необхо-
димую. Между тѣмъ, чтобы сказать на
правильную точку зрѣнія, я скажу
нѣсколько словъ о Пинтикѣ Аристоте-
ля, объ этихъ немногихъ листкахъ, по-
родившихъ цѣлыя томы комментаріевъ.

Извѣстно, что сіе сочиненіе есть
только опривокъ — ибо въ немъ ни-
чего не сказано о многихъ важныхъ пред-
метахъ. Нѣкоторые ученые думали, что
это опривокъ не изъ оригинала, а изъ
извлеченія, сдѣланнаго кѣмъ нибудь для
себя. Всѣ критики-филологи согласны
въ томъ, что текстъ очень испорченъ,
и старались исправить его своими
догадками.

Переводчики жалуются на его не-
понятность и доказываютъ ее на дѣлѣ.

отвергая полкованія своихъ предшественниковъ и предлагая собственныя, копорыхъ также нельзя принять.

Напрощивъ того, Риторика Аристотеля неоспоримо имъ самимъ написана: она полна и легко понятна. Но какъ смотритъ онъ въ ней на краснорѣчіе? какъ на сестру Діалектики, копорая должна доказывать такими же умозаключеніями, убѣждать тѣми же способами. Также неосновательно было бы видѣть въ Архитектуру одноискусство строитъ крѣпко и покойно. Конечно она сему требованію должна удовлетворить прежде всего; но эшимъ однимъ она еще не достигаешь степени изящнаго искусства: мы требуемъ, чтобы она соединяла сію существенную цѣль всякаго зданія, съ красою расположенія, съ гармоніей пропорцій и соотвѣтственнымъ впечатлѣніемъ цѣлаго. И такъ, если Аристотель обнялъ только ту сторону краснорѣчія, копорая подлежитъ разсудку, а не воображенію и чувству, и служилъ одной только внешней цѣли; то удивительно ли, что онъ еще меньше понималъ тайну Поэзіи, сего искусства, коего единственная цѣль — свободнымъ вымысломъ шворить прекрасное и облекать эшо въ слово. Я дерзнулъ такъ думать, и до сихъ поръ еще не находилъ причины опказаться

опъ своего мнѣнія. Лессингъ судимъ иначе. Но и Лессингъ съ своей остроумной и тонкою критикой впадалъ въ то же заблужденіе. Такая критика шоржеслушаетъ, когда разбираешь проповѣрчія въ произведеніяхъ, единственно разсудкомъ составленныхъ; но едва ли она можетъ уловить идею истинно гениальнаго произведенія въ искусствѣ.

Древніе не развили общей Философской Теоріи изящныхъ искусствъ въ видъ особенной науки, не смотря на множество техническихъ книгъ о каждомъ искусствѣ въ отдѣльности, гдѣ опредѣлялись способы исполненія. Но еслибъ должно было искать путеводителя между древними философами; то я рѣшительно указалъ бы на Платона, который извлекъ идею прекраснаго не изъ частныхъ явленій, что не возможно, но постигнувъ ее созерцающимъ вдохновеніемъ, — въ его произведеніяхъ уже видны начала точной науки объ искусствахъ.

Послушаемъ, что говорятъ Аристотель объ искусствѣ дѣйствія. „Мы полагаемъ, что въ Трагедіи представляется одно полное произшествіе, имѣющее извѣстную величину. Ибо и цѣлое можетъ иногда не имѣть величины. — А цѣлымъ называемъ мы то, что

„имѣеть начало, средину и конецъ. Начало есть то, что необходимо за другимъ слѣдуетъ, но само пребудеть какого нибудь слѣдствія; конецъ напротивъ, что по природѣ своей бываетъ необходимымъ или обыкновеннымъ слѣдствіемъ чего нибудь, и за коимъ уже ничто не слѣдуетъ. Средина предшествуетъ концу и послѣдуетъ началу — и потому удачные вымыслы не могутъ имѣть произвольнаго начала и произвольнаго конца, но должны согласоваться съ означенными условіями.“

Если станемъ строго разбирать слова Аристотеля: то увидимъ несообразность его положенія, будто бы цѣлое, необходимо имѣющее части, можетъ не имѣть величины. Аристотель потчасъ прибавляетъ, что подъ словомъ величины, какъ необходимой принадлежности изящнаго, онъ разумѣетъ известную мѣру, позволяющую различать всѣ части и въ то же время обнимать цѣлое. Но это одно только внѣшнее опредѣленіе изящнаго, которое извлечено единственно изъ опыта и опирается къ нашей способности видѣть и понимать. Какъ же онъ примѣняетъ это къ Драмагической Поэзіи? „Драмагической вымысль, говоритъ онъ,
Но то. К

долженъ имѣть обширность, но такую, которая бы не затрудняла памяти. Другое дѣло опредѣлить длину Драмы, относительно возможности исполненія. Но существенно вымыселъ чѣмъ обширнѣе, тѣмъ прекраснѣе, если онъ при томъ легко объясненъ.“ — Это правило было бы очень выгодно для сочиненій Шакспира и другихъ Романтическихъ Драмашиковъ, представляющихъ въ одной картинѣ болѣе обширный кругъ жизни, характеровъ и происшествій, нежели прослая трагедія Грековъ; сподобившись только увѣриться, умѣли ли они сохранить въ этой картинѣ нужное единство и ясность цѣлаго, и требованіе, которое, по нашему мнѣнію, они совершенно выполнили.

Въ другомъ мѣстѣ Аристотель требуетъ отъ эпического Стихотворца того же единства дѣйствія, что и отъ Драмашическаго; онъ повторяетъ свои опредѣленія, прибавляя, что Поэтъ не долженъ такъ писать, какъ Историкъ, который рассказываетъ современныя происшествія, хотя онъ и не имѣютъ взаимнаго отношенія. Здѣсь онъ еще опредѣленнѣе требуетъ связи въ представляемыхъ произшествіяхъ, которые должны быть или причинами, или дѣйствіями. Не смотря на это, онъ

сознаешь, что эпическій Спихотворецъ можетъ свободнѣе представить множество случаевъ, сливающихся съ однимъ главнымъ дѣйствіемъ, потому что повѣствовательная форма позволяетъ ему изображать многое какъ бы въ одно время производящимъ; право, въ какомъ отъказываешь онъ Драмаическому писателю, ограничивая кругъ его представленія пьесъ, что происходитъ на сценѣ, и участвуетъ въ главномъ дѣйствіи лицъ, выводимыхъ на сцену. — Но если бы Драмаическій писатель нашелъ способъ, посредствомъ другаго расположенія сцены и искусственной театраль-ной перспективы развить вымысль, по обширности своей эпическому равный (сказку, на древнемъ языкѣ искусства), хотя въ кругу пьеснѣйшемъ, но безъ запутанности? Что бы тогда осталось возразить, если бы причина непозволительности такой свободы въ Драмѣ заключалась въ одной мнимой невозможности?

Вопь почти все, что Аристотель сказалъ въ своей Пиникѣ о единствѣ дѣйствія. Мы постараемся доказать въ немногихъ словахъ, сколь мало удовлетворяють существеннымъ преобаніямъ Поэзіи сіи частныя понятія, выдаваемые за правила.

Насплавляютъ на единствѣ дѣйствій. Что же такое дѣйствіе? критики обыкновенно не задаютъ себѣ этого вопроса, какъ будто бы онъ самъ собою рѣшался. Въ высшемъ, собственномъ смыслѣ, дѣйствіе есть дѣятельность, зависящая отъ человеческой воли. Оно сохраняетъ единство, когда будетъ направлено къ одной цѣли; къ полнотѣ его принадлежатъ все, что заключается между первою рѣшительною мыслию и совершеннымъ ея исполненіемъ.

Такое понятіе о дѣйствіи легко примѣняется ко многимъ Трагедіямъ древнихъ, на примѣръ къ убіенію Клитемнестры Орестомъ и къ твердому намѣренію Эдипа открыть и наказать убійцу Лайя; однакожь не примѣняется ко всѣмъ вообще Трагическимъ произведеніямъ Древнихъ. Еще меньше приспособляется оно къ большому числу новѣйшихъ Трагедій, особенно если станемъ искать дѣйствія въ главныхъ лицахъ. — То, что посредствомъ ихъ происходитъ, и что съ ними самими случается, часто такъ же мало зависитъ отъ ихъ свободной рѣшимости, какъ удары корабля отъ утѣсь во время бури. Но и въ смыслѣ Древнихъ мы должны къ дѣйствію потчасъ причислить намѣреніе сносить мужественно всѣ слѣдствія какогонибудь по-

спутка, а не измѣняемость сего намѣренія будетъ принадлежать къ цѣлости и полнотѣ самаго дѣйствія. Антигона скоро и безъ затрудненія исполняетъ благочестивый долгъ свой: отдавъ послѣдній долгъ несхороненному брату; но мы тогда только переспаемъ сомнѣваясь въ ея твердости, достойной Трагедіи, когда она принимаетъ смерть, не раскаиваясь въ своемъ поступкѣ и не ослабѣвая духомъ. — Можемъ взять примѣръ изъ совершенно другой сферы. Шакспировъ Юлій Цезарь, касательно дѣйствія, неосновывается ли на томъ же правилѣ? Брутъ герой въ сей Трагедіи: великое его намѣреніе состоитъ не въ одномъ убіеніи Цезаря (самъ по себѣ этость поступокъ сомнительный; побудительными его причинами могли быть честолюбіе и зависть), но онъ до конца оказывается истиннымъ защитникомъ Римской свободы, равнодушно отдавая за нее жизнь, исполненную оправдъ.

Къ тому же безъ борьбы не было бы завязки въ пьесѣ, и эта борьба происходитъ, большею частію, отъ противоположности видовъ дѣйствующихъ лицъ. И такъ, если мы ограничимъ понятіе о дѣйствіи намѣреніемъ и его исполненіемъ: то въ одной Трагедіи окажутся два или болѣе дѣйствій. Которое жъ

будешь главнымъ? Каждому кажется собственное дѣло важнѣйшимъ, ибо каждый въ себѣ самомъ находишь центръ своихъ дѣйствій. Креоново намѣреніе утвердить свою Царскую власть казнію дерзновеннаго, который предасть землѣ шѣло Полиника, — столь же твердо, столь же важно, какъ и намѣреніе Анпигоны, и мы видимъ въ концѣ пѣссы, что оно сопряжено съ такою же опасностію; ибо влечетъ за собою паденіе всего Креонова дома. — Здѣсь запрещеніе Креона можетъ еще казаться дополненіемъ поступка, на который рѣшилась Анпигона; но въ Трагедіи виды дѣйствующихъ лицъ не всегда противоположны другъ другу, а иногда только различны между собою. Въ Андромакѣ Расиновой Орестъ спарается возбудить въ Герміонѣ взаимную любовь: Герміона хочетъ принудить Пирра съ нею сочепаться бракомъ, рѣшаясь въ противномъ случаѣ отмстить ему; Пирръ ненавидитъ Герміону и хочетъ соединиться узамъ любви съ Андромахою; Андромаха думаетъ о томъ только, чтобы спасти сына и пребываетъ вѣрною памяши Гектора. Не смотря на то, никто еще не сомнѣвался въ единствѣ сей трагедіи; ибо въ ней все связано и все кончается общою кашаспрофою. Но которое изъ

эпихъ дѣйствій, занимающихъ порознь четыре лица въ трагедіи, есть главное? Въ силѣ спроси лица едва ли уступаютъ другъ другу, все счастье ихъ жизни зависитъ отъ одной минуты; Андромача имѣетъ нравственное превосходство надъ прочими, и потому Расинъ правъ, назвавъ свою Трагедію ея именемъ.

Вопь еще новое обстоятельство въ понятіи о дѣйствіи, а именно отношеніе его къ идеѣ нравственной свободы, которая одна дѣлаетъ человека творцемъ своихъ намѣреній. Опытъ доказываетъ намъ, что намѣреніе, какъ начало дѣйствія, само рождается отъ предшествовавшихъ побудительныхъ причинъ. И такъ, мы рѣшительно относимъ къ высшей идеѣ *единство* и *полноту* Трагедіи въ смыслѣ древнихъ: непосредственное ея начало есть ощущеніе свободы, а совершенный конецъ сознаніе необходимости. Мы почитаемъ себя въ правѣ утверждать, что сія точка зрѣнія была совсѣмъ незнакома Аристотелю: нигдѣ не говоритъ онъ объ идеѣ необходимости, какъ существенной Трагедіи. Вообще онъ не имѣлъ точнаго понятія о дѣйствіи, какъ о намѣреніи и самомъ выполненіи, и гдѣ-то говоритъ даже: «что для цѣлаго въ Трагедіи ничего больше не требуется, кромѣ

„перевороша изъ несчастія въ счастье, или изъ счастья въ несчастіе, посредствомъ сцѣпленія вѣроятныхъ или необходимыхъ послѣдствій.“ И такъ, очевидно, что онъ подъ словомъ *дѣйствіе* понималъ, какъ и вообще новѣйшіе, только нѣчто случающееся. — Сіе дѣйствіе, по его мнѣнію, должно имѣть части, начало, средину и конецъ; слѣд. должно состоять изъ многихъ между собою связанныхъ произшествій. Кто же поставитъ границу сему множеству случаевъ? Развѣ сцѣпленіе причинъ и дѣйствій не безконечно? И потому всякое избранное начало, всякой избранный конецъ, не будутъ ли совершенно произвольными? Гдѣ же то начало и толико конецъ, о которыхъ Аристотель говоритъ съ такою ясностію? И такъ, совершенная полноша въ Трагедіи была бы не возможнаю.

Но ежели для единства нужно только, чтобы всѣ сіи произшества въ своихъ причинахъ были связаны между собою, то неопредѣлительность сего правила становится уже очевидною; можно снѣснять или расширять единство по произволу; ибо какъ ни продолжимъ цѣпь случаевъ или дѣйствій, зависящихъ одинъ отъ другихъ, всегда мож-

но на нихъ смолрѣшь съ одной почки зрѣнія и означить однимъ именемъ.

Кальдеронъ представляешь намъ въ одной прагедіи обращеніе Перу въ Христіанскую вѣру, съ самаго начала, и. е. съ открытія сей страны, до совершеннаго окончанія, и въ его піэсъ ничего не происходитъ, чтобы не имѣло дѣйствительно къ шому отношенія; илупъ въ вышесказанномъ значеніи единство не такъ же ли сохранено, какъ и въ самыхъ простыхъ Греческихъ Трагедіяхъ? Но поборники правилъ Аристошела никакъ этого не допускають.

Корнель чувствовалъ, сколь трудно съ точностію опредѣлишь единство при неизбѣжномъ скопленіи происшествій, подчиненныхъ главному дѣйствию. Онъ спарается вынупалъся слѣдующимъ образомъ: »Я полагаю, говоритъ онъ, что единство дѣйствія въ Комедіи состоитъ въ единствѣ интриги или всѣхъ препятствій, встрѣчающихся главнымъ лицамъ; единство въ Трагедіи есть единство опасности, которую герой преодолеваетъ или за которую слѣдуетъ его гибель. Я не хочу утверждать, чтобы въ трагедіи не позволено было вводить многія опасности, а въ комедіи многія интриги или препятствія; но все должно быть связано, и одно должно необходимо слѣдо-

вашъ за другимъ ; ибо дѣйствіе еще не исполнено, когда герой, избавившись отъ первой опасности, впадаетъ въ другую, ея влекомую, и развязка одной интриги не успокоиваетъ дѣйствующихъ лицъ, когда она запусываетъ ихъ въ новую.»

Во первыхъ, такое различіе между Трагическимъ и Комическимъ единствомъ нелѣпо. Правда въ Трагедіи произшествія важнѣе, — отъ нихъ зависитъ спасеніе или гибель героя ; но это ничего не значить для составленія пьесы ; неудачу дѣйствующихъ лицъ въ Комедіи, когда онѣ не успѣваютъ въ своемъ намѣреніи и въ своихъ интригахъ, можно бы также называть опасностію. Корнель, какъ многіе другіе, довольствуется однимъ понятіемъ о взаимной связи между причиною и дѣйствіемъ. И я согласенъ, что когда бракъ или смерть прекращаютъ усилія главныхъ лицъ, то пьеса окончена ; но если для ея единства нужна только непрерывность борьбы, служащей къ поддержанію драматическаго движенія : то гдѣ же средство сохранить ея простоту ? Слѣдуя такому правилу о единствѣ, можно будетъ накопить почти неограниченное множествъ случаевъ, и мы видимъ, что

въ Тысяча и одной ночи нишь повѣствованія никогда не прерывается.

Французскій Писатель Де-ла Мошпъ, возснавшій прошивъ всѣхъ единствъ вообще, хочеть, чшобы, вмѣсто слѡва единство дѣйствія, употреблено было названіе *единство интереса*. Если смыслъ слова сего не ограничивается участвіемъ въ приключеніяхъ одного только лица, если оно означаетъ вообще напряженіе нашего вниманія, занятаго какимъ нибудь произшествіемъ: то я нахожу сіе объясненіе самымъ удовлетворительнымъ и самымъ близкимъ къ истинѣ.

Нѣшь пользы эмпирически блуждать съ полковашелями Аристотеля. Понятіе объ *единомъ* и о *цѣломъ* со всѣмъ не извлекается изъ опыта; его должно искать въ первоначальной, свободной дѣятельности нашего духа. — Чшобы объяснить себѣ, какимъ образомъ мы дошли до понятія объ единомъ и цѣломъ, надобно создать цѣлую систему Метаматематики.

Внѣшнее чувство видитъ въ предметахъ одно неопредѣленное множество частей, различныхъ между собою; но сужденіе, посредствомъ котораго мы соединяемъ сіи части въ цѣлое, совершенное единство, всегда относится къ высшей сферѣ понятій. Такимъ обра-

зомъ на пр: механическое единство часовъ соспонтъ въ цѣли измѣрять время; но сія цѣль существуетъ единственно для разума; ее нельзя ни глазами видѣшь, ни руками осязать. Органическое единство расшѣни или живописнаго заключается въ понятіи о жизни; но внутреннее созерцаніе жизни, которая сама не есть шѣлесная, не смотря на то, что является посредственно въ мірѣ вещественномъ, примѣняемъ мы уже къ отдѣльному, оживленному предмету и такимъ образомъ въ немъ узнаемъ ее. —

Не одинъ только слухъ или зрѣніе, но разумъ обнимаетъ всѣ отдѣльныя части искусственнаго произведенія или Трагедіи (чтобы возвратиться къ нашему предмету). — Ихъ совокупность служитъ одной общей цѣли, а именно общему впечатлѣнію на нашъ духъ. — И такъ, единство заключается, какъ и въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, въ высшей сферѣ, въ чувствѣ или въ отношеніи къ идеямъ. — Это одно и то же; ибо всякое нравственное чувство есть нашъ умъ, органъ постигающій безконечное, которое обнаруживается въ нашихъ идеяхъ. —

Мнѣ кажется, что я эшимъ не отвергаю совершеннаго единства въ Трагедіи; я требую, напоминая, бо-

дѣе глубокаго, болѣе внутренняго, болѣе таинственнаго единства, нежели то, коимъ довольствуется бѣльшая часть судей искусства. — Сіе единство также сохранено въ Трагическихъ сочиненіяхъ Шакспира, какъ и въ произведеніяхъ Эсхила и Софокла; но я не вижу его во многихъ Трагедіяхъ, которыя обыкновенно признаются за правильныя. —

Я согласенъ, что Логическая связь и взаимное сѣпленіе произшествій необходимы, существенны въ Трагедіи и всякой серіозной Драмѣ; потому что умственные наши способности дѣйствуютъ взаимно одна на другую, и когда умъ принужденъ дѣлать скачекъ, то воображеніе и чувство не охотно за нимъ слѣдуютъ въ представленіи. Но мнѣ кажется, что защитники такъ называемой правильности обратили сіе предписаніе въ мѣлочную утонченность, которая ни къ чему не служитъ, а только стѣсняетъ Поэта; отъ чего истинное совершенство дѣлается невозможнымъ. —

Рядъ послѣдствій въ Трагедіи не есть какая-то тонкая нить, которую запрещено прерывать (сіе сравненіе и такъ нейдетъ по причинѣ уже признаннаго неизбежнаго множества побочных дѣйствій и интересовъ). Это попожъ, ко-

торый въ бурномъ своемъ теченіи пре-
одолюваетъ многіе оплошны, и нако-
нецъ переедетъ въ спокойномъ Океанъ.
Онъ можетъ произтекати изъ разныхъ
мѣстъ и принимать въ нѣдро свое
другія рѣки, которыя изъ прошиву-
положныхъ справъ спѣшатъ къ нему.—
Почему же не позволилъ Спихотворцу
слѣдовать разнымъ, въ продолженіи нѣ-
котораго времени, опдѣльнымъ попо-
камъ человѣческихъ спрашей и усилій
до ревущаго ихъ соединенія, если онъ
только умѣетъ перенести зришеля на
такую высоту, съ коюрой открыва-
ется все ихъ теченіе? — И когда
сія преволненная лучина ввергается
въ море многими успьями, разходясь
на рукава, не оспашаетъ ли она, при
всемъ шумѣ, однимъ и шѣмъ же по-
шомомъ? —

(Продолженіе впередъ).

К Р И Т И К А.

Рѣчь въ память Исторіографу Россійской Имперіи. соч. Гна Иванчина Писарева (въ Литтературномъ Музеумѣ на 1827 годѣ.)

Какъ долженъ разсмапривать Карамзина Панегириспъ его?

Какъ писашеля, какъ челоуѣка, какъ гражданина. — Разсмапривая Карамзина какъ писашеля, должно показашь его дѣйспвія непосредспвенныя (сочиненія), и посредспвенныя, (вліяніе на образъ мыслей въ Литпературѣ и проч). —

Въ сочиненіяхъ его занимаетъ первое мѣсто Исторія Государспва Россійскаго. Въ ней должно разсмапривать Карамзина, какъ Кришика, какъ Повѣспвовашеля (художника), какъ Философа.

Въ первомъ случаѣ должно показашь, какъ воспользовался Карамзинъ маперіалами нашей Исторіи и прудама своихъ предспвенниковъ, какъ разрѣшилъ ихъ недоумѣнія, чпѣ объяснилъ вновь, на сколько подвинулъ впередъ Кришику. —

Во второмъ: должно предспавишъ оплличспельный характеръ его повѣспвованія, — при чемъ, для большей ясности, можно сравнишъ его съ прочими Испориками - художниками, древ-

ними и новыми; попомъ должно показашь, въ изображеніи чего онъ силенъ — въковъ ли, характеровъ ли, или произшествій частныхъ, и какихъ и ш. п., или пѣхъ и другихъ?

Въ прешьемъ: должно показашь, съ какой точки Карамзинъ вообще смотрѣлъ на Исторію и какъ видѣлъ отношеніе Русской Исторіи ко всеобщей, какое мѣсто назначалъ Русскому народу между прочими народами и проч.

Описывая дѣйствія Карамзина посредственныя, должно показашь, какъ онъ дѣйствовалъ на своихъ современниковъ какъ художникъ, то есть представляя имъ только образцы изящныя, или вмѣстѣ и какъ учитель, то есть, указывая и равняя имъ дорогу въ той или другой области наукъ и искусствъ? Какія сѣмена бросалъ онъ имъ, которыя принялись въ послѣдствіи, — какія новыя, свои и чужія, мысли пустилъ въ оборотъ? — Здѣсь же должно представить и ту перемѣну, которую онъ произвелъ въ Русскомъ слоgѣ.

Человѣкъ и гражданинъ являющійся въ писателѣ; слѣдовательно, разсматривая Карамзина въ семъ отношеніи, должно только сдѣлать дополненіе къ сказанному объ немъ, какъ о писателѣ. Пусть покажутъ намъ здѣсь духъ его Исторіи, практическое ея направленіе,

въ чемъ и почему полагалъ онъ счастье Государства и т. п. — По нашему мнѣнію, скажемъ мимоходомъ, Историкъ не долженъ самъ *судить* о происшествіяхъ и людяхъ и дѣлать приговоры, а долженъ только вѣрно излагать происшествія; но Карамзинъ, вмѣстѣ со всеми почти Историками, не ограничивался сею послѣднею обязанностію, и потому должно разсмотрѣть его и въ семъ отношеніи. —

Можно сдѣлать и другіе планы панегирика, но при всякомъ планѣ должно имѣть въ виду вопросы, нами предложенные.

Какъ же ошѣвчалъ на оныя Авторъ?

Вотъ что говоришь онъ объ Исторіи (с. 109): „Безъ вымысловъ (ошъ которыхъ Исторія перестаетъ быть „Исторіей), связывать разрывы, споль „нерѣдкіе въ нашихъ лѣтописяхъ; не „наполнять сіи разрывы извлеченіемъ „изъ источниковъ сомнительныхъ въ „своей достоверности; безпрестанно „повѣрять Хронологической порядокъ „своихъ и иностранныхъ лѣтописцевъ; „приводить въ единство всѣ части по „средствомъ обозрѣнія каждаго вѣка; „сличать насъ съ иноплемennыми народа- „ми посредствомъ сравненія нравовъ, „обычаевъ и законовъ; означать спе- „цие образованія, внутренняго порядка „и Государственнoй силы по сношеніямъ

„нашимъ съ другими державами, и опре-
 „дѣлять насполющія причины могуще-
 „ства и славы Царства Русскаго, вы-
 „водя изъ самаго характера народа и
 „его власшителей; присоединимъ къ
 „сему вездѣ соблюдаемое имъ строгое пра-
 „вило, коему Историкъ внимать обязанъ:
 „сохранять жаръ въ одномъ лишь по-
 „вѣслованіи, но быть краткимъ въ
 „сужденіяхъ; удерживаться отъ про-
 „должительныхъ воспортовъ сердца,
 „вѣщая о высокихъ доблестяхъ пред-
 „ковъ; не щадить слабостей и пороковъ
 „ихъ; быть Рускимъ, но иногда писать
 „какъ гражданинъ всеиной, писать
 „для всѣхъ вѣковъ и народовъ: вошь
 „что озаряетъ лучемъ безсмертія
 „твореніе Карамзина, и что усколь-
 „заетъ отъ наблюденія обыкновенныхъ
 „чипашелей.“

Но можно ли хвалить великаго Ма-
 леманика за то, что онъ не ошибается
 въ умноженіи? Точно также мы не
 много чести приписываемъ Карамзину,
 говоря, что онъ не выдумывалъ, не
 вѣрилъ преданіямъ сомнительнымъ, по-
 вѣрялъ Лѣтописи и проч. Это суть до-
 спонства отрицательныя. Прочее въ
 предложенномъ опривкѣ — общія мѣсна.

Вошь что говоритъ Авторъ объ усо-
 вершенствованіи языка Карамзинымъ :

„Заславъ словесность нашу въ худшемъ состояніи, нежели въ какомъ оставилъ ее Ломоносовъ, новый Исократъ, онъ изумилъ современниковъ первыми строками своими, изумилъ шакъ, что сначала многіе думали (не основывая мыслей своихъ на опытъ), что онъ подражалъ образцамъ иноспранной прозы. Вѣрнѣйшіе наблюдатели, болѣе вникнувшіе въ размѣръ его періодовъ, въ усгроеніе его фразъ, и тогда еще видѣли въ нихъ одно глубокое знаніе, или лучше сказать, чувство коренныхъ красотъ языка нашего и ему свойственнаго благозвучія. Но сей предметъ, покорный дѣйствию все-измѣняющаго времени, здѣсь не долженъ быть главнымъ предметомъ нашимъ. Свойства слога опредѣлены знаменитѣйшими писателями древнихъ и новѣйшихъ временъ. Сказавъ, что его сославляютъ идеи, что уродливостъ или бѣдность ихъ означаютъ дурной слогъ, ихъ обиліе и красота — хорошій, — мы конечно ничего не скажемъ новаго. Но въ нашей Литтературѣ, богатой одними противоположеностями, и гдѣ изящный слогъ еще не сдѣлался общимъ, удобнѣе испытать правильность сего опредѣленія. Изберемъ слова, кошорыхъ не употреблялъ еще Карамзинъ; сдѣлаемъ болѣе, изобрѣшемъ другое благозвучіе, и по немъ

успроимъ фразы свои: мы дадимъ лишь другую форму, другой видъ механической части Искусства. Но если мы не научились лучше мыслить; если мы не превзошли Карамзина въ краснѣ образовъ, въ которыхъ онъ облекалъ мысли свои, то мы не обогатили, не украсили слога. Всегдашняя возвышенность идей, распроспраняя сферу оныхъ, доставила слогу Карамзина важность и ровную полновѣдность; участие сердца во всѣхъ излагаемыхъ предметахъ придадо ему живость и бышропу; привычка размышлять вѣрно, соображать основательно, открыла сему писателю вѣрнѣйшія отношенія словъ, ближайшее ихъ родство съ мыслями; произвела наконецъ ясность сихъ послѣднихъ, которая составляетъ главную прелесть его слога.“

Рецензентъ признается опкровенно, что онъ не понимаетъ (какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ), о чемъ именно хочеть говорить здѣсь Авторъ: сначала онъ хочеть, кажется, опредѣлить усовершенствованіе языка, потомъ переходитъ къ слогу и смѣшиваетъ его съ умомъ, наконецъ говоритъ о частныхъ качествахъ слога Карамзина. — Разберемъ порознь нѣкоторыя положенія:

„Вѣрнѣйшіе — благозвучія (см. выше).“ — Но чѣмъ именно Карамзинъ

усовершенствоваль языкъ Русской? — вотъ вопросъ, на которой до сихъ поръ въ Литтературѣ Русской нѣтъ отвѣта, между тѣмъ какъ всѣ, или почти всѣ, согласно приписываютъ Карамзину, и по справедливости, сіе усовершенствованіе.

„Сказавъ — новаго.“ Не входя въ неумѣстное здѣсь разсужденіе о слогахъ, мы предложимъ одно возраженіе а posteriori: не безпрестанно ли встрѣчались и встрѣчаются умнѣйшіе люди, которые не умѣютъ говорить и писать хорошо? ergo слогъ зависитъ не отъ одного ума.

„Всегдашняя — слога.“ Эшаго или не понимаетъ Рецензентъ, или — это наборъ словъ. Что значить: *„всегдашняя возвышенность идей, разпространяя сферу оныхъ, доставила слогу Карамзина важность и ровную полновѣдность? — Что значить „привычка размышлять вѣрно, соображать основательно, открыла сему писателю вѣрнѣйшія отношенія словъ, ближайшее ихъ родство съ мыслями; произвела наконецъ ясность сихъ послѣднихъ“?*

На другіе вопросы, Рецензентомъ предложенные, — вопросы, коихъ рѣшеніемъ опредѣлилось бы достоинство Карамзина, нѣтъ или почти нѣтъ отвѣтовъ удовлетворительныхъ. —

Вмѣсто оныхъ, Авторъ разпроспра-
няется весьма много о Зоилахъ, будто
справившихся унизишь Карамзина, и въ та-
кихъ громоносныхъ выраженіяхъ, что
всякій, незнакомый съ Русскою Литтера-
турою, представилъ себѣ легионъ зло-
намѣренныхъ Кришиковъ. — Какъ же
удивился онъ, услышавъ, что въ
продолженіи пятнадцати лѣтъ не про-
изнесено *ни одного* общаго положитель-
наго сужденія объ Исторіи Карамзина,
ни справедливаго, ни несправедливаго!
До сихъ поръ сдѣлано у насъ единственно
нѣсколько мѣлкихъ замѣчаній, и Авторы
сихъ замѣчаній не заслуживали бы даже
имени Зоиловъ, если бы были и зло-
намѣренные. Съ нашей изящной спатуи
сперли нѣсколько (очень немного) пыль-
ныхъ пшениць, — но какіе Лессинги и
Винкельманы опредѣляли критически
ея достоинство? — Карамзинъ долженъ
былъ сожалѣть, что не слышалъ себѣ
кришики, и важнѣйшее доказатель-
ство того, что онъ опередилъ сво-
ихъ современниковъ, я нахожу въ томъ,
что они не умѣли ни хвалишь, ни
порицать его.

Планъ Панегирика очень сбивчивъ.
Авторъ, напримѣръ, нѣсколько разъ
принимается говорить объ Исторіи,
нѣсколько разъ — о словѣ. —

Въ слогъ виденъ часпо ученикъ Карамзина, часпо встрѣчающіеся періоды полные, благозвучные, выраженія удачныя, но часпо оказывающіяся непочносны. Для примѣра разберемъ начало вступленія :

„Что остается утѣшительнаго въ чувствѣ, внушаемомъ смертію великихъ людей? — возрѣніе на полношу ихъ славы. Изъ сего безсмертнаго мрака восходитъ для нихъ заря безсмертія; и въ слезахъ на гробъ великаго писателя, истиннаго ревнишаго о нашемъ благѣ, совершающаго поржество дарованія. — Но сколь перазительнымъ должно быть сіе поржество тамъ, гдѣ писатель сей былъ единственнымъ, гдѣ юный питомецъ музъ, выходящій на пространное поле Словесности, озирая окрестъ себя, видитъ обширныя пустыни и возводитъ печальный взоръ на оплещающаго Генія!“

Можно ли употребить слово *остается* вмѣсто *есть* здѣсь, гдѣ не говорится ни о какомъ предварительномъ, скажемъ просто, расходѣ? Какъ въ чувствѣ можешь быть возрѣніе? Какъ можно *езирать* на *полношу славы*? Что называется здѣсь *симъ плачевнымъ мракомъ*? Прилично ли къ существительному имени *мракъ* прилагательное *плачевной*? Какъ можешь восходить

изъ мрака заря? Г. такая же заря — безсмертія? — Что значить: въ слезахъ совершается торжество дарованія? — Сіе торжество называется послѣ *поразительнымъ*.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о частныхъ недоспашкахъ Панегирика.

Если много Гиперболъ. На примѣръ Авшоръ говоритъ о славѣ, пріобрѣтенной Русскими на подиписическомъ поприщѣ, и на вопросъ свой „уже ли не прославились мы въ народахъ могуществомъ слова?“ оцвѣчаетъ: „смѣло выспустимъ на сіе новое поле состязанія, (съ Исторіей Карамзина), — и вторично изумленный Западъ узритъ новое торжество наше.“ —

О Ломоносовѣ сказано „что онъ не усилъ перейдши отъ подражанія къ образцовому, самоподражательному.“ И пакъ, Ломоносовъ только что подражалъ? А кому же принадлежитъ преобразование языка Русскаго?

Описывая препяшствія, копорыя Карамзинъ встрѣшилъ на своемъ поприщѣ, Авшоръ говоритъ о недоспашкѣ совѣшниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „пиши, я ручаюсь за попомство.“ Авшоръ позабылъ, что Карамзину была

другомъ Дмишрiевъ, что Державинъ говорилъ ему :

пой Карамзинъ,

И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьиный. —

Всего болѣе заслуживаемъ почтенія чувство, которое руководствовало Авторомъ при сочиненіи Панегирика. —

Рецензентъ долженъ прибавить еще одно замѣчаніе, можетъ быть, и излишнее. По своему характеру онъ никакъ не рѣшился бы сказать вслухъ своего мнѣнія о семь сочиненіи, но долженъ былъ сказать оное ex officio. Начавъ же говорить, никакъ не могъ, по первой причинѣ, говорить иначе. Можетъ быть, онъ ошибся, по крайней мѣрѣ, говорилъ искренно.

М. П.

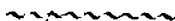
ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Объ Аристократіи, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ успѣхамъ образованности, соч. Г. Пасси. Парижъ. 1826. г. 1 том. in 8-ю д. (268 стр.)

Сіе сочиненіе отличаетъ хорошимъ слогомъ и сильными мыслями. Авторъ предположилъ себѣ разсмотрѣть аристократію въ ея отношеніяхъ къ успѣхамъ образованности. Онъ понималъ, что для рѣшенія столь обширнаго и труднаго вопроса нужно было обнять его

въ цѣлости, ибо одностороннія почки зрѣнія всего болѣе опасны, когда дѣло идетъ объ одномъ изъ нѣхъ учреждений, которыя тѣснѣйшимъ образомъ соединяются со всей исторіей народовъ и которыя имѣли сильное вліяніе на устройство общественное. По сему авторъ изыскиваетъ сначала происхожденіе аристократіи, чтобы дать себѣ отчетъ въ побудительныхъ причинахъ ея устройства. Онъ разбираетъ потомъ духъ истинный законовъ, необходимыхъ для ея сохраненія, старается доказать вліяніе сихъ законовъ на состояніе и успѣхи промышленности и богатствъ, на нравы, на количество народонаселенія, однимъ словомъ, на всѣ основныя причины величія и блага общественнаго. Вообще мнѣніе Г. Пасси мало благоприятствуетъ сему учрежденію, въ которомъ онъ находитъ болѣе неудобствъ, нежели выгодъ. Можно противорѣчить автору во многихъ случаяхъ; при всемъ томъ книга его будетъ читана съ удовольствіемъ и пользою, ибо въ ней видно примодушіе и умѣренность.

Изъ В. И.

*The Last man, Последний человекъ, соч.
 Автора Франкенштейна. Лондонъ. 1826
 г. 3 час. in 8-ю д.*

Геній одаренъ преимуществами, которыми писатели обыкновенные не могли бы пользоваться безнаказанно. Между сими преимуществами первое мѣсто должно занять употребленіе чудеснаго и пѣхъ необыкновенныхъ вымысловъ, которые увлекають насъ отъ существенности и переносятъ, какъ бы волшебствомъ, въ новые и неизвѣстные міры. Геній есть самый могущественной изъ чародѣевъ; онъ, кажется, получилъ свыше часть той силы творческой, которая все извлекла изъ ничтожества. Его произведенія, даже самыя спранныя, ознаменованы печатью существенности, заставляющей забывать нашъ привычный міръ съ его непреложными законами и его однообразнымъ ходомъ. Однажды перенесенные въ страну очарованія, мы предаемся увлекающей насъ силѣ; мы любимъ слѣдовать за геніемъ въ его дерзостномъ полетѣ и охотно прощаемъ ему заблужденія въ благодарность за доставляемые имъ наслажденія. Писатель бездарный находился совершенно въ противномъ положеніи, когда онъ дерзаетъ приблизиться къ возвышеннымъ спра-

намъ вымысла и чудеснаго; ибо онъ не можеть замѣнить того, что похищаетъ у насъ. Онъ дѣйствительно принуждаетъ оставить мѣръ существенный, но не можеть показать намъ другаго, имъ сотвореннаго. Онъ увлекаетъ насъ тогда въ мечтательныя пространства, населенныя ничтожными призраками и пустыми безжизненными образами: совершенная шутовская Фантасмагорія, въ которой странные и нелѣпыя вымыслы не искупаются ничѣмъ и производятъ упоминаніе и отвращеніе.

Сіи размышленія родились въ насъ при чтеніи романа, котораго заглавіе находится въ началѣ сей главы: *Послѣдній человекъ!* Совершенное уничтоженіе рода человеческого, произведенное ужаснымъ переворотомъ, чувствованія, впечатлѣнія и тоска несчастнаго, который остается одинъ на землѣ! Безъ сомнѣнія, такое содержаніе само по себѣ занимательно и высоко. Оно бы величественно развилось подъ перомъ Байрона, Гёте, Жанъ-Поля; авторъ разбираемаго нами произведенія не могъ сего исполнить (*). Кажется, работа для него была слишкомъ велика и хотя онъ

(*) Сей романъ приписываютъ Мистрисъ Шеллей, вдовѣ поэта сего имени.

показываетъ иногда истинное дарованіе въ описаніяхъ, но въ цѣломъ исполненіе весьма неудачно. Характеры безъ истины, дѣйствіе продолжительное, положенія ушомнительныя по своему однообразію, наконецъ излишняя декламація: вопль самыя замѣчательныя недоспапки сего романа. Однако же въ немъ есть, какъ мы уже сказали, хорошо написанныя картины.

Этотъ романъ, разумѣется, есть предсказательный: въ немъ говорится о концѣ нашего рода; дѣйствіе происходитъ съ 2070 по 2100 годъ. Для объясненія, какимъ образомъ попала въ руки сочинителя книга, которая будетъ написана не ранѣе 273 лѣтъ, что въ самомъ дѣлѣ трудно понять, предисловіе уведомляетъ насъ, что она была найдена въ Кумахъ въ знаменистой Сивилииной пещерѣ. И такъ, это сочиненіе какой нибудь древней волшебницы, которая, читая въ будущемъ, похитила заранѣе произведеніе послѣдняго изъ людей и авторовъ. Кажется, что для несчастнаго, ни одно изъ бѣдспвій не могло бытъ неожиданнѣе подобнаго похищенія.

Изъ В. И.

С М Ъ С Ъ.

Биографическое извѣстiе о Георгѣ Каннингѣ.

Георгѣ Каннингѣ, Англійскій Спашсъ - Секретарь по Департаменту иностранныхъ дѣлъ, нынѣ возведенный на степень перваго министра, родился въ 1770 году, происходишь оный древней, но не знаменишой Ирландской фамили. Камдены въ своей *Британни* упоминаеть объ одномъ Вилгельмѣ Каннингѣ, который пять разъ былъ избираемъ въ Меры Бристольскіе. Старѣйшая отрасль фамили Каннинговъ, оны кошорой впрочемъ не ведеть рода своего Георгъ Каннингъ, имѣеть еще другое прозваніе *Гарвагъ* и въ прошедшемъ году удостоена степени Ирландскихъ Перовъ. Отець Георга Каннинга еще въ молодости оставилъ Ирландію и женился въ Англии на прекрасной, умной, но небогатой дѣвушкѣ; сіе обстоятельство послужило поводомъ къ разрыву его съ родственниками, послѣ чего оны принужденъ былъ довольствоваться 150 фунт. стерл. годоваго дохода и мѣстомъ адвоката, кошорое ему и такай суммы не доставляло. Оны сочинялъ по-

литическія спашыи, писалъ стихи и умеръ отъ печали и бѣдности въ 1771 году, чрезъ годъ послѣ рожденія сына. Его вдова рѣшилась сдѣлаться актрисою, являлась на сценѣ вмѣстѣ съ Гаррикомъ; но по недоспаику въ дарованіяхъ, не имѣя возможности получить мѣста въ Лондонѣ, она присоединилась къ обществу странствующихъ актеровъ, и вышла за одного изъ нихъ по имени Гунна; — сына же своего возвратила къ родственникамъ покойнаго мужа. Георгъ Канингъ послѣдовавшимъ благосостояніемъ много обязанный попеченіямъ матери и всегда къ ней почтительный и благодарный, учился въ Эпонѣ; и въ 1786 году, слѣдовательно 6-лѣтнѣ, издавалъ съ нѣкошорыми изъ своихъ товарищей Журналь подъ названіемъ the Microcosme; потомъ чрезъ годъ поступилъ въ Оксфордскій Университетъ, а по окончаніи наукъ, переселился въ Лондонъ, посвятивъ себя Юриспруденціи. Шериданъ зналъ и умѣлъ цѣнить его; почему совѣщавалъ избрать часшъ политическую и склонилъ въ его пользу большинство избираемыхъ голосовъ въ Ньюпортѣ, на островѣ Вайтъ (Wight). Въ это же время (1794) обратилъ на него вниманіе Питтъ и доставилъ ему (1796) мѣсто

помощника Статсъ-Секретаря по Департам. иностр. дѣлъ.

Блестательные успѣхи опличали Георга Каннинга еще въ льбахъ спроческихъ. На 16-мъ году печаталъ онъ въ журналъ the *Microcosme* многія изъ стихотвореній, между коими одно, подъ названіемъ: *Освобожденіе Греціи*, было исполнено огня и силы. Въ Оксфордскомъ Университетѣ онъ преимущественно занимался Краснорѣчіемъ и Поэзією и сочинялъ Латинскіе стихи, возбуждашіе въ другихъ къ нему удивленіе. По склонности къ лирической и ученымъ занятіямъ, онъ внутренно обрекалъ себя на жизнь уединенную; но, не имѣя никакого состоянія, принужденъ былъ отказавшись отъ сего блага и жить въ вихрь свѣта, среди волненій и заботъ житейскихъ. Званіе адвоката, ведущее въ Англіи къ важнѣйшимъ почестямъ, есть по самое, которое обыкновенно избираютъ тамъ молодые люди, соединяющіе въ характерѣ своемъ честолюбіе съ сознаніемъ собственной душевной силы. Георгъ Каннингъ вступилъ на сіе поприще и обращалъ преимущественно свои усилія на пріобрѣтеніе дара свободнаго произношенія рѣчей. Безпрерывныя занятія не мѣшали

ему однакоже поддерживавъ прежнія связи, по мѣсту воспитанія, со многими молодыми людьми знаменитѣйшихъ семей. Подкрѣпляемый ими, онъ быстро подвигался впередъ и на 23 году своей жизни занималъ уже почетное мѣсто въ Нижнемъ Парламентѣ въ качествѣ представителя мѣстечка Ньюорпъ. Будучи представленъ Шериданомъ, какъ молодой человекъ съ рѣдкими дарованіями, онъ обращалъ на себя взоры всѣхъ своихъ сочленовъ; но въ продолженіи нѣкотораго времени почиталъ приличнымъ хранить молчаніе. — 31 Янв. 1794 г. онъ произнесъ первую свою рѣчь въ защиту договора, который нужно было заключить съ Королемъ Сардинскимъ, и съ сего времени принималъ уже участіе во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ Парламента; но вопреки большей части молодыхъ ораторовъ, прислушающихся всегда къ сторонѣ оппозиціонной, онъ уклонился болѣе къ партіи Пиппа и превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей силою рѣчей прошивъ Французскаго Правительсва. Въ 1796 году онъ снова былъ избранъ засѣдать въ Парламентѣ отъ города Вендовера. Послѣ назначенія своего на мѣсто помощника Спикера-Секретаря по Департ. Иностранныхъ дѣлъ, который въ то время управляемъ

быль Лордомъ Гренвиллемъ, онъ обнаруживалъ мнѣнія свои еще гораздо сильнѣе. Никогда не выѣзжая изъ своего опечеслива и воспитанный въ предразсудкахъ Англичанъ стараго покроя, онъ выражался въ рѣчахъ своихъ довольно небрежно на счетъ народовъ швердой земли и шѣмъ пріобрѣлъ въ нѣкоторомъ отношеніи народную приверженность и славу. Разумѣвша, что человекъ съ такимъ характеромъ и образомъ мыслей не могъ щадить перваго Консула; ораторы оппозиціи вмѣнили ему подобныя личности въ пресупленіе, и Каннингъ нашелся принужденнымъ 18 Іюля 1800 г. оправдать свое поведеніе торжественною рѣчію, въ которой объявилъ рѣшительно, что ни мало не раскаивается въ своихъ выраженіяхъ на щетъ Бонапарте; что почитаетъ Консульское правленіе слишкомъ слабымъ, неспособнымъ поддержать себя, и оппюдь не расположенъ склонять голову предъ шроеглавымъ идоломъ.

Во время совѣщаній объ уничтоженіи торговли Неграми, Каннингъ, вмѣстѣ съ Пипшомъ, раздѣлялъ заботы и старанія Вильбефорса о скорѣйшемъ прекращеніи сей торговли. Между шѣмъ оппозиціонная партія усиливалась ежедневно; успѣхи Французскаго

оружія сдѣлали впечатлѣніе на большинство голосовъ въ Парламентъ и Пиппсъ въ 1801 г. уклонился отъ кормила Государственнаго правленія. За нимъ послѣдовалъ и Каннингъ, который, не одобряя Аміенскаго договора, объявилъ, что миръ съ Франціею въ его глазахъ есть самоубійство Англіи. Въ 1802 году, въ качествѣ предсѣдателя мѣстечка Трале въ Ирландіи, онъ явно вооружался противъ управленія новаго Канцлера Казначейства, Аддингтона, нынѣшняго Лорда Сидмута; а 1803 г., когда Пиппсъ снова сдѣланъ былъ Министромъ, онъ поспунилъ на мѣсто Тирнея въ должностѣ Казначея морскихъ силъ, но сложилъ съ себя сіе званіе пошчасъ послѣ смерти Пиппса. Какъ членъ Парламента, Каннингъ оспори- валь оборонительный планъ войны Вингама и воспользовался симъ случаемъ, дабы осмѣялтъ тогда же Министра Фокса; въ Январѣ 1807 онъ старался обнаружитъ ошибки Министерства въ новыхъ войнахъ, предпринятыхъ Англіею. Послѣ сего, чрезъ два мѣсяца, въ эпоху паденія Лорда Гренвилля и образованія Министерства Персеваля, Каннингъ наименованъ былъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ. Сіе поприще своей службы открылъ онъ экспедиціею про-

плавъ Копенгагена и 21 Января 1808 произнесъ длинную рѣчь, въ которой оправдывалъ взятіе Датскаго флота. Во время Англійской экспедиціи противъ Флиссингена и острова Валхерна (въ Августѣ 1809) онъ, вмѣстѣ съ Лордомъ Мулгравомъ, отправлялся изъ Лондона для личнаго присутствованія при отплытіи кораблей съ войсками. Объясненіе, которое онъ имѣлъ относительно сей экспедиціи съ товарищемъ своимъ Лордомъ Касплеттомъ, послужило поводомъ къ дуэли на пистолетахъ между сими двумя Министрами: Каннингъ получилъ рану въ ногу и вышелъ изъ службы. Въ 1812 году онъ былъ избранъ представителемъ отъ города Ливерпуля и говорилъ весьма рѣзко въ пользу Каполиковъ, желая доставить имъ все права Англійскихъ гражданъ.

Въ Сентябрѣ 1814 г. Король назначилъ его посланникомъ въ Португалію; это подадо случай многимъ членамъ нижняго Парламента насмѣхаться надъ Каннингомъ, который принялъ на себя столь незначительное званіе. Въ Маѣ 1816, возвращаясь изъ Лиссабона чрезъ Францію, онъ присутствовалъ въ Бордо на пиршествѣ, данномъ въ честь его шамошнимъ купечесствомъ; послѣ пиршества за здоровье Короля Французскаго, онъ

провозгласилъ поспѣть во славу торговли города Бордо и произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость согласія между Франціею и Англіею, основаннаго на политической системѣ законности и уничтоженія революціонныхъ партій. По прибытіи въ Англію, онъ отправился въ Ливерпуль, желая быть избраннымъ въ члены Парламента, несмотря на то, что имѣлъ многихъ непріятелей. —

Прежде не рѣдко замѣчали его въ рядахъ оппозиціи, откуда онъ дѣлалъ сильныя нападенія на Министровъ; отъ того начальники оппозиціи не могли удержаться отъ ѣдкихъ замѣчаній, видя незапное примиреніе его съ тѣми, съ которыми нѣкогда онъ имѣлъ самыя жаркіе споры. Съ сего времени Каннингъ, всегда вѣрный своимъ правиламъ, вооружался всеми возможными для него средствами противъ безпорядковъ оппозиціонной партіи, которой члены спрашивались его способностей и непоколебимой настойчивости. Они не переставали также клеветать и чернить его въ глазахъ народа, добиваясь, вѣроятно, того, чтобы онъ, по примѣру Лорда Гренвилля, отказался отъ своихъ правилъ и дѣйствовалъ съ ними за одно. Лордъ Ченардъ былъ тогда избранный, котораго враги Кан-

нинга ему прошивупоставили; война сія продолжалась съ бодьшымъ ожесточеніемъ, шакъ, что Каннингъ нѣскольکو разъ подвергался опасности пошерпѣть личныя оскорбленія отъ черни, — дѣло весьма обыкновенное въ Англіи. Наконецъ Чепардъ, послѣ продолжительнаго сопрошивленія и постыднаго единоборства, увидѣвъ, что его уже не шакъ сильно поддерживающъ, оставилъ поле битвы и объявилъ, что онъ увѣренъ, что Каннингъ съ обыкновенною своею ловкостію всегда будетъ защищать выгоды своихъ товарищей.

Такимъ образомъ Каннингъ снова былъ избранъ и говорилъ проспранную рѣчь, въ которой доказывалъ, что всегда вѣрный славъ и благу Англіи, онъ тогда только не согласовался съ мнѣніемъ Министровъ, когда находилъ систему ихъ слабою и недостаточною; и напротивъ, всегда примирялся съ ними, какъ скоро имѣлъ случай увѣряться, что они употребляли всѣ зависящія отъ нихъ средства къ ускоренію освобожденія Европы и къ возвеличенію торжества правилъ истинной свободы надъ гибельными началами Французской революціи. „Я очень знаю,“ присовокупилъ онъ „что члены оппозиціи, которые хомятъ видѣть Министерство со-

средоточеннымъ въ кругу нѣсколькихъ знаменитыхъ фамилій, и которые, издѣваясь надъ законностію престола, присвоиваютъ однакоже себѣ наследственные политическіе пламаты, — знаю, что сіи члены почитаютъ меня искапелемъ приключеній. Не понимаю, что значить сей упрекъ въ странѣ, гдѣ всякому открыто любое поприще. Но я принимаю сей шишуль; онъ означаетъ мужа, который въ качествѣ представителя желаетъ зависѣть только отъ народа и не нуждается въ покровительствѣ соими поколѣній знаменитыхъ предковъ.“ — Бурное избраніе сіе приведено къ концу 12 Іюня, 1816 года. Вечеромъ того же дня Каннингъ принималъ поздравленія отъ друзей; его носили на рукахъ въ торжественной процессіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ представлялся Королю въ званіи Президента Ост-Индскаго Департамента, — одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Министерствѣ.

Въ 1819 году Каннингъ ѣздилъ въ Италію, для приготоовленія и собранія доказательствъ, нужныхъ для знаменитаго процесса противъ Королевы; а въ 1822 занялъ мѣсто Маркиза Лондондерри по Министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ 1810 г. онъ женился

на дочери Генерала Сколпа, которая принесла ему значительное имѣніе.

Сему необыкновенному челоѣку нашего времени вообще приписываютъ отличную способность къ публичнымъ преніямъ и разбирашесливамъ; съ пріятною наружностію соединяетъ онъ рѣдкую живость характера; разговоръ его исполненъ сарказмовъ, и парламентскія рѣчи его носятъ на себѣ печать сатирической склонности. Каннингъ никогда не бываетъ шакъ краснорѣчивъ и увлекашелевъ, какъ въ то время, когда поражаетъ своего противника прямыми личностями. Биспрое его возвышеніе возбудило противъ него толпу враговъ и завистниковъ, которые несправедливость свою простираютъ иногда слишкомъ далеко и въ нападеніяхъ выходятъ изъ границъ умѣренности. — Онъ былъ въ сообществѣ съ Гг. Фрере и Эллисомъ, однимъ изъ главныхъ редакторовъ Журнала *Анти-Якобинецъ*, который, получивъ начало въ 1798 году, пользовался съ того времени особеннымъ благоволеніемъ публики. Въ Журналъ *Quarterly Review* участвовалъ онъ постоянно до послѣдняго времени. Множество спашей, чрезвычайно рѣзкихъ, обнаруживаютъ всю ѣдкость

его сатирической соли. -- По краснорѣчію, въ числѣ ораторовъ парламенскихъ Каннингъ занимаетъ отличное мѣсто. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ богатствомъ остроумія, чрезвычайно бѣгло-стію въ составленіи доказательствъ и выводѣ слѣдствій, непоспориимо обилень глубокомысленными оборотами и совершенно владѣетъ своимъ языкомъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько анекдотовъ. Недавно утверждали въ Англійскомъ Парламентѣ, что наспо-ящее затруднительное положеніе Англіи дѣлаетъ сохраненіе мира необходимымъ; Каннингъ представилъ сіе положеніе въ обратномъ видѣ и сказалъ: „необхо-димостъ выйти изъ сего затрудни-тельного положенія есть гораздо важ-нѣйшая побудительная причина къ вой-нѣ. Впрочемъ, дѣло идетъ о такой войнѣ, отъ которой Англія должна много выиграть, мало, или совсѣмъ ничего не проигравъ.“ —

Послѣ несчастной смерти Лорда Каспарига (Маркиза Лондондерри), Король назначилъ Каннинга его пре-емникомъ. Въ первой аудіенціи, ко-порую послѣ того имѣлъ онъ у Короля, Его Величество изъявилъ желаніе, ви-дѣть Каннинга вѣрнымъ системъ сво-

его предшественника. „Государь! — отвѣчалъ Каннингъ — это дѣло опасное: почтенный Лордъ перерѣзалъ себѣ горло.“

(А. З.)

* *

Желаю дать нашимъ читателямъ нѣкоторое понятіе о Каннингѣ, человѣкѣ, нынѣ обращающемъ на себя вниманіе всего свѣта, мы представили сію Біографію, хотя и не находимъ въ ней отвѣтовъ на многіе важные вопросы, — на примѣръ: въ чемъ состоятъ нынѣшняя государственная система Каннинга, сколько видно изъ его дѣйствій? Какъ образовалась сія его система? Въ какихъ дѣйствіяхъ Англіи онъ преимущественно участвовалъ и на какихъ основаніяхъ? Что способствовало къ развитію его способностей и пр. и пр. Дюжинные Біографы не забываются о подобныхъ вопросахъ.

М. П.

Біографическое извѣстіе

о Лаперузѣ.

Лаперузъ (Жанъ Франсуа Галопъ), родился отъ благородной фамилиі въ 1741 году, въ Алби, въ Тарнскомъ Департаментѣ. Онъ еще въ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ вступилъ въ морское училище, и обративъ свое вниманіе на знаменитѣйшихъ того времени соотечественныхъ мореплавателей, рѣшился идти по стопамъ ихъ, Сдѣлавшись Гардемариномъ въ 1756 мѣ году, онъ въ семъ званіи служилъ на кораблѣ *Ужасный*, который составлялъ часть эскадры Маршала де Ковфланъ. Восемь кораблей какъ Англійскихъ, такъ и Французскихъ, потонули во время одного сраженія. *Ужасный* возвратился послѣ сильнаго сопротивленія, при чемъ Лаперузъ былъ жестоко раненъ. Возвратясь на родину, онъ совершилъ съ честію многія другія кампаніи, и заслугами своими обративъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ, былъ сдѣланъ Мичманомъ въ 1764 году. Онъ командовалъ въ 1779 мѣ году фрегатомъ *Амазонка* въ эскадрѣ Вице-Адмирала Эшена во время его сраженія со флотомъ Адмирала Байрова. Въ продолженіи сей кампаніи онъ овладѣлъ фрегатомъ *Аріелемъ* и способствовалъ взятію *Испытанія*. Мужество его въ сихъ многоразличныхъ дѣйствіяхъ доставило ему чинъ Капитана, въ который онъ произведенъ 1780 года. Когда Правительство составило проектъ о разрушеніи Англійскихъ укрѣпленій при Гудзонскомъ заливѣ, то на Лаперуза было возложено сіе трудное предпріятіе.

Онъ отправляясь въ 1782 году 31 Маія отъ Французскаго мыса, имѣя въ своемъ распоряженіи одинъ корабль и два фрегата. Преодолявъ трудности и бѣдствія, обыкновенныя на Сѣверныхъ моряхъ, особенно потерпѣвъ много отъ едва проходимыхъ льдинъ, и выдержавъ на пути частыя бури, онъ взялъ и разрушилъ укрѣпленія Принца ^{Виндизского} Ралля и Гурка. Его человеколюбіе въ семь случаевъ равнялось его храбрости, и по необходимости обязаный сообразоваться съ жестокими предписаніями, онъ не забывалъ по крайней мѣрѣ, что несчастіе имѣетъ право на состраданіе. Услышавъ, что при его приближеніи многіе Англичане убѣжали въ лѣса, и что въ случаѣ его отбытія они въ разрушеннхъ крѣпостяхъ своихъ подвергнутъ себя неизбѣжной опасности умереть съ голода или попасться въ руки дикамъ, онъ имѣлъ великодушіе оставить имъ съѣстные припасы и оружіе. Миромъ 1783 года кончилась сія война; но Лаперузъ не долго наслаждался спокойствіемъ: онъ былъ сдѣланъ предводителемъ экспедиціи, назначенной для объѣзда вокругъ свѣта, къ коей приуготовленія дѣлались въ Брестѣ (стараніями Герцога де Кастри, Морскаго Министра. Труды Лаперуза и его постоянныя успѣхи на морскомъ поприщѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ 18 кампаній, приучили его ко всякаго рода опасностямъ и сдѣлали его способнымъ преодолевать трудности долговременнаго плаванія по морямъ неизвѣстнымъ и среди дикихъ народовъ. Инструкціи Лаперузу объ открытіяхъ, кои ему надлежало сдѣлать или освидѣтельствовать, о наблюденіяхъ по части Астрономіи, Навигаціи, Физики и различныхъ отраслей Памуральной Исторіи,—

о предосторожностяхъ для сохраненія здоровья матросовъ, — объ обращеніи съ дикими народами, — на писана была собственноручно Людовикомъ XVI: наставленія, въ оной заключающіяся, показывають глубокія познанія и возвышенную филантропію сего Государа. Лаперузъ снялся съ якора въ Брестъ, 1 го Августа 1785 года, съ фрегатами *Комласъ* и *Астролабія*. Г. Монжъ, съ нимъ отправившійся въ качествѣ Астронома, и коего здоровье начало день ото дня разстроиваться, нашель себя принужденнымъ осматреть въ Teneriffъ. Сему-шо непредвидѣнному случаю Франція обязана сохраненіемъ одного изъ ученыхъ, се прославившихъ. Изъ Teneriffы экспедиція отправилась къ берегу Бразиліи, и плывя вдоль берега Папагонскаго увидѣла 22 го Іюня 1787 года мысъ Дъвъ. (Cap des vierges). Переплывши проливъ Лешерскій и объѣхавъ мысъ Горнъ, Лаперузъ вступаешъ въ Южное море, посѣщаетъ немедленно островъ Пасхи и острова Сандвичевы, и потомъ направа свое плаваніе къ Сѣверу въ намѣреніи рассмотреть часть Сѣверо-западнаго берега Америки, находящагося между горою Св. Іліи и Монтерейскою пристанію, онъ заѣзжаетъ во Французскую пристань на Американскомъ берегу. Лаперузъ радовался не пощеравъ въ продолженія такого большаго путешествія ни одного человѣка и не проливъ ни одной капли крови. Здѣсь его ожидало несчастіе, коего невозможно было предвидѣть. 13 го Іюля при шлюпки подъ командою Г. Ескюра отправилсь измѣрять заливъ Французскій. Въ слѣдствіе инструкціи, ему не должно было приближаться къ проливу во время волненія; но шлюбка его подверглась сей опасности, тогда, какъ онъ вовсе еще не ожидалъ

оной. Гг. де Лабордъ, брашня, находившіеся на другихъ судахъ, не замедлили лѣтъ на помощь своимъ сопольщикамъ: — всѣ подверглись одинакой участи, всѣ пошонули, не взирая на великія и мужественныя усилія Г. Бушена, который командовалъ шрепшею шлюбкою, Тронушые, но не терявшіе преимуществія духа, Лаперузъ и его слушники оставили сію страну, для нихъ споль печальную, воздвигнувъ своимъ несчастнымъ друзьямъ надгробный памятникъ, на которомъ Г. Ломанонъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: *При входѣ въ гавани погибъ 21 храбрый мореходецъ. Кто бы вы ни были, смѣшайте слезы свои съ нашими.* Продолжая осматривать Американскій берегъ, Лаперузъ прибылъ въ Моншерей, находящійся въ Калифорніи, гдѣ запасся съслыми припасами, въ коихъ имѣлъ великую нужду. Изъ Моншерей отправился въ Макао, куда и прибылъ въ Январѣ 1787, потомъ былъ въ Маниль и Формозѣ и, приближаясь къ Японскому морю, обозрѣлъ Китайскіе и Корейскіе берега. Плыва къ Северу, онъ обозрѣлъ берегъ Ташаріи и островъ Сахалинъ (Оку-Ессо), самой длинный изъ всѣхъ острововъ въ Северо-Южномъ направленіи, открылъ и переплылъ проливъ, отдѣляющій Ессо (островъ Шика) отъ Оку-Ессо, и такимъ образомъ разсѣлъ туманъ, дотоль покрывавшій сію часть земнаго шара. Приплывши къ мысу Крыльону, онъ направилъ путь свой къ острову Штатовъ, прошелъ мимо пролива Уріесскаго, и спалъ на якорѣ въ заливѣ Авачинскомъ въ Камчаткѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 года. Лаперузъ получилъ отъ Г. Каюва, Губернатора Охотскаго, дозволеніе послать во Францію Журналь своего путешествія, чрезъ Г. Лессепа. Сему

послѣднему обязаны мы сохраненіемъ одной изъ любопытнѣйшихъ частей донесенія, коей матеріалы послужили Г ну Милетъ-Мюро къ изданію Лаперузова несчастнаго путешествія. Оно было напечатано на издѣвкѣ Провидѣнія, и доходы отъ изданія полученные были отданы вдовѣ Лаперуза. Направляя свое плаваніе къ южному полушарію, онъ перешелъ линію въ третій разъ и по своемъ отбытіи изъ Бреста и присталъ къ гавани въ Маунъ, одномъ изъ острововъ Мореплавателей, гдѣ нѣкоторые спутники его были безчеловѣчно умерщвлены островитянами, 10 го Декабря 1787 года. Лаперузъ спѣшилъ оставить сей островъ и отправился въ Ботанибей; онъ сталъ тамъ на якорь 26 Января 1788 года, посѣтивъ острова Товарищества. По довольно странному случаю, Франдузы прибыли въ Ботанибей почти въ тоже самое время, какъ и Англійскій флотъ Командора Филиппа, заводившаго колонію въ Джаксовскомъ портѣ намѣреніи. Вошь обзорнѣе мореплаванія несчастнаго Лаперуза. Въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ изъ Ботанибея 7 го Февраля 1788 года, онъ сообщалъ о своемъ достигнущи острововъ Товарищества, — изслѣдовать, сосиавляетъ ли Бугенвилева Луизіада часть Новой Гвинеи, — провидни между сею послѣднею и Новою Голландією, — посѣтивши западный берегъ сей страны и прибывши къ Иль-де Франсу въ Декабрь 1788 года. Время, прошедшее отъ сей эпохи, не позволяетъ имѣть ни малѣйшей надежды на возвращеніе сего знаменитаго несчастливца. Поелику оба фрегата плавали всегда въ близкомъ отъ другаго разстояніи: то вѣроятно, что они погибли вмѣстѣ. Въ 1791 году по опредѣленію Національнаго Собранія велѣно было послать два корабля для отысканія Лаперуза. Господа д'Антрекасто, де

Кермадекъ, и гораздо позднѣе, Г. де Пешит-Туаръ были назначены для сей экспедиціи, которая была бесполезна. Двое первыхъ много пошерили трудностей въ своемъ плаваніи.

Лаперузъ заслуживаетъ особенное вниманіе не по одѣмъ только воинскимъ качествамъ; его личные достоинства доставили ему уваженіе отъ всѣхъ особъ, которыхъ онъ зналъ. Печальная участь подала поводъ къ одному изъ лучшихъ мѣстъ въ поэзіи: Мореплаваніе Эменарда, и доставила Гну д'Авриньи предметъ для поэмы, исполненной благороднѣйшихъ чувствованій.

(Новые слухи о Лаперузѣ сообщены будутъ въ слѣдующемъ номерѣ.)

Смерть слазнаго Корсиканскаго разбойника. Причины разбоевъ на островѣ Корсикѣ. — Извлеченіе изъ письма изъ Бастіи 15 Февраля 1827, къ редактору журнала le Globe.

„Славный разбойникъ Тіодоро Поли, ужасъ Корсики, семь лѣтъ скрывался отъ самыхъ тщательныхъ поисковъ и пользовался въ округѣ Аяціо какимъ-то господствомъ, основаннымъ частію на страхѣ, частію на удивленіи, какое всегда внушаетъ необыкновенная смѣлость. Сего Тіодора нынѣ уже болѣе: послѣ двѣнадцатидневнаго преслѣдованія онъ палъ наконецъ въ сраженіи преслѣдователями съ своими. Такъ кончиль онъ

удалую жизнь свою, которая для пастуховъ здѣшнихъ горъ послужитъ, вѣроятно, предметомъ народныхъ пѣсень. Онъ не свесъ головы своей на плаху, но умеръ смертью храбрыхъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на полѣ сраженія, слѣд. имѣлъ все то, что составляетъ здѣсь героя въ понятии горнаго жителя. Нѣтъ сомнѣнія, что во времена болѣе ошдаденныя чѣмъ столь прозаическія, имя его перешло бы къ попомству вмѣстѣ съ именами столькихъ отважныхъ владѣльцевъ, которые грабили прохожихъ и покровительствовали угнаннымъ, не превосходя его ни въ храбрости, ни въ презрѣніи къ законамъ. Преслѣдуемый одиннадцать дней, мучимый лихорадкою, скидаясь изъ мѣста въ мѣсто, проводи ночи на чистомъ воздухѣ или въ шалашѣ пастуха, никогда не измѣнявшаго принятому страннику, онъ хотѣлъ еще поддержать характеръ покровителя слабыхъ, характеръ, который всегда окружаетъ сихъ перекрестныхъ героевъ какимъ-то романтическимъ величіемъ. (*).

Не хочу наполнять страницъ вашего журнала исторіей разбойниковъ, хотя здѣшніе оригинальнѣе харак-

---

(*) Наканунъ своей смерти онъ написалъ слѣдующее письмо къ господамъ Barba in terra въ **** (вѣроятно, такимъ же разбойникамъ). „Приказываю вамъ до истеченія пятидневнаго срока возвратити въ цѣлости платье дочери ***. Вы должны отдать его, если вы честные люди: безъ мяса не нужны перья. Если не исполните приказанія по прошествіи сихъ пяти дней, да лишитесь оба свѣта небеснаго! И не думайте, чтобы кто-нибудь помышлялъ мнѣ отдать у васъ все это платье до послѣдней нитки и отдать хозяйкѣ. Надѣюсь, что вы уважите мои приказанія. Вы подвергаете опасности жизнь свою, если обнаружите письмо мое. Простите. Въ полной увѣренности, вашъ начальникъ и братъ *Теодоръ Полк*.“

иери превосходить, быть может, всех прочих, да исключая даже классической земли въ семь родъ — Ишалія и Абрुццы. Но, можетъ быть любопытно будешь бросишь взглядъ на причины порядка вещей, столь противнаго законамъ и, вопреки симъ послѣднимъ, такъ давно существующаго. Загадка объясняется во первыхъ самымъ характеромъ Корсиканскаго горнаго жителя. Представьте себѣ чловѣка съ пламеннымъ воображеніемъ, храброю пещславную, которая оживляется дѣйствіемъ производимымъ ею на другихъ, лѣность почти систематическую, кою можно было бы почесть за нравственное усыпленіе, если бы при разсказѣ о чьлвкѣ подвигъ, при одномъ имени непріятеля, при малѣйшей надеждѣ на добычу или корысть не закигала въ глазахъ его лучъ ума и дѣлательности: такъ создалъ Корсиканецъ природою, такъ образованъ своею землею плодородною, которая почти безъ труда удовлетворяетъ всемъ нуждамъ безопасныхъ обитателей. Воздержный ошъ природы и лѣности здѣшній горный житель не столько бѣдился работою, сколько пренебрегаетъ ею: онъ доволенъ количествомъ ячменя и каштановъ нужнымъ для его продовольствія; ему чуждо кованіе оръжій, торговля, запасахъ. Въ годы плодородные онъ наслаждается дарамъ ихъ съ безпечной расточительностію; въ годы неурожая онъ терпѣть не жалуясь; непредвѣдливый голодъ не приводитъ его въ отчаяніе; шѣмъ съ большими жаромъ обращается онъ къ той первоначальной жизни, жизни охотника столь любезной всемъ народамъ еще дикимъ своей беззаботной дѣлательностію и трудной независимостію. Слѣды, лѣнливый, безпечный создала Корсиканца природа: посмотримъ, каковыя его сдѣлали люди.

Долго угнетаемый, никогда непокоренный народами и законами, равно ему независимыми, горный Корсиканецъ подъ игомъ Генуэзцевъ, заимствовала только самыя дурныя черты ихъ образованности: хищность и скрытность, сіи пороки городовъ, мало по малу пробрались и на сіи неприступныя горы, гдѣ, кажется, надлежало бы искать только грубой добродѣтели, храбрости и откровенности. Генуэзцы прибѣгнули къ хищности знаковой печати въмѣстъ завоевателей; они поняли, что для угнетенія народа всего полезнѣе употребить ту часть сего народа, которая согласна служить къ тому средствомъ. Путь гражданскихъ должностей былъ открытъ Корсиканцамъ, — особенно суды всегда наполнялись природными жителями, преданными правиламъ Генуэзцевъ и правосудіе сдѣлалось законнымъ орудіемъ тирановъ. По сей формѣ въ мой часъ народа, которая болѣе другихъ прошивалась Генуэзскому владычеству, возникла какая-нио сильная упорная независимость къ законамъ и судамъ, гдѣ въ судьяхъ она находила непріятелей. Франція, наследовавъ Генуэзцамъ, приняла, особенно съ нѣкотораго времени, систему совершенно противоположную. Она сдѣлала Корсику особеннымъ департаментомъ, она хочетъ слить ее съ собою тихимъ постепеннымъ дѣйствіемъ образованности и просвѣщенія, и однакожь въ судопроизводствѣ слѣдуетъ, сама того не замѣчая, той системѣ, которая причиняла столько золь въ правленіи Генуэзцевъ. Цѣлью намѣренія очернять почтеннаго сословія судей природныхъ: но никакія усилія не истребятъ въ умъ Корсиканца его старинныхъ предубѣжденій прошивъ законы и ихъ исполнителей, вида судью родственника, друга враждебной себѣ фамиліи, онъ не будетъ ждаться право-

судя, не повѣришь правдивости и самоотверженію, даже и пошуму, что самъ чувствуетъ себя неспособнымъ жить сіи добродѣтели, запрещаешь себя оныя. Часто случается, что обвиненные являюща къ суду и тамъ подвергающъ себя такимъ наказаніямъ, самой смерти, слушающъ единственно своего предубѣжденія противъ судей — Корсиканцевъ. Французы могли бы лучше успокоить ихъ слѣпую недоувѣрчивость.

Такимъ образомъ горный Корсиканецъ, чтобы избавиться наказанія, иногда менѣ ужаснаго, нежели будущая жизнь его, навсегда оставляетъ общество, обвиняя законы его для собственнаго оправданія и наконецъ, воля прошивъ ихъ, для собственной защиты. Часто сіи разбойники (или правильнѣе изгнанники, *bandito*, а не *bandito*) бывающъ изъ людей, которымъ порода и воспитаніе назначали въ обществѣ мѣсто почетное, — еще чаще изъ простыхъ жителей горъ, которыхъ пагубная привычка ходить вооруженными (слѣдствіе войны Генуезской) довела до какого-нибудь неумышленнаго дѣйствія гнѣва или мщенія, до преступленія, которое самими законами было бы не такъ строга наказано. Съ одной стороны горъ сосѣдство Италіи, земли образованной, частію искоренило сію пагубную привычку: преступленія тамъ рѣже, крестьянинъ менѣ дикъ, болѣе дружелюбенъ. Но съ другой стороны, безпрестанно имѣя предъ глазами обнаженныя свои горы или однообразіе моря, жители невольво, кажется, принимаютъ характеръ и привычки болѣе жестокія. Сію-то сторону славнѣйшіе разбойники и самъ Тіодоро избирали театромъ своихъ подвиговъ; тамъ же, и на возвышенностяхъ внутренней части острова, лице разбойника внушаетъ какое-то романтическое удивленіе, ко-

порое не приобретається однимъ страхомъ. Сім саме разбойники, желя поддержать шакоє удивленіє, столь часто спасавашее имъ жизнь, стараюцца подобно Теодору покупать его услугами правосудію, противъ кошо-раго вооружається рука, грабящая сборщика податей или налагающаѣ пеню на какого-нибудь старшину; та же рука защищаєть иногда вдову и сироту и приносить дань въ церковь. За по въ хижинѣ бѣднаго они всегда почти находятъ вѣрное убѣжище, укрываєсь такимъ образомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ отъ поисковъ правосудія. Одинъ изъ нихъ, Голуккію, находится, говорятъ, нынѣ въ Греціи, гдѣ обрацаєсь свою жрабросць на дѣла достойнѣйшія.

Надобно отдаць справедливосць Корсиканскимъ разбойникамъ: путешественникъ и иностранецъ совершенно безопасенъ отъ ихъ нападений; Французъ, особенно чиновникъ, можеть пробхать весь островъ и встрѣчать ихъ безъ страха; онъ найдеть въ нихъ услужливыхъ душеводителей, часто даже веселыхъ спутниковъ. Они не скроють отъ него своего положенія, будутъ жаловаться на общество, выберуть его судьєю между собой и людьми, и доказательствна разбойниковъ бывають иногда такъ сильны, что судья приходишь въ недоумѣніє. . . . .

Математической Инструментъ.

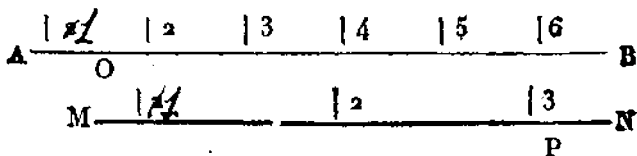
Однѣ путешественникъ недавно привезъ въ Одес-
ту изъ Парижа Математическую линейку (*regle à calcul*),
посредствомъ которой можно разрѣшать самыя слож-
выя задачи Арифметики, Геометріи и Тригонометріи.
Она доставляетъ способъ множить, дѣлать, извлекать
корни *всѣхъ степеней*, находить 4-ый членъ въ Ге-
ометрической пропорціи, опредѣлять поверхности и
толщины *и тѣхъ и разрѣшать треугольники*. Сіе полез-
ное орудіе давно употребляемое во Франціи и Англіи,
у насъ здѣсь еще не извѣстно, и потому мы думаемъ,
что доставимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, если
скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ онаго.

Обыкновенная или карманная Математическая ли-
нейка имѣетъ 26 дюймовъ длины (9 дюйм. и $7\frac{1}{2}$
лин.). Въ срединѣ оной сдѣлана выемка, въ которую
вкладывается подвижная досочка (*coulisse*). Сіа по-
слѣдняя раздѣляетъ линейку на двѣ части: на верхнюю
и нижнюю. Верхняя часть раздѣлена сначала по-поламъ;
потомъ каждая половина раздроблена на 10 неравныхъ
частей, означенныхъ числами 1, 2, 3, 4, и т. д.,
которыя можно принимать за единицы, десятки, сот-
ни и проч. Каждый изъ промежутковъ между числами
раздѣленъ на 10 новыхъ частей; на сихъ послѣднихъ
означены еще мельчайшія подраздѣленія, о коихъ безъ
чертежа трудно имѣть понятіе. Нижняя сторона ли-
нейки раздѣлена на десять частей, которыя вдвое
крупнѣе соответственныхъ частей верхней стороны
линейки. Подвижная досочка раздѣлена такимъ же об-
разомъ какъ верхняя часть линейки. Разстоянія край-
ней черты верхней части линейки (гдѣ стоитъ 1) ось

раздѣленій соответствующихъ числамъ 2, 3, 4... то, находясь въ отношеніи логарифмовъ сихъ чиселъ, такъ, что если простирано между 1 и 10 представить раздѣленнымъ на 100,000 частей, то между 1 и 9 будетъ находиться 95,424 сихъ частей, между 1 и 8 — 90,309, (логарифм. 9 = 0, 95424 логарифм. 8 = 0, 309). Сие же отношеніе доставляетъ способъ посредствомъ Математической линейки разрѣшать задачи.

Чтобы умножить одно число на другое, должно только, взявъ множимое на верхней части линейки, подвесши подъ оное 1 подвижной досочки, и на сей последней приискать множимое: надъ нимъ будешь стоять произведеніе. Причина сему очевидна: Подводя 1 подвижной досочки подъ множимое и приискивая на ней множимое, мы складываемъ логарифмы сихъ чиселъ, и такимъ образомъ получаемъ логарифмъ ихъ произведенія. Напримеръ пусть предложено будешь умножить 2 на 3. Проведемъ двѣ линіи.

Черезъ AB представимъ верхнюю часть линейки, черезъ MN подвижную досочку. Подвожу 1 сей последней подъ 2; приискиваю внизу 3; надъ симъ числомъ стоить произведеніе 6: ибо длина AO = log. 2, длина MP = log. 3, след. AO + MP = log. 2 + log. 3. Чтобы раздѣлить одно число на другое, должно, отыскавъ дѣлимое на верхней части линейки, подвесши подъ оное дѣлитель, взявшаго на подвижной досочкѣ: надъ сей последней будешь соответствовать частное. Умноженіемъ

дѣленіе дробей производится подобнымъ образомъ. Квадратные корни извлекаются посредствомъ нижней части линейки: здѣсь разстояніе каждаго числа отъ крайней черты есть логарифмъ квадрата сего числа.

На оборотѣ подвижной досочки проведены 3 линіи, изъ коихъ нижняя содержитъ логарифмы чиселъ, средняя логарифмы тангенсовъ, а верхняя логарифмы синусовъ; соотвѣствующія симъ логарифмамъ числа, тангенсы и синусы находятся на нижней части линейки. Изъ сего повашно, какимъ образомъ посредствомъ описываемаго нами орудія можно возводить числа во вся степеня и разрѣшать треугольники какъ прямоугольные, такъ и косоугольные. Поверхности и шолцивы тѣлъ опредѣляются посредствомъ Математической линейки чрезъ умноженіе частей, оныя составляющихъ.

Математическая линейка изобрѣтена въ Англіи. Членъ Парижской Королевской Академіи, Жомаръ первый представилъ оную Французскому Обществу Поощренія (Société d'encouragement), и подъ его надзоромъ Инженеръ Lepoit занимается теперь дѣланіемъ сихъ орудій. Польза Математической линейки споль признана въ Англіи, что тамъ употребленіе оной дѣши узнають въ школахъ въ одно время съ чтеніемъ.

П. М.

(Изъ О. В.).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Татарскій станъ

Первая часть Трилогіи (*).

Театръ представляетъ берегъ, на которомъ разкинуты Татарскіе наметы; при поднятіи занавѣса видна картина военнаго ошдыка.‡

ЯВЛЕНІЕ Iе.

Юсуфъ сидитъ на коврѣ и куритъ трубку. Махметъ сидитъ на разложенномъ платьѣ; передъ нимъ сѣдло, на которомъ бумага; онъ зарубливаетъ на биркѣ. Узбекъ на баулѣ поправляетъ пистолеты. Янъ, сидя на камнѣ, играетъ на гитарѣ, и прочіе Татары сидятъ разными уступками.

Янъ поетъ.

Юзефа любишь Яна,
Юзефу любишь Янъ,
И, съ дозволенья Пана,
Имъ листъ вѣнчальный данъ.

(*) Вторая часть — Польской замокъ, также въ одномъ дѣйствіи. Третья — Керимъ Гирей, въ трехъ дѣйствіяхъ.

Бѣжишь женихъ къ невѣстѣ :
 Моя ты наконецъ ,
 Ты мой — и въ замокъ вмѣстѣ
 Пустились подъ вѣнецъ.

*

Они не шли, бѣжали.
 Ужь въ замкѣ слышенъ звонъ, —
 Вдругъ Крымцы наскочили —
 И свадьбу всю въ полонь.
 Какъ Бога, итъ молчали
 Невѣста и женихъ ;
 Добры Ташара были
 И опустшили ихъ.

МАХМЕТЪ.

Какъ опустшили? вздоръ :
 Ташара Крымскіе, благодаря Пророка,
 Словамъ его до эшихъ поръ
 Не измѣняли.

УЗБЕКЪ.

Такъ, и въ шомъ упрека
 Еще никто нигдѣ
 Не дѣлалъ Золотой Ордѣ,
 Чтось въ Польшѣ мучилъ изъ пустова
 Нашъ Ханъ, Керимъ Гирей ;
 Своихъ Ташаръ и ихъ ковей —
 И пьсна лжешь.

МАХМЕТЪ.

Когда, хоть одного живаго
 Я опущу изъ нихъ, то пусть моя душа
 Въ раю Пророковомъ себѣ не сыщеть мѣста
 И ѣ не будь Гаджи. . . .

ЮСУФЪ.

А хорошаль невѣста?

Я н ъ.

Какъ дочь Княжая хороша:

ЮСУФЪ.

Такъ пѣсна вздоръ, ибыть не Крымцомъ, а [Казанцомъ

Мнѣ лучше въ десять разъ,

И легче не видать Грузинокъ черныхъ глазъ

И Кашемиринокъ румянцомъ

Не радовать души, чѣмъ выпустимъ изъ рукъ

Пригожую Полячку.

УЗБЕКЪ.

Пусть желзный мой сундукъ

Украдешь Армяинъ; когда пушу я даромъ

Полячку, Полака, иль Турка самаго.

Я н ъ.

Такъ жалосши въ вась. . .

МАХМЕТЪ.

Нѣшь.

УЗБЕКЪ.

Съ такимъ товаромъ

Еще плаксивый твоего

Ошь голода завопишь на базарѣ;

Брось жалосшь въ сторону и пой.

Я н ъ.

Я пѣль,

Когда хотѣлъ,

А ужь шеперь конецъ и пѣснямъ и гитарѣ:

(Бросаетъ о камень гитару)

УЗБЕКЪ.

Какъ сѣдешь ты мос ломашъ?

Я НЪ.

Она моя.

УЗБЕКЪ.

Была швоа,

Да только прежде,

Чѣмъ я тебя схватилъ : шелерь и съ ней ты мой;

Возми , поправь и пой.

Я НЪ.

Мурзу я шѣшилъ въ той надеждѣ,

Что васъ разжалоблю , и пѣль мою печаль ;

Ташара ! вы меня съ невѣстой разлучили ,

Мы три года другъ друга такъ любили ,

Что всѣмъ насъ бѣдныхъ стало жаль.

Я снѣ Сокольника Княжева ,

Ея-жь отецъ изъ Шляхшичей ; но самъ

Кониюшій Княжескій замолвилъ слово ,

И Князь мнѣ выпускъ далъ.

УЗБЕКЪ.

Не въ Князь дѣло намъ ,

А въ пѣснь . . .

Я НЪ.

Нѣтъ , меня ни чѣмъ не приневолишь.

УЗБЕКЪ (*схватывая кинжалъ*).

Вотъ припеваю чѣмъ.

Я НЪ.

Нѣтъ , ты меня избавишь только пѣль

Ошь васъ заодверъ . . . (*Узбекъ бросается на него*).

МАХМЕТЪ.

Стой! Когда его заколешь,
Онъ даромъ пропадешь; а я тебѣ плачу
За пса невѣрнаго Черкасскихъ шрехъ барановъ.

УЗБЕКЪ.

И придати верблюдовъ не хоту.
Оглу, любимый свнухъ Хановъ,
Мнѣ заказалъ схватишь шакого пѣвуна,
Какого не найдешь и на Стамбульскомъ рынкѣ,
Чтобъ подслужиться тѣмъ Гиреевой Грузинкѣ;
До пѣсень страшная охотница она;
Красавицы-жъ всегда все дѣлаетъ изъ Хана,
Такъ за него меня, озолотишь Оглу.

МАХМЕТЪ.

Озолотишь! спроси-жъ Гаремскаго Муллу,
И скажешь онъ тебѣ, что спрочки изъ Корана
Все въ свѣтъ золото не стоишь. Не грѣши,
Продай его . . . . . я дамъ еще барана.
Когда-бъ ты въ Меккѣ былъ, чтобъ зналъ, что для души
И для снисканія пророческаго рая,
А не для прибыли его торгую.

УЗБЕКЪ.

Какъ?

МАХМЕТЪ.

Да такъ же: вошь на биркѣ опмѣчая
Невѣрныхъ всѣхъ, которыхъ свергнуть въ мракъ
Поможетъ мнѣ Пророкъ, чтобъ свой Коранъ про-
славить, —
Я счелъ теперь, что надобно прибавить
Не больше одного, и выйдетъ ровный щетъ.

УЗБЕКЪ.

Кто пльпныхъ бьешъ,
Тотъ шрусъ.

МАХМЕТЪ.

Но самъ же ты, бездушный,
Хотья его убилъ!

УЗБЕКЪ.

Вотъ ты нашель глупца,
Чтобъ даромъ я убилъ заказнаго пьвца!

МАХМЕТЪ.

Да онъ такой, ты видишь, непослушный:
Продашь, не запоешь, такъ самъ не будешь радъ
И золоту,

УЗБЕКЪ.

Ну, хочешь обь закладъ,
Что я не шолько пьшь, плясать его заставляю?

МАХМЕТЪ.

Ахъ! бирочка моя, ужъ видно, не прибавлю
Сего дня ни одной зарьзки на тебь.
Какъ бытъ! угодно такъ судьбь,
И что назначено, того мы не минуемъ.

ЮСУФЪ.

Да; другъ Гаджи, кошъ годъ еще мы провожемъ,
А вижу я, что мнъ назначено ни съ чьмъ
Вернуться въ мой Гаремъ.

УЗБЕКЪ.

Какъ, разь мало
Досталоса тебь?

ЮСУФЪ.

Да ни одной

Красавицы въ Гаремъ мой не попало;
Всѣ Хану надобны, однако жь онъ со мной
Подълился.

УЗБЕКЪ.

Когда захочешь.

ЮСУФЪ.

Захочешь, или нѣшь, мнѣ все равно —
Сайдашь Гирей узналъ, что Крымъ не даромъ ропщешь.

УЗБЕКЪ.

Да и тебѣ давно пора бы знать.

ЮСУФЪ.

А что?

УЗБЕКЪ.

На чемъ Керимъ шопоръ Сайдашовъ починилъ?

ЮСУФЪ.

На чемъ?

УЗБЕКЪ.

На буйныхъ головахъ,

И если на плечахъ

Тебѣ свою носишь не надоело,
То крѣпко въ ней держи языкъ.

ЮСУФЪ.

Узбекъ робѣй, а говоришь все смѣло
Привыкъ Юсуфъ Мурза.

УЗБЕКЪ.

Пусть такъ; да непривыкъ
Керимъ Гирей давать Мурзамъ большую волю.

И лучше подлому Жиду
 И обманушь себя дозволю,
 Чьимъ даже мысленно пойду
 Противъ желавля Хана.

МАХМЕТЪ.

Хотя бы онъ и самъ пошелъ противъ Корана?

УЗБЕКЪ.

Я не Гаджи, не грамошй,
 Корана не чшаю
 И въ Меккѣ не бывалъ; а это твердо знаю,
 Что нашъ Керимъ Гирей
 И Тахшамыша удалый;
 Что съ нимъ, для насъ, ничто подь солнцемъ нечужое.
 Дерись, и богашй —
 Чегожь еще?

МАХМЕТЪ.

Спросишь Харемскаго Мулла Хамида,
 Что скажетъ онъ?

УЗБЕКЪ.

Тебъ онъ можетъ все сказать;
 А передь нимъ и сумрачнаго вида
 Не смѣетъ показать.
 Хамидъ гордится тѣмъ межъ челядью Гаремской,
 Что отучаетъ Ханскихъ женъ
 Отъ вѣры иноземской,
 И всѣхъ сушитъ лекарствами.

МАХМЕТЪ.

Нѣтъ, онъ
 И Хана вылечилъ отъ смершнаго недуга.

ЮСУФЪ.

Да! вылечилъ, и такъ, что даже занемочь:

И нашъ Гирей недасъ досуга:

Чуть ожилъ, — на коня, и скачешъ день и ночь

По берегамъ Днѣстра и Буга,

Не думая, что намъ въ Бакчисарай пора,

Да развѣ онъ спальной? Вошь, сжалась надъ конями,

Намъ отдыхъ нынѣ даль: а самъ съ ушра,

И въ Польшѣ, какъ въ Крыму, пустился съ соколами,

Да чтобы съ горяча

Къ Днѣстровскимъ ястребамъ не залешлъ въ зацѣпы.

УЗБЕКЪ.

Не залешить: глаза его не слѣпы

На всякихъ ястребовъ . . . Что это за сына

Ведешъ Пасванъ?

ЯВЛЕНІЕ 2е.

ТѢ ЖЕ, ПАСВАНЪ И ХАИМЪ.

ПАСВАНЪ.

Вошь вамъ Жида:

ХАИМЪ.

Еврея.

ЮСУФЪ.

Откуда этого всесвѣда ты привелъ?

ПАСВАНЪ.

Съ развѣзда.

ХАИМЪ.

Нѣтъ я самъ охотой къ вамъ пришелъ.

МАХМЕТЪ.

За чѣмъ?

Х А И М Ъ.

Мнѣ дѣло есть до мочнаго Гиря.

У З Б Е К Ъ.

Какое?

Х А И М Ъ.

Важное!

Ю С У Ф Ъ.

Такъ сказывай скорѣя.

Х А И М Ъ.

Не можно.

У З Б Е К Ъ.

Почему?

Х А И М Ъ.

Еврейскій нашъ когаль,

Хоть много ошъ иныхъ понесъ изъана;

Но любишь васъ, и мнѣ подь кляшвой завѣщаль

Съ претайной тайностью дойши до Хана; —

Но чтобъ о ней и воздухъ не слыхаль,

Пока свѣтлѣйшія изъ звѣздъ небесныхъ очи,

Его Высокоханской Мочи,

На бѣднаго Еврея не прольюшь

Луны восточной свѣша:

Такъ не моя вина, меня свои-жь убьюшь,

Когда не сохраню когальскаго завѣша.

Я Н Ъ.

Ахъ! это ты, Хаимъ?

Х А И М Ъ.

Не я.

Я н ъ.

Да вотъ лице и борода шлоя,
Тако почему же ты не шь?

Х а и м ъ.

Не л, и шолько;

Я н ъ

Ншь; шь Хань, корчмарь, грабишель и богатъ.

Х а и м ъ.

Ахъ, ты злодй! да у меня на шолько
Не сыщется въ дому, чтооь гробъ купишь.

У з б е к ъ.

Не плачь;

Безъ гроба нашъ Гаджи, когда шебъ ошоа,
Тобой въ минушу кончишь щель,

Х а и м ъ.

Съ вельможнымъ Паномъ я имшь не смью щета:

Я вищй чловкъ, а пусть себъ возмешь

Все съ шьла моего, что хочешь;

Да не губишь души.

У з б е к ъ

И онъ объ ней хлопчешь.

Х а и м ъ.

Вотъ добрый чловкъ; не то что Польскй Пань!

Когда пошьпишься захочешь:

Повсь Жида, Еврей висить, а онъ хохочешь

И можноль не радшь за добрыхъ босурмань

Честнымъ Евреямъ;

Они намъ братья.

Махметъ (вскакивая и хватая кинжалъ).

Жидь!

Х А И М Ъ.

Что сдѣлалъ я?

М А Х М Е Т Ъ.

Какъ сдѣлъ

Брататься съ нами?

Х А И М Ъ.

Нынѣ, мы этого не смѣемъ,

И Богъ намъ не велѣлъ.

М А Х М Е Т Ъ.

Да какъ же ты. . . .

Х А И М Ъ.

Не я! я слышалъ отъ народа,

Что будто Измаилъ изъ нашихъ же людей,

И будто вашъ пророкъ Измаильскаго рода.

М А Х М Е Т Ъ.

Ну чтожь!

Х А И М Ъ.

Такъ онъ и самъ хотъ крошечку Еврей.

М А Х М Е Т Ъ (бѣжитъ съ кинжаломъ).

Еврей! исчезни несчастливый! . . . .

Х А И М Ъ (прячется за Яна).

Я н ѣ (удерживая Махмета).

Постой!

М А Х М Е Т Ъ.

Пусти!

Я н ѣ.

Хоть онъ и Жидъ, да у него

Жена, толпа дѣшей, и если одного

Въ швой нуженъ щеть, шакъ пусть же несчастливый,

Безъ рода, безъ жены, я понесу суда.
То дѣло доброе, что правда хоть Жида,

А все же чловѣка

Моею смерщью спасъ.

УЗВЕКЪ (*сажая Махмета*).

Онъ Хава ждешъ, садись. (*Яну*) А много ли у васъ
Такихъ охотниковъ до смерти?

Я н ъ.

Много.

И всякой, кто боится Бога,

Не побоится умереть,

Чтобъ маленькихъ дѣшей не сдѣлашь сиротами;

Но признаюсь, когдабъ я не былъ схваченъ вами,

И жилъ съ Юзефою, — тогдабъ, что могъ имѣть,

Тобъ ошдалъ все за жизнь людскую,

А за Жида своей не ошдалъ бы. Она

Мнѣ самому былабъ тогда нужна,

Чтобы любить жену.

Юсуфъ.

Еще-жь и молодую;

(*Хаилу*) Да вправду ли она на рѣдкость хороша?

Хаимъ.

Прекрасна какъ Агарь, когда была моложе.

Юсуфъ.

А гдѣ живешь она?

Хаимъ (*показывая тихонько*).

Вонъ тамъ за горкой.

Юсуфъ.

Ошъ чего же

Ее до сей поры не захватилъ Банша?

Х А И М Ъ.

Охъ! охъ!

Я Н Ъ.

Ну что?

Х А И М Ъ.

Солгать не смѣю

Передъ такимъ большимъ лицомъ.

Ю С У Ф Ъ.

Не смѣй! а говори.

Х А И М Ъ.

Какъ съ эшимъ молодцомъ

Я честь имѣлъ идти.

Я Н Ъ.

Такъ чтожь?

Х А И М Ъ.

Съ Юзефою своею

Шель также....

Я Н Ъ.

Кто и гдѣ?

Х А И М Ъ.

Да, можешь бышь, въ дали

Мнѣ показалось....

Я Н Ъ.

Что?... ну, Жидъ, не мучь смертельно,
Скажи, или....

Х А И М Ъ.

Вошь онъ грозный.

У З Б Е К Ъ.

И дѣльно.

Х а и м ъ.

А если шакъ , шо знай : ее сюда веди :

Ю с у ф ъ.

Веди , а кшо ? да говори же .

Х а и м ъ.

Наша .

Ю с у ф ъ.

А ваши хто ?

Х а и м ъ.

Да шѣже што и ваши .

М а х м е т ъ.

Опять !

Х а и м ъ.

Мы бѣдные скипальцы на земли ;

Кшо любишь насъ , тошь нашъ .

М а х м е т ъ.

Я всѣхъ васъ не навнжу .

Х а и м ъ.

А молимъ Бога мы за васъ .

Ю с у ф ъ.

Кшо просишь васъ молишь ?

Я н ъ.

Ахъ ! што я вижу ,

Ее ведишь сюда . . Господь помилуй насъ !

Я В Л Е Н І Е 3 е.

Тѣ же, Юзефа, Банша и Куртышь.

Х А И М Ъ (Юсуфу).

А! вошь она.

Я Н Ъ (бросаясь къ ней).

Юзефа!

Юзефа.

Ахъ, мой милой!

Б А Н Ш А (*хватая за руку Юзефу*).
Постой, куда?

К У Р Т Ы Ш Ъ (*отталкивая Яна*).

Ты прочь!

Юзефа.

Онъ мой женихъ.

Б А Н Ш А.

И только?

Юзефа.

Да!

Я н ъ.

Не плачь, не бойся ихъ;

Насъ жить они не приневолятъ силой.

Юсуфъ.

Банша! ты самъ ее съарканцль.

Б А Н Ш А.

Я

И братъ Куртышь; но онъ мнѣ уступилъ.

ЮСУФЪ.

Такъ стало

Она моя.

БАНИША.

Твоя?

ЮСУФЪ.

Моя! и развѣ гдѣ бывало,

Чтобы съ Мурзой своимъ сяшались смѣль Уздень?

Какъ хороша она!

БАНИША.

Прекрасна!

ЮСУФЪ.

Такъ надѣнь

На красоту ея скорѣ покрывало,

Пока еще соколъ не налетѣлъ.

БАНИША.

Жена моя стара, такъ я хотѣлъ

Достать себѣ Полячку молодую.

ЮСУФЪ.

Изъ прежней добычи я дамъ тебѣ люблюю.

БАНИША.

Я прежнихъ не прошу.

ЮСУФЪ.

Молчи, ты слишкомъ смѣль.

УЗБЕКЪ.

Вотъ ѣдетъ Ханъ!

Но . . .

П

Юсуфъ.

За чѣмъ такъ скоро скачешь?
 Подальше спрячь; да нѣшь, опъ эшаго огня
 Ничто хорошенькихъ не спрячешь.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже, Гирей и охотники.

Гирей.

(За кулисами.)

Накройше добраго коня
 Тремя Персидскими шалями,
 Заремой вышшою чехоль
 На сокола. *(Входитъ)* Мой конь и мой соколъ,
 Доволенъ я сего дня вами.
 Потѣшили меня; и еслибъ не гонецъ,
 То бы еще я веселился въ полѣ.
 Какъ бышь! не все къ несчастью въ Хавской волѣ;
 Потѣхи нашей здѣсь конецъ;
 Я получилъ сей часъ изъ Крыма
 Не слишкомъ радостную вѣсть.
 Мурза! чтобъ поддержать Гиресевъ честь,
 Въ Багчисарай зовушь Керима;
 Прошла набѣговъ славныхъ дни,
 Не давъ собирать, а къ оборонѣ
 Поскачешь Крымскій Ханъ; на синемъ Донѣ
 Заржали быстрые кони,
 Бѣлюшь парусы у Русскаго Азова,
 Жельзо на Днѣстрѣ звенишь,

Султану не дружишь. У ней просишь покрова
Царица Русская Златой Ордѣ велишь,
И ждуть ея послы Гиреева ошвьѣта,
Чтожь ошвьѣчашь?

УЗБѢКЪ.

(*Вынимая саблю*) Ошвьѣшъ у насъ въ рукахъ.
Вошь онъ. (*Всѣ вынимаютъ сабли.*)

МАХМЕТЪ.

Въ законъ Магомеша
Такъ сказано: съ шобой не будешь въ зѣкъ того,
Чему не бышь; чегожь и намъ боаясья?

ГИРЕЙ.

А развѣ я боюсь кого?
За Крымъ и за Султана драхься
Съ кѣмъ ни былобъ, готовъ и радъ! . . . .
Ты въ Крымъ глядишь, Юсуфъ; такъ ѣдемъ мы назадъ;
Но шы не опдохнешь въ своемъ Гаремъ.
Какъ бышь! Мурза, не унывай,
И самъ швой Ханъ, къ своей Заремъ
Вернешся, чтобъ сказать прощай! . . .

Опашъ шужашъ моя Грузинка станешъ.
Ни кѣмъ еще я не былъ такъ любимъ,
По мяъ съ шоски она какъ роза вянешъ.
Снимай шапры, сѣдай коней — и въ Крымъ.

МАХМЕТЪ.

Что въ неможеніи Сераальской цвѣтъ шомишся,
Мнѣ пишешъ самъ Мулла Хаидъ,
Но солнце явшся и роза оживишся.

ГИРЕЙ.

(*Увидя Хаима*)

Узбекъ! за чѣмъ здѣсь ашошь Жидъ?

УЗБЕКЪ.

Пресвѣтлѣйшій Ханъ! я только знаю,
 Что ояъ желалъ съ любовью говорить?

ГИРЕЙ.

А я его и видѣть не желаю (*Узбекъ хватается Жиды*)
 Постой! . . . . о Русскихъ намъ оны можешь объявить,
 Они все знаютъ! . . . . Жиды! зачѣмъ пришелъ?

ХАИМЪ.

Есть дѣло.

Высокомочвѣйшій, наивсвѣтлѣйшій Ханъ,
 Прешайное . . . .

ГИРЕЙ.

При нихъ мнѣ говори все смѣло.

ХАИМЪ.

Я не боюсь честнѣйшихъ Агарянь.

ГИРЕЙ.

Когожь боишься ты?

ХАИМЪ.

Вошь тѣхъ злодѣевъ,

Вошь тѣхъ Фалистимлянъ,

Которые честныхъ Евреевъ

Шашаютъ хуже мерзкихъ псовъ.

ГИРЕЙ.

Чтожь въ шомъ?

ХАИМЪ.

Да ежели, избави Боже!

По Ханской милости уйдешь одинъ злодѣй!

То въ пешую голову клади, честной Еврей.

Гирей.

Не бойся, говори.

Хаймъ.

Онь нашего когала .

Я присланъ . . . .

Гирей.

Съ чьмъ ?

Хаймъ.

За вашу правду, Богъ

На злыхъ людей коша и много вамъ помочь ;

Но вамъ за тяжкій шрудъ, а имъ за насъ то мало,

Что несчастивый Вавилонъ

Наказанъ легенькимъ поборомъ.

Гирей.

Чтожь надобно еще и намъ и имъ ?

Хаймъ.

За эшимъ боромъ,

Есть замокъ — сунцій Ерихонъ,

Онь золотомъ богатый, чьмъ Варшава.

Янъ.

Ахъ, Жидь!

Гирей.

А замокъ этотъ чей ?

Хаймъ.

Назнашиыйшаго изъ всьхъ земныхъ Кназей,

Магната Вьндеслава.

Янъ.

Что сдѣлааь онъ, злодѣй !

Х А И М Ъ,

Мнѣ? ничего.

Г И Р Е Й.

(*Узбеку, который хочет удержатъ Яна*).

Оставь!

Я н ъ.

Кому же

Нашъ Князь вредилъ?

Х А И М Ъ.

Быть можешь, никому.

Я н ъ.

За что же зла желаешь ты ему?

Изъ всѣхъ онъ лучше.

Х А И М Ъ.

Пусть его другіе хуже —

А намъ что прибыли . . . . да мнѣ съ тобой

Не можно говоришь при эдакой особѣ.

Г И Р Е Й.

Я знать хочу, за что въ такой вы злобъ

На Князя эдаго?

Х А И М Ъ.

Охъ! мало ли за что.

Ужъ мы не говоримъ про то,

Что въ молодости онъ, лихое зелье,

И на войнѣ и воротясь съ войнѣ,

Чьей ни былобъ невѣсты и жены

Не выпускалъ изъ рукъ, и въ подземелье,

Кто только передъ нимъ разинешь ротъ,

Тотчасъ запрячешь.

Бывало бѣдная Княгиня горько плачешь,

А онь ея здоровье пьешь,

А за Венгерское мы плашимъ ;

Новремя-то куда нейдешь.

Грѣхъ жаловашся намъ ; да нынче мы,

Какъ онь остепенился, хлѣбъ насущный спрашимъ.

Г И Р Е Й

А чѣмъ ?

Х А И М Ъ.

Въ его земляхъ Еврей незаводи корчмы,
Аренды не держи, не смѣй имѣть продажи.

Я Н Ъ.

Онь вашей кражи

Онь бережешь своихъ крестьянъ,

А въ помощи и вамъ, какъ людямъ, не откажешь.

Х А И М Ъ

Насъ Богъ казнилъ трудомъ, а онь намъ руки вяжешь,

Такъ помощь эша грѣхъ ему, а намъ изьянъ ;

Конюшійже его, Аманъ губитель,

Еврея бѣднаго не встрѣшишь никогда,

Чшобы не закричалъ : изчезни, Жидъ грабитель !

А самъ, какъ всѣ они, ограбиль радъ Жида.

Я Н Ъ.

Не правда, Павъ Артуръ не грабилъ и не грабиль,

Хоть лихо съ молodu рубился на войнъ,

Да правда поводовъ и нынче неослабилъ

И бодро ѣдешь на конѣ.

А добръ для каждаго, хоть замкомъ правиль сирого.

Г И Р Е Й

А замокъ крѣпокъ ли ?

Я н ъ.

Прекрълокъ , и дорога

Къ нему изрыта вся.

Х а и м ъ.

Гладка какъ Панскій садъ.

Я н ъ.

Услыша , что на Днѣстрѣ Ташара налетѣли ,
Самъ Князь въ лѣсу надѣлалъ шму засады.

Х а и м ъ.

А нѣтъ же , два года не сходитъ онъ съ постели.

Я н ъ.

Да , Жидъ , онъ хворъ и старъ ;

Какаяжъ честь для удалыхъ Ташаръ

Убить ужъ при смерти отца больного ?

Г и р е й .

А много у него дѣшей ?

Я н ъ.

Одна Княжна , ошрада шарикова ,

И радость всѣхъ подвластныхъ ей.

Г и р е й .

А молодая-ль она ?

Х а и м ъ.

Цвѣшетъ какъ розанъ майской.

Г и р е й .

И хороша ?

Х а и м ъ.

Какъ свѣтъ , какъ чистый снѣгъ бѣла ,

Глаза огонь , а голосъ пшцы райской .

Гирей.

Да естли мужь у ней?

Хаймъ.

Ни за кого нешла,

Хоть выбрашь и поглабь любова;

И кто ни свашался, по всѣмъ одинъ ошвѣшь,
Нейду. . . . ?

Гирей.

Да ошъ чегожь?

Янъ.

Давно уже готова

Душа ошца ея оставить эшотъ свѣць,

И въ шѣль держишся одной ея мольбою

И попеченіемъ о немъ, —

А сдѣлавшись женою

И матерью, она хоть спанемъ жить съ ошцомъ;

Но сердце въ ней дѣлится

На многія старанія должно;

Теперь же у нее одно —

Пецися объ ошцѣ и за него молишся.

Хаймъ.

Пусть молятся они, да ихъ молишва дымъ.

Гирей.

Однакожь имъ

Она полезнѣй вашей,

Они въ своей земль, а ваша гдѣ?

Хаймъ.

Мы бѣдные разсѣяны вездѣ

И плачемъ объ ошцѣвъ нашей.

Гирей.

И плачше! . . . Такъ она прекрасна!

Хаймъ.

Нашъ Раббимъ

Вездъ бываль, а по его разсказамъ
Она прекраснѣй всѣхъ, — а камнамъ дорогимъ,

И перламъ и алмазамъ

У ней и щема нѣшь.

Да какъ и бышь; ужъ съ давнихъ лѣтъ

Ея ошедь и дѣль, а можешъ пращуръ дѣдовъ,

Чшо взвидишь жадной глазъ,

Еврей давай его, хоть будь сосѣда,

Да и съ сосѣдямъ не разъ

Не лучше нашего бывало.

Гирей.

Она красавица! А у ея ошца

Есть войско?

Хаймъ.

Есть на шо, чшобъ бѣдныхъ насъ гоняли.

Янъ.

Ты лжешъ — на каждаго Княжева молодца

Трехъ Запорожцевъ мало.

Гирей.

А многоль надобно Ташарь?

Янъ.

Не знаю?

Гирей.

Такъ узнѣемъ.

Мнѣ жалъ того, чшо самъ онъ смарь,

А молодцовъ его мы слышаемъ;

Что въ Польшь лучшаго ни есть —
 И даль Зарешь слово
 Въ нарядъ на Рамазанъ привестъ.
 Чего же ждашъ? . . . на замокъ.

УЗБЕКЪ.

Все готово

Къ походу будешъ въ мигъ.

Я н ъ.

Ахъ! смилуйся.

Гирей.

Молчи!

Ты, Жидъ, дорогу намъ покажешъ.

Хаймъ.

Преславно покажу, а и въ ночи

Съ шропинки не собьюся, а ежели прикажешъ,

Такъ проведу, что имъ и спряташья не дамъ;

Онъ дочерей чужихъ хващаль, такъ пусть же
 самъ

Узнаешъ. . . . .

Гирей *Пасвану*.

Хорошо! А ты Жидъ привяжешъ

Къ сѣдлу, чшобъ онъ и намъ не измѣнилъ.

Хаймъ.

Меня везать! За что? да я же вамъ служилъ

И радъ за васъ въ огонь и въ воду (*Пасванъ его уводитъ*).

Гирей. (*въ слѣдъ Жиду*):

И будешъ тамъ. Узбекъ! а эштошь везать тобою?

УЗБЕКЪ.

Да! мною, и поешъ какъ соловей.

ГИРЕЙ (бросая кошелекъ).

Овъ мой,

И я даю ему свободу,

Сбирай шапры,

А я въ Стамбуль и Крымъ гонцовъ отправлю,

Заремъ возвѣщу дары

И Хаиа ждаль васъ долго не заставаю. *Уходитъ.*

Я В Л Е Н И Е 5.

Тѣже, кромѣ Гирей и Узбека.

ЮСУФЪ (Яну).

Чтожь ты найдешь?

Я н ѣ.

Опъ мнѣ свободу дадь;

Да въ правду ли?

Юсуфъ.

Гирей сказалъ,

Чтожь еще?

Я н ѣ.

Юзефа, мы свободны!

Юсуфъ,

Ншь, ты одинъ.

Я н ѣ.

Мы оба съ ней одно;

А безъ нее къ чему мнѣ жизнь и воля годны?

Юзефа! *Бѣжитъ къ ней.*

Юсуфъ.

Сной — нль въ мигъ Дитстрова дню

Преломишь головою.

Я н ъ (выводя Юзефу).

Теперь меня никакъ не разлучить съ тобою:

Самъ Ханъ. . . .

Юсуфъ (подходя).

Не Ханъ, я власень въ ней.

Банша (взявъ Юзефу).

Ншь я;

Я взялъ ее.

Юсуфъ.

Ты мой, такъ и она моя!

Банша.

Ужь я шерпшь усталъ, и ей не быть швоею:

Юсуфъ.

Какъ смьешь?

Банша (вырвая изъ рукъ Юзефу).

Смью. (Тихо Яну) Не отдавай.

Я н ъ (хватая пистолетъ Узбековъ).

Пускай возьмешь,

Прижмись ко мнѣ.

Юзефа.

Ахъ! шущъ и умерешь я рада,

Юсуфъ.

Возьми ее!

Махметъ.

Смьай.

Банша.

Я не боюсь заряда:

Нагдъ меня ша пуля не минешь

Которой бышь во мнѣ.

Я н ъ.

Спаси ее, Ташаринъ,
И будешь самъ спасень.

Юсуфъ.

Не будешь!

Банша.

Я хочу,
Чтобъ за добро мое хошь онъ былъ благодарень,
Чѣмъ даромъ дать.

Юсуфъ.

Я за нее плачу
Что хочешь.

Банша.

Знаемъ мы швок заплашы,
Отъ нихъ у насъ въ Крыму
Всѣ нищіе богашы.

Юсуфъ.

А если шакъ, то силой я возьму.

Банша.

Не забывай, что здѣсь мы Хана видимъ сами.

Юсуфъ.

Наглець! — вошь до чего мы дожили, Гаджи!

Махметъ.

Клянуся всѣхъ Калифовъ бородами,
Что гибнешь свѣтъ.

Банша Юзефъ.

Иди, свободна ты . . . (Юзефа хочетъ идти).

ЮСУФЪ.

Держи!

Чеву, Зандъ. . . схватили (*Ихъ хватаютъ*).

ЮЗЕФА.

Мы пропали.

БАИША.

Добычи Ханской и моей

Никто не тронь; мы имъ свободу оба дали;

И къ Хану я иду. . . .

ЮСУФЪ (*хватаетъ у Яна пистолетъ*)

Не смѣй

Уздень равняться съ Ханомъ.

(*Имъ подшибаетъ пистолетъ и Юсуфъ не попадаетъ*).

Я Н Ъ.

Ты сжался надъ бѣднымъ Яномъ

И живъ!

Я В Л Е Н І Е 6.

Тѣ же, Гирей и Узбекъ вбѣгаютъ.

ГИРЕЙ.

Что случилось?

Я Н Ъ.

Помилуй!

ГИРЕЙ.

Кто его

Смѣль тронуть; а ему свободу давай!

Я н ъ (показывая на Юзефу).

Безъ милой

И жизнь мнѣ ничего.

Гирей (взглянувъ на Юзефу).

Она мила!

Я н ъ.

Не правда ли? а силой

Насъ разлучить хошашь.

Гирей.

Кто взялъ Полячку эту?

Банша.

Я.

Юзефа.

Онъ взялъ и оппустилъ, а эшопъ не пускаешь

И высирьмалъ по немъ.

Гирей.

За что?

Юсуфъ.

Какъ онъ дерзаетъ

Съ тобой равнять себя?

Банша.

Не правда, ни съ орломъ,

Грачевъ шенець лешаньемъ, —

Ни съ солнечнымъ сіаньемъ,

Блестящій по мочамъ червякъ, —

Ни мы съ Керимъ-Гиреемъ,

Ни въ чемъ никакъ

Равнять себя не смеемъ.

И винованъ, сказалъ
 Что Ханъ его купилъ, я взялъ ея; шакъ оба
 Мы волю дали имъ, и въ немъ за шо вей злоба
 Ко мнѣ.

Г И Р Е Й.

Юсуфъ! онъ правъ: Узденю шкосу,
 Тебѣ, вамъ всѣмъ и никому
 Равняшь себя со мною
 Прийти не можешь въ мысль. Но кто
 Встревожилъ снахъ?

Юсуфъ.

Теривня недоспало —

Я выстрѣлалъ.

Г И Р Е Й.

Такъ спало

Иль за Полячку, иль за то;
 Что онъ Узденъ, убишь хохля ты Крымца?

Юсуфъ.

Онъ мой!

Г И Р Е Й.

А самъ ты мой,

Вы все мой, и все равно любимы мной;
 Но слава я ималъ особаго любима
 И онъ забылся-бъ смѣлъ; шо вѣрнобъ былъ
 Наказанъ. — А тебѣ прощаю
 Зашьмъ, что пакъ хочу. Мурза! ты позабылъ,
 Что я все вижу и все знаю.

Но вспомнише, всему давалъ толкъ

И дерзкой и преврапной,

Что родотъ не одинъ замолкъ

Подъ саблею моею булатной.
Ты, мой Узденъ, жену ему оставь:
Пускай она не шужилъ

И не крушилъ его.

Такъ, Князю своему онъ вѣрно служишь,
А вашъ Гирей за вѣрность никого
Не оставляетъ безъ награды,

И въ замокъ первой кно взойдешь,

Тому я напередъ

Княжихъ дарю коней.

УЗДЕНЪ.

Мы все съ тобою рады
На все идти; веди же поскорѣй,

Не холоди въ сердцахъ охоты:

Ужь люди у коней,

И сняты все наметы;

Готово все.

ГИРЕЙ.

Я самъ готовъ.

Впередъ, и мы у замка будемъ вѣшать.

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ Ханъ!

ЮСУФЪ.

Да здравствуетъ! (*Махмету*) Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Юзефа и Янъ.

ЮЗЕФА.

Теперь-то мы счастливо живемъ.

Я н ъ.

Но я пока скажу прощай моей невестѣ.

Ю з е ф а.

Куда же ты?

Я н ъ.

Молчи — я въ замокъ побѣгу.

Предостережь . . . .

Ю з е ф а.

И я съ тобой!

Я н ъ.

Не лъзя.

Ю з е ф а.

А почему же.

Я н ъ.

Съ тобою я замѣшкашься могу.

Ю з е ф а.

Я скоро бѣгаю.

Я н ъ.

Тѣмъ хуже:

Устанешь ты скорѣй, и не доспанешь спать

Болошами бѣжать . . . . Когда тебѣ я мила,

Такъ для тебя и то должно быть мило,

Какъ скажутъ, что твой мужъ Князю и Князя спасъ.

Ю з е ф а.

Прощай. Но чтобъ опять насъ горе не убило.

Я н ъ.

Иди домой, не бойся: Богъ за насъ.

*(Уходитъ.)**Князь Шаховскій.*

П Р О З А.

Рѣчь Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, говоренная Пресвещеннымъ Георгіемъ Конискимъ, Епископомъ Бѣлорусскимъ, Сентября 29 го дня, 1762 года, въ Москвѣ (*).

Благочестивѣйшая Великая Государыня
Императрица!

Между подданными народами Вашего Императорскаго Величества, о всерадостнѣйшей Коронаціи торжествующими, приносятъ и Бѣлорусскій народъ чрезъ меня, подданника Вашего Величества, всеподаннѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отспоилиъ Богомъ благословенная Палестина оны тѣснаго Израилю Египта, соспояніе сказую людей, предѣлами Россійскими огражденныхъ, оны соспоянія людей, хотя единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ: здѣсь свѣдѣнныи въры,

(*) Издашель надѣется угодишь многимъ читателямъ помященіемъ сей рѣчи, которая хотя и была напечатана въ Рубановой *Старинѣ* и *новизнѣ*, но у насъ мало известна. Не говора о политической ея важности (Противдникъ часно намѣкаетъ на Унію, господствовавшую тогда въ Бѣлорусіи, и правленіе Императора Петра III), обращаетъ вниманіе на слогу.

опть дней Владиміровыхъ зажжен-
 ный, блискаетъ досель, потрясенъ
 былъ нечаянно, но опять утверждень;
 у насъ свѣшльникъ шопть свирѣпо
 дышущіе опть запада въпры на многихъ
 мѣстахъ совѣмъ преврашили. Здѣсь
 храмы Госнодни славословіемъ имени
 Его свободно гремятъ; умолкли было
 нѣкіе, но опять возгремѣли. У насъ
 храмы Божіи множайшіе опняшты, про-
 чіе опустошенны и запечатлѣнны, раз-
 вѣ совѣ и врановъ гнѣздящихся гласы
 издають. Здѣсь, чѣмъ кто благочестивѣе,
 шѣмъ и честнѣе: пришло было
 благочестіе въ нечестіе, но опять воз-
 вранилось въ первое достоинство; у
 насъ благочестивымъ именоватся въ
 слудъ ставяшъ; за благочестіе раны,
 узы, темницы, домовъ разореніе, а
 не рѣдко и живоша лишеніе издревле
 терпимъ. Однако и въ шакихъ Египет-
 скихъ озлобленіяхъ, и сполько опстоа
 опть благополучія подданныхъ Вашего
 Императорскаго Величества, не хо-
 тимъ уснушишь имъ въ разсужденіи
 настоящей радости, смѣемся и сквозь
 слезы, упѣщаемся и въ горести души,
 поржествуемъ и въ послѣднемъ упѣ-
 сненіи. А для чего шакъ? Надежда изба-
 вленія нашего веселитъ насъ, надежда
 не въ травѣ, какъ говорашъ, ниже въ
 одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже пло-

дѣ состоящая. Не касаюсь я нынѣ престоцвѣтующихъ Вашего Величества добродѣтелей, вѣры швердой, огненной ревности, любви къ Богу! и ближнему пречувствительной; я теперь говорю, какъ и цѣлый свѣтъ говоришь, о дѣлахъ, о принесенныхъ уже Вашимъ Величествомъ созрѣлыхъ плодахъ. Тобою, Благочестивѣйшая Государыня! свѣтильникъ вѣры, бывший въ Россіи попрясеннымъ, спалъ гупшверженъ. Тобою храмы Господни и красосу и гусли своя съ Псалтырью удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные Твои въ первую честь и достоинство приведены. Сии Тобою въ едино льпо принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобныя принесети въ грядущее время. Или бо не можети сего намъ сотвориши, или не соблаговолиши? Могла въ немощи, можети въ силѣ. Могла прешола лишаема, можети на прешоль Богомъ посажденна. Могла въ страхъ и опасности житія пребывая, можети страхомъ и угроженіемъ смерти непріязненныхъ исполня. Могла и соблаговолила тогда, когда живошь Твой за вѣру и опечество въ жертву Богу предала, можети и соблаговолиши теперь, когда Богъ Тебѣ живошь Твой, для вѣры и опечества, еще же и для прокровительства едино-

вѣрныхъ, вмѣстѣ со скипетромъ возвра-
 шилъ. Опираемъ убо слезы очей
 нашихъ или паче обращаемъ оныя ко
 умоленію благъ нашихъ испочника Бога,
 да во вѣкъ сохранитъ Тебѣ милость
 свою и заветъ свой вѣренъ Тебѣ, да
 продолжитъ свѣтъ Твое во вѣкъ вѣка, и
 Престолъ Твой яко днѣ неба. Молимъ
 же и Ваше Императорское Величество!
 не посрами насъ, надеждо наша, въ ча-
 нѣи нашемъ, спаси насъ десницею Твоею
 и мышцею Твоею покрый насъ.

И А У К И.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ,

О трехъ единствахъ въ драмѣ. (Изъ Шлегеля).

(Омончаніе).

Мы довольно говорили объ единствѣ дѣйствія. Волкъ чпо находимъ въ Аристотелѣ объ единствѣ времени, „Сверхъ „того Эпопея различествуетъ отъ „Трагедіи продолжительностію дѣйствія: въ Трагедіи дѣйствіе долъ „жно продолжаться только одни сутъ „ки или развѣ немного болѣе, тогда „какъ въ Эпопеѣ время неопредѣленно. „Впрочемъ это правило придумано въ „послѣдствіи, ибо сперва Трагедія въ „семъ отношеніи была столько же не „ограниченна, какъ и Эпическая Поэма.“

Замѣтимъ напередъ, что Аристотель здѣсь ничего не предписываетъ, а только исторически передаетъ что видѣлъ въ Греческихъ образцахъ; но Греческіе шрагики, ограничивая себя такимъ объемомъ времени, могли имѣть на то особенныя причины, которыя въ послѣдствіи уничтожились при образованіи нашего театра, и я надѣюсь дока-зашь истину сего предположенія.

Корнель справедливо почищаетъ упомянутое правило очень затруднительнымъ; онъ старается какъ нибудь удобнѣе

объяснить его и сознается, что не посо-
 вѣсился бы продолжить дѣйствіе до
 тридцати часовъ. Другіе упорно наста-
 иваютъ на томъ, чтобы дѣйствіе не
 длилось болѣе самаго представленія, т.
 е. двухъ или трехъ часовъ. По ихъ
 требованію, Драмматическій Писатель
 долженъ повѣрять себя по часамъ. По
 крайней мѣрѣ, они согласны съ собою, не-
 жели криштики, болѣе снисходительные;
 ибо естественная причина сего правила
 заключается въ этомъ необходимомъ,
 какъ они полагаютъ, для обмана правдо-
 подобія, по которому мы принимаемъ пред-
 ставляемое за дѣйствительность. Если
 въ представленіи, продолжающемся два
 часа, позволено вводить дѣйствіе, кото-
 рое совершается въ тридцать часовъ;
 то почему и на большее время не рас-
 пространить сего позволенія? Идея
 обмана породила много ложныхъ мнѣній
 въ теоріи Искусствъ. Обыкновенно дума-
 ютъ, что обманъ драмматическій есть
 по невольное заблужденіе, въ которое
 мы впадаемъ, когда представляемое ка-
 жется намъ дѣйствительнымъ. Но та-
 кой обманъ, при ужасахъ Трагедіи, былъ
 бы истиннымъ мученіемъ фантазіи.
 Нѣтъ, театральныи и всякій пинтиес-
 скій обманъ есть ясное мечтаніе, ко-
 которому мы охотно предаемся. Чтобы
 произвели его, стихомверецъ и ак-

перъ должны съ живописцю увѣдканъ наше чувство, и правдоподобіе, основанное на холодномъ расчетѣ, ни мало къ тому не способствуешь. — Можно довести до крайности сіе пребываніе дѣйствительнаго обмана, и тогда всякая психическая форма сдѣлается невозможною; ибо мы знаемъ, что Мисологическія и Историческія лица не говорили нашимъ языкомъ, что мученіе спраспей не выражается спихами и т. д. Но какой безчувственный зритель, вмѣсто того, чпобы своимъ учащеніемъ слѣдовать за происшествіями, спанеть, подобно шюремному спражу, съ часами въ рукахъ изчислять, сколько еще герою Трагедіи оспается времени дѣйствовать и жить? Не уже ли наша душа подобна часовому механизму, безошибочно означающему часы и минуты, и не имѣеть ли она особенной мѣры для времени, когда занята, и особенной для скуки? Въ первомъ случаѣ часы быстро пролетаютъ въ легкой, непрерывно измѣняющейся дѣятельности; во второмъ, когда всѣ душевныя способности спѣснены, они длятся безмѣрно. Такъ бывають въ настоящемъ; совсѣмъ иначе въ воспомнаніи: шуть исчезаетъ, промежуткъ пустого, мертваго однообразія, и по той же мѣрѣ возрастаетъ время,

ознаменованное излишествомъ различныхъ впечатлѣній. Тѣло наше подчинено вѣшнему астрономическому времени, потому что органическія дѣйствія имъ измѣряются; но умъ имѣетъ свое собственное идеальное время — сознаніе непрестаннаго развитія нашего существа. Тутъ ничего не значать всѣ промежутки незанимательнаго покоя, и два значительныя мгновенія, хотя бы онѣ разлѣлялись цѣлыми годами, присоединяются непосредственно одно къ другому. Предъ засыпаніемъ чѣмъ нибудь живо занятые, мы обыкновенно, пробуждаясь, принимаемся за тѣ же мысли, и все что намъ снилось, погружается снова во мракъ невещественности и забвенія. Тоже примѣнить можно и къ драматическому представленію. Наше воображеніе легко перескакиваетъ чрезъ то время, которое ни чѣмъ значительнымъ не ознаменовано, и фантазія наша слѣдуетъ единственно за тѣми рѣшительными мгновеніями, сближеніемъ коихъ Поэтъ окридеетъ медлительный ходъ часовъ.

Однакожь, возразятъ мнѣ, древніе прагматики соблюдали единство времени. Это выраженіе вообще не къспати; лучше было бы сказать: тождество представляемаго и дѣйствительнаго вре-

мени. Но тогда это уже не примѣняется къ древнимъ: они держались единственно *видимой непрерывности времени*. Я называю сію непрерывность пошько видимую; ибо, пока хоръ пѣлъ, они иногда предполагали больше времени, нежели сколько его испекало въ самомъ дѣлѣ. Агамемнонь Есхилловъ объемлетъ все время отъ разрушенія Трои до возвращенія сего героя въ Микину: здѣсь заключается не малое число дней. Въ *Трагиніанкахъ* Софокла совершается три-раза морское путешествіе изъ Фессаліи въ Эвбею; въ просительницахъ Эврипида, между пѣнь какъ хоръ поелъ, цѣлое ополченіе подвигается изъ Аѣны къ Фивамъ; битва дана и побѣдитель возвратился. Такъ мало извѣстна была Грекамъ сія боизливая расчепливость! Но повторю: они держались *видимой* непрерывности времени, и причина сего заключается въ постоянномъ присутствіи хора. Когда сей послѣдній оспавляетъ сцену, тогда и непрерывный эпосъ ходъ прекращается. На примѣръ; въ *Эменидахъ* Есхила пропущено все время нужное Ореску для того, чтобы изъ Дельфовъ прибыть въ Аѣны. Сверхъ того, въ Трилогіи между тремя пѣсами, копорыя представлялись всегда сряду и въ совокупности составляли

одно цѣлое, бывали промежутки спольже значительные, какъ и между премея актами многихъ Испанскихъ Трагедій.

Новѣйшіе, раздѣляя свои піесы на дѣйствія, что собственно не дѣлалось у Грековъ, могутъ удобно расширять кругъ представляемаго времени; когда представленіе прерывается, зритель можетъ вообразить себѣ больше времени, нежели сколько ошмѣрять такта дополняющей музыки; въ противномъ случаѣ надобно пригласить его на ближайшее представленіе въ слѣдующій день, и тогда все покажется ему натуральнѣе. Раздѣленіе на акты было введено уже въ новѣйшей Комедіи, гдѣ хоръ выпускался. По предположенію Горація, Драма должна заключать въ себѣ не болѣе и не менѣе пяти дѣйствій. Непосредствено сего правила очевидна, и Виландъ думалъ, что Горацій смѣялся надъ молодыми Пизонами, выдавая шоржественно это правило за законъ ненарушимый. Если въ древней Трагедіи актъ оканчивается, когда сцена пустѣетъ и одинъ хоръ продолжаетъ свои пѣснопѣнія: то въ иныхъ Трагедіяхъ найдемъ менѣе, а въ другихъ болѣе пяти дѣйствій. Можемъ только совѣтовать писателямъ, чтобы въ представленіи, продолжающемся два или три часа, было нѣсколько остановокъ для отдохновенія

ума, которому такимъ образомъ будешь легче слѣдовать за нитью произшествій; не то, я бы желалъ, чтобы мнѣ показали причину въ самой сущности Драмагической Поэзіи, почему Драма должна имѣть опредѣленное число отдѣленій. Но міромъ управляетъ обычай. Писатели позволяли себѣ употреблять менѣе пяти дѣйствій; а преступить за священное число пяти почитается опасною дерзостью (*).

Вообще раздѣленіе на акты ошибочно во многихъ новѣйшихъ Трагедіяхъ, въ которыхъ между дѣйствіями ничего не происходитъ и гдѣ въ началѣ новаго акта лица находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ были и въ концѣ предыдущаго. Однакожь это гораздо меньше оскорбляло критиковъ, нежели пропускъ какихъ нибудь пустыхъ произшествій: видно потому что первая ошибка — отрицательная.

Романтическіе Драмагики позволяютъ себѣ перемѣнять мѣсто дѣйствія въ продолженіи самаго акта. Передъ нами сцена всегда пустѣетъ, и писатели оправдываются непрерывно-

---

(*) Три единства, пять дѣйствій; почему бы еще не семь дѣйствующихъ лицъ? Вышла бы арифметическая прогрессія.

спію піэсы. Кому каженся это не-сообразнымъ и кшо однакожь допу-скаешъ раздѣленіе на акты, шотъ смюпри на это, какъ на большое ско-плѣніе непродолжительныхъ актовъ. Но мнѣ скажутъ, что я оправдываю одну ошибку другою, несоблюденіе единства времени несоблюденіемъ единства мѣста: и такъ постараемся яенѣ показати цѣлѣность послѣдняго правила.

Аристотель объ немъ нигдѣ не то-воритъ; какъ я уже выше замѣнилъ. Утверждаютъ, что древніе его соб-людали. Не всегда, но часто. Изъ се-ми Трагедій Есхила и шолько же Софок-ловыхъ видимъ двѣ: Эвмениды и Аяксъ, въ которыхъ сцена перемѣняется. Если древніе обыкновенно сохраняли то же мѣсто представленія, то сіе имѣло причину свою въ присутствіи хора, ко-торой должно было приличнымъ обра-зомъ удалишь, чтобы цютомъ пере-мѣнишь сцену. Сверхъ того, сцена древ-нихъ представляла почти всегда боль-шее пространство, нежели наша, не одну какую нибудь комнату, но оп-крытое мѣсто передъ многими зданія-ми; а иногда видна была и внутрен-ность какого нибудь дворца посред-ствомъ сикиклемы, шакже какъ и на нашей сценѣ поднимается иногда задній занавѣсъ.

Сии ложныя помятія объ обманѣ за-
спавили также запретить перемѣну
сцены въ продолженіи Акта: кришкы ду-
мали, что очарованіе прекращается, когда
дѣйствіе переносится на другое мѣсто.
Это было бы справедливо, еслибъ мы
въ самомъ дѣлѣ принимали предста-
вляемое мѣсто за дѣйствительное;
но чтобы произвести въ насъ та-
кое заблужденіе, декорація нашей сцены
недостаточна (*). Джонсонъ, который
впрочемъ держится самыхъ строгихъ
правилъ, справедливо замѣчаетъ, что
если въ представленіи несчастій Ан-
тонія и Клеопатры мы могли уже разъ
воображеніемъ перенестись за восемнад-
цать вѣковъ въ Александрію, то впо-
рый скачекъ изъ Александріи въ Римъ
уже не такъ спрудень. Мы изъ обыкно-
венной жизни заключаемъ о способности
ума, переносимъ мысль съ удивитель-
ной быстротою чрезъ безмѣрное время
и пространство; а Поэзія, которая
должна окривлять нашъ умъ, которой

(*) Она рассчитана только для бѣлой точки зрѣнія,
и если глядѣть на нее не съ этой точки, то
преломленные линіи скоро обнаруживаютъ несовер-
шенство подражанія. Сверхъ того, большее число
зрителей такъ мало заботится объ ея архитектур-
ническомъ значеніи, что ихъ ни сколько не удивляетъ,
когда актеры выходятъ и входятъ сквозь еѣву безъ
дверей.

покорствуешь все, что можетъ насъ истинно очаровать, и даны въ способъ живаго, обманчиваго представленія, Поэзія одна должна бытъ лишена сего права!

Если вѣришь Вольтеру, единство мѣста и времени есть необходимое слѣдствіе единства дѣйствія; но его заключенія весьма поверхностны. „По той же причинѣ“ говорилъ онъ, „и единство мѣста есть необходимое условіе въ Драмѣ; „ибо одно дѣйствіе не можешь вдругъ происходить во многихъ мѣстахъ.“ Но въ одномъ главномъ дѣйствіи необходимо участвуютъ многія лица; въ составъ сего дѣйствія входятъ многія несполь важныя происшествія; оны чого же послѣднія не могли бы происходить въ разныхъ мѣстахъ? Одна и та же война не можешь ли въ одно время кипѣть въ Европѣ и въ Индіи, а Историкъ не обязанъ ли въ своемъ повѣствованіи описывать ея слѣдствія въ обѣихъ странахъ?

„Единство времени“ продолжаетъ Вольтеръ „естественно связывается съ двумя предъидущими. — Когда сочинитель представляетъ мнѣ заговоръ, и дѣйствіе продолжается двѣ недѣли, то онъ обязанъ мнѣ дать опчетъ въ томъ, что въ сіи двѣ недѣли произошло.“ Правда, онъ долженъ представлять все, что принадлежитъ къ дѣлу; но все,

что не составляет его сущности, должен онъ пропускать подобно всякому хорошему повѣствователю, и никакъ не захочетъ знать лишняго. — „Когда же онъ изображаетъ происшествіе, продолжавшееся двѣ недѣли, то тутъ будетъ по крайней мѣрѣ четырнадцать различныхъ дѣйствій, полагая по одному на каждый день, сколь бы малы онъ впрочемъ ни были.“ Безъ сомнѣнія, — если сочинитель такъ неловокъ, что въ этомъ маломъ времени будетъ отдѣлять одинъ день отъ другаго, если семь же разъ на сценѣ разсвѣнетъ и погаснетъ, а дѣйствующія лица будутъ столько же разъ вспавать и опять ложиться. Но онъ долженъ намѣкать издали на то время, въ продолженіи котораго дѣйствіе незамѣтно подвигалось, уничтожишь промежутки, въ которые останавливалось, и въ быспромъ ходъ пьесы назначить близкую или точную мѣру времени, протекшаго между отдѣленіями.

Но для чего же такъ важно для насъ, часто даже необходимо, избрать гораздо обширнѣйшій кругъ времени, нежели сколько продолжается самое представленіе? — Для отвѣта на сей вопросъ очень кстати попался намъ Вольперовъ примѣръ заговора. Во первыхъ такой заговоръ, который чрезъ

два часа послѣ составленія уже приводишся въ дѣйствіе, есль дѣло невѣроятное. Къ тому же онъ будетъ *Этическимъ*, т. е. дѣйствующія лица въ семь случаевъ не могутъ имѣть такого швердаго рѣшительнаго намѣренія, которое заставляло бы ихъ шайть свой замысль въ продолженіи извѣснаго времени, и неизмѣнять ему, съ какими бы опасностями ни было сопряжено его исполненіе. Хотя сочинитель не можетъ представить непосредственно сего теченія времени, однакожь мы въ расположеніи духа дѣйствующихъ лицъ угадываемъ его и видимъ, какъ-бы въ зеркаль, въ перспективѣ. Въ семь родѣ перспективѣ, мы кажешся, никакъ не успѣль, какъ Шакспиръ: у него одно слово часто открываешъ почти всѣ предыдущія состоянія души лицъ дѣйствующихъ. Если Сликотворецъ, связанный въ пѣсныхъ границахъ времени, будетъ королитъ дѣйствіе, начиная представление съ того времени, когда оно уже близко къ окончанію, если онъ несоизмѣрно ускоритъ поспешенный его ходъ,—то, въ обоихъ случаяхъ, онъ много опинешъ у величественной карпины рѣшительнаго замысла, имѣющаго причину свою не въ мгновенной горячкѣ ума, но въ швердой, никакими внѣшними

переменами неизмѣняемой воли, которая не слабѣетъ, пока время не созрѣло къ исполненію. Это будетъ уже не то, что Шекспиръ такъ часто изображалъ и что описываетъ въ слѣдующихъ стихахъ :

Between the acting of a dreadful thing
And the first motion, all the interim is
Like a phantasma, or a hideous dream :
The genius and the mortal instruments
Are then in council, and the state of man
Like to a little kingdom, suffers then
The nature of an insurrection.

Julius Caesar.

Act 2. Scene 1.

Время, отъ первой мысли до исполненія спршнаго предпріятія, протекаетъ какъ нѣкое привидѣніе, какъ ужасный сонъ. Духъ и смертныя его орудія тогда спорятъ между собою, и все устройство челоѣка, подобно малому царству, страдаетъ мятежемъ внутреннимъ.

Но мы еще не показали причины несогласія между Греческими и Романтическими писателями, касательно единства мѣста и времени. Духъ нашей критики не позволяетъ намъ рѣшительно объявить послѣднихъ варварами, по примѣру многихъ судей искусства. Напротивъ, мы утверждаемъ, что они жили въ вѣкахъ очень образованныхъ и сами

были весьма образованны. Кроме расположенія древней сцены, которое требовало видимой непрерывности времени и неизмѣняемости мѣсна представленія, сохраненію сего обычая благопріятствовала сущность предметовъ, которые были обрабатываемы Греческими Драмматическими писателями. Они почерпали ихъ изъ Мифологіи, которая сама естъ днпя Поэзіи, а пошому въ прежнихъ піисическихъ преданіяхъ уже было соединено въ цѣлыя легко обозримыя массы то, что въ дѣйствительности почти никогда не сближается; при томъ, времена Греческія, изображавшіяся на сценѣ, были очень просты въ нравахъ и вмѣстѣ богаты чудесными событіями, и такимъ образомъ все удобно входило въ составъ Трагедіи.

Но главная причина сего разногласія заключается въ пластическомъ духѣ древней и живописномъ новѣйшей Поэзіи. Скульптура направляетъ наше вниманіе исключительно на представляемую группу; она по возможности отвергаетъ всѣ внѣшнія украшенія, и гдѣ не можешь совершенно безъ нихъ обойтись, шамъ только слегка означаешь ихъ. — Живопись, напротивъ того, вмѣщаетъ въ одно пространство, всѣ предметы, окружающіе главные фигуры, и любитъ открывать взору въ

глубинѣ картины даль безпредѣльную. Связь и перспектива, — вещь свойственныя ей способы очарованія. Опъ этого Драма и въ особенноти Трагедія Древнихъ уничтожаетъ по видимому отношенія дѣйствія къ пространству и времени, а романтическая Драма пользуется разнообразіемъ сихъ отношеній, украшая ими богатая свои картины. Выразимся яснѣе: начало древней Поэзи — идеальное, а романтической — мистическое; первое подчиняетъ пространство и время внутренней свободной дѣятельности духа; вторая лишь пространство и время какъ силы сверхъестественныя, въ коихъ таится нечто божественное.

Теперь увидимъ дѣйствіе, которое сверхъ другихъ театральныхъ приличій имѣли на образованіе Французской Трагедіи выше упомянутыя правила единства, кои столь строго соблюдались, хотя и были такъ превратно понимаемы.

Французы, не смотря на совсѣмъ противоположный духъ своей драмы, хотѣли сохранить правила единства, какъ приняли ихъ ошъ Аристопоеля.

Они преобладали для дѣйствія простоты Трагедіи Греческой, и совсѣмъ шѣмъ изгоняли все лирическое, которое, останавливая одно мгновеніе, останавливаетъ самое дѣйствіе. Это было не-

обходимо, ибо мы не имеем древней музыки, которая служила Поэзии, тогда как у нас Поэзия подчиняется музыке. Если изъ Греческихъ Трагедій изключимъ хоръ и лирическія мѣста въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ: то онѣ выдутъ почти въ половину меньше обыкновенной Французской Трагедіи. Вольтеръ въ своихъ предисловіяхъ часто съищуетъ, что такъ трудно найти предметъ, котораго бы доспало на пять длинныхъ актовъ. Чѣмъ же замѣщалась пустоша, оставаемая въ Трагедіи исключеніемъ мѣстъ Лирическихъ? инпригою. У Грековъ дѣйствіе, рассчитанное на многія важныя минуты, стремится непрерывно къ рѣшительному исходу; а въ Трагедіи Французовъ противоположныя виды разныхъ лицъ, отчасти для инприги вымышленныхъ, должны влечь за собою множество препястствій, и такимъ образомъ напрягать до конца наше любопытство. Гдѣ же путь пустоша? Развѣ единство можетъ сохраниться эшимъ искусственнымъ сплетеніемъ, удовлетворительнымъ для одного разсудка?

Инприга сама по себѣ не есть *Трагическое средство*; она составляетъ существенную часть Комедіи и часто довольствуется развязкою, успокоивающею одинъ разсудокъ — но

сія-то спорона и не естъ поэпическая въ семь полупрозаическомъ родѣ драмы. Хотя Французская Трагедія стараелся для опличія отъ Комедіи принятъ тонъ важный, величественный и патетическій; однакожь, по моему мнѣнію, въ составѣ цѣлаго она сходна съ Комедіею. Во многихъ Французскихъ Трагедіяхъ я нахожу единство, удовлетворительное для одного разсудка, а не для чувства. Дѣйствующія лица выходятъ изъ трудныхъ и запутанныхъ положеній посредствомъ счастливаго или несчастнаго переворота; но мы не подозреваемъ нигдѣ высшаго порядка вещей, нигдѣ не встрѣчаемъ оправданной мысли о небѣ, о Провидѣніи, какъ о защитѣ челоуѣка противъ ударовъ судьбы.

Для такого успокоенія чувства, какого я требую, правосудіе самаго Поэта опчасти не нужно, опчасти и недоспапочно, если понимаешь его въ обыкновенномъ ложномъ смыслѣ. Впрочемъ — я даже и во Французскихъ прагикахъ часто не вижу этой нравственной цѣли, за копорю они гонялись и копорая, принятая въ ихъ смыслѣ, недоспапочна по моему мнѣнію, чшобы возбудить истинно нравственные чувства.

Интрига естъ средство, коимъ важное произшествіе вмѣщается въ пѣс-

ный кругъ времени; ибо кто занимается интригами, пошь дѣшелень, пошь никогда не пропускаешъ удобнаго случая для доспженія своей цѣли. Но сильныя переороты челоѳческой судьбы медлительны, подобно обороту вѣковъ: великія предпріянія зрѣють долго, ночныя замыслы злодѣевъ робко выспунающа на свѣшь изъ глубины чувства и карающа мещь, по прекрасному выраженію Горація, преслѣдуешъ хромая преспунника. Пусть попыпающа включитъ въ шѣсныя границы единства времени огромную картину Макбетова царубійства, его насильственнаго возшествія на прешоль и наконецъ его паденія: картина пошеряешъ свое высокое значеніе, хотя бы предъ началомъ піэсы намъ и рассказали всѣ эти обстоятельства, копорыя въ Шекспирѣ изображены столь ужасно-разительными красками. Трагедія его обнимаетъ чрезвычайное пространство времени, — правда, — но теряешъ ли шѣшь быспроту хода? — Кажетса, видишь въ ней шрехъ богинь судьбы, копорыя, за шумною пряслицей времени, не прерывающъ ни на минуту мрачнаго своего заняшя, и участіе наше невольню увлечено этой бурей, этимъ вихремъ произшествій, влекущимъ героя опъ искушенія въ злодѣяніе, опъ злодѣянія къ тысячѣ

пресупленій, пока побѣдивъ многія опасности, онъ не погибаетъ въ мужественной битвѣ. Такая Трагедія подобна шеченію кометы! Сначала едва приметная, важная только для ученаго, она является на небѣ въ шуманной отдаленности, но скоро съ неслыханною возрастающею быспрошею спремится въ самую средину нашей планетной системы, и народы приводятся въ ужасъ ея зловѣщимъ хвостомъ, зажигающимъ половину небосклона. *А. Ве—ев.*

~~~~~

К Р И Т И К А.

Литтературный Музеумъ на 1827 годъ, Владиміра Измайлова. Изданіе Александра Ширяева. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1827. Въ 16 д. 320 с. —

Съ удовольствіемъ любители Русской Словесности видятъ снова Г-на Измайлова на помъ поприщѣ, которое проходилъ онъ въ свое время съ такою честію. Его Музеумъ доставляетъ имъ членіе легкое и пріятное. —

Представимъ наше мнѣніе о нѣкоторыхъ спашьяхъ. —

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рѣчь въ память Исторіографу Россійской Имперіи, Г. Иванчина Писа-

рева: для кого изъ Русскихъ не свя-
щенно имя Карамзина, кто не поже-
лаешь участвовашь въ принесеніи ему
достойной дани благодарности? —

Сколько удовлетворила сія рѣчь пре-
бываніямъ Рецензента — сказано въ по-
слѣднемъ номерѣ Московскаго Вѣспника.

Краткое обозрѣніе 1826 года (В. Измайлова). Въ снѣжѣ сей, написанной
хорошимъ Русскимъ слогомъ, (замѣшимъ
что это есть общее достоинство поч-
ти всѣхъ произаческихъ снѣжей, по-
мѣщенныхъ въ семь Альманахѣ), Авторъ
разсмаприваетъ Россію въ отношеніяхъ
политическомъ и литературномъ. —
Желательнѣе бы было, чтобъ онъ раз-
смошрѣлъ Россію или во всѣхъ отноше-
ніяхъ, или только въ одномъ литера-
турномъ. — Не наше дѣло говорить о
первой части сей снѣжи. Скажемъ о вто-
рой, что читатели были бы благодарнѣе
Автору, если бы онъ вмѣсто неполнаго
списка вышедшихъ книгъ съ библиогра-
фическими сужденіями, представилъ имъ
болѣе общихъ мыслей, напр: о направ-
леніи нашей изящной Литературы, о
духѣ ея, о новыхъ толкахъ, въ ней поя-
вившихся, о духѣ публики и ея требо-
ваніяхъ и п. п., — словомъ, мыслей,
въ родѣ предложенныхъ имъ на с. 22,
23, 24. — Рецензентъ замѣтитъ еще,
что библиографическія замѣчанія о кни-

гахъ, особенно о стихотвореніяхъ, не дають понятія объ опличительныхъ свойствахъ авторовъ, состоя по большей части изъ выраженій неопредѣленныхъ и часто между собою сходныхъ. —

Что если бы некоторые наши ученые вмѣнили себѣ въ обязанность къ концу года представлять полный статистическій отчетъ о всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія! Одному писателю обо всемъ не возможно, разумѣется съ основательностію, — а порознь обдѣлавъ части — не только возможно, но и легко: такъ пусть одинъ скажетъ о книгахъ, до изящной словесности относящихся, другой о технологическихъ, преній, математическихъ и т. д. — Еще лучше, если бы можно было представить полное годовое статистическое, собственно такъ называемое, описаніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, основываясь на извѣстіяхъ официальныхъ, на пр: о новыхъ законахъ, въ продолженіи года изданныхъ, о ходѣ торговли, о мануфактурахъ, результаты метеорологическихъ наблюденій по разнымъ странамъ и проч. и проч. — Вонъ Альманахъ, который былъ бы прекраснымъ подаркомъ для публики — и для будущаго Историка. —

Приказъ съ того свѣта (Г. Сомова).
Читатели никакъ не поспѣваютъ на доб-

раго Капитана, заспавившаго ихъ прослушавъ предлинное вступленіе, которое величиною равняется самой повѣсти, и улыбнувшись не однажды, слушая то и другое. Содержаніе повѣсти слѣдующее: бѣдной студентъ влюбился въ дочь богатаго шраклирщика, который и слышавъ не хотѣлъ объ ихъ бракѣ, и молодые любовники принуждены были прибѣгнуть къ хитрости: они воспользовались суевѣріемъ шарика и заспавили его согласиться и проч.

Рецензентъ сдѣлаетъ при семъ одно общее замѣчаніе: во всѣхъ нашихъ повѣстяхъ, начиная отъ бѣдной Лизы Карамзина, прозаическихъ и стихотворныхъ, еще болѣе — почти во всѣхъ нашихъ Комедіяхъ и Трагедіяхъ, примѣчается одинъ недостатокъ — *мало дѣйствій*. Авторы знакомятъ, кажется, съ своими героями наканунѣ ихъ свадьбы. Укажемъ при семъ на Валшера Скошпа: чрезъ коридоръ изъ одной комнаты въ другую не проведетъ онъ инаго лица безъ того, чтобы не ввести его въ десять различныхъ произшествій, безъ того чтобы не познакомить его съ десятью различными людьми.

Нѣкоторыя выдержки изъ записной книжки *Князя Вяземскаго* очень забавны: кто не посмѣется надъ сравненіемъ чтенія нѣкоторыхъ книгъ съ шляпоч-

нымъ знакомствомъ, — нѣкоторыхъ стихотворцевъ со спарухою за чулкомъ? „она дремлетъ, а пальцы ея сами собою движутся, и чулокъ между пѣтъ вяжется. За то на сколькихъ поэпическихъ ногахъ (эпо нѣсколько напаянушо) видимъ чулки со спущенными пеплями!“ — Выпишемъ еще одно замѣчаніе: „смотря на современный Либературный міръ въ Европѣ, можетъ быть, признаешь, что въ немъ нѣтъ богатшрей, которые являлись прежде на сценѣ; но читатели нынѣшніе расудительнѣе и многочисленнѣе прежнихъ. И тогда все еще превосходство остается на сторонѣ нашего вѣка. Живописна картина нѣсколькихъ вѣтвистыхъ исполиновъ, уединенно разбросанныхъ по обширному кустарнику; расчепливый же хозяинъ дорожитъ болѣе рощею ровною, но дружно усаженною деревьями сочными и маперыми.“

Русскій наблюдатель въ XIX вѣкѣ (В. Измайлова). Спашья служащая украшеніемъ Альманаху. Авторъ предлагаетъ въ оной свои наблюденія надъ большимъ свѣтомъ, надъ нѣкоторыми предразсудками, тамъ господствующими, замѣчанія о воспитаніи и проч.

Изъ прозаическихъ спашей помѣщены еще въ Альманахъ: *Замѣчанія*

о людяхъ и обществѣ (В. Пушкина),
Воспоминанія (Ө. Глинки), *О дружбѣ*
 и *Отрывокъ* изъ письма (Карамзина).

Выпишемъ изъ сего отрывка нѣсколько спрочекъ, въ коихъ ясно изображается добрая, высокая душа нашего незабвеннаго писателя:

„Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что со слезами чувствую признательность къ Небу за свое историческое дѣло? Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ стихомъ воспоргѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только шрудомъ, любовію къ Отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ чинать моей исторіи: она есть, и довольно для меня . . . . за немнѣемъ чинателей могу чинать себя и боромать сердцу, гдѣ и что хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минушы,

Какъ лебедь, на водахъ Меандра

Пропѣвъ, умолкнешь навсегда.

Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Оица. Въ мои веселые свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смер-

ни, мало заботясь о безсмертїи авторскомъ, хотя и посвящая здѣсь способности ума авторству. Такъ пишушь къ друзьямъ изъ уединенія...“

22 Октябрия 1825.

Изъ Спихошвореній первое мѣсто и по мыслямъ и по выраженію рѣшительно занимаетъ *Гласъ* (О. Глинки). Вотъ оно :

Чей шопотъ въ душу проникаешь ?
 Кто говоришь мнѣ : „Веселись !
 „Година счастья насшулаешь.
 Ужь годы скорби пронеслись.
 Уже грѣховъ истерлись цѣли
 И расклепались кандалы :
 Однупса дубровой степи,
 И жашвы въздушь на скалы ;
 Настанеть новыхъ думъ порядокъ,
 Свершишся радъ завѣстныхъ чисель,
 И шайну въковыхъ загадокъ
 И прорицаній темныхъ смыслъ
 Постигнушь люди, и мгновенно
 Воспрянешь всякъ какъ пробужденный
 Отъ тяжкихъ воспаленныхъ сновъ :
 Пройдетъ лянство шумной злобы
 И въ паша - чувственныя гроба
 Войдетъ вторая жизнь — любовь !
 Повѣстъ сладкое прощенье
 Надъ осужденною землей
 И истечеть благословенье
 На широту земныхъ полей ;
 И люди вспръшатся какъ братья,
 И — дыши предъ лицомъ отца —

Другъ къ другу кинутся въ объятья,
И сложать въ дань его сердца.“

Баснь *Заяцъ и его друзья* (М. Дмитриева) рассказана легко и пріятно. Есть много стиховъ очень счастливыхъ. На примѣръ: Собаки погнались за зайцемъ, охотники.

. . . кричатъ : ашу, ашу!

Ну бѣдый заяцъ мрять поле!

А смерть за нимъ на всемъ лешу,

Онъ вправо, онъ назадъ, онъ *твобъ отвѣсть оттолъ* (*).

Перебѣгаетъ по сѣдамъ,

Или не видя гончихъ боля,

Присядетъ, лалки вверхъ, и смощришь—нѣтъ ли шамъ
Друзей? — . . . . .

Читатель пройдетъ съ удовольствіемъ по *библіотекѣ* Князя Вяземскаго и повлоритъ за нимъ инья сужденія объ Авторахъ. Нѣкоторыя эпиграмы прибраны удачно, на примѣръ о Горациѣ сказано :

Мудрецъ незыблемый и царедворецъ гибкій.

О Руссо :

Врагъ фанатизма былъ, фанатикъ ты упорной.

Выпишемъ еще нѣсколько стиховъ

о семъ писателѣ :

Другимъ оставя трудъ костерь швой воздвигаешь,

Покаюсь : я люблю съ тобою разсуждать,

Во свѣдъ тебѣ идши отъ важныхъ истинъ къ
шуткамъ (**)

И смѣло пламентъ враждою къ предразсудкамъ.

(*) Полусишше нехоршее.

(**) Поано любилъ ам шущить Руссо?

Какъ смертный ты блуждалъ, какъ гений ты парилъ,
И въ области ума свѣшилость новыиъ былъ.

О Г-жѣ Спаль :

По сердцу женщина и по душѣ мужчина,
Философъ мудростью и пламенемъ Поэшь, и проч.

Замѣлимъ, что Князь Вяземскій любилъ прошивоположности, не всегда почтенныя Спихосложеніе въ сей піэсъ впрочемъ не лъзя, кажется, названъ легкимъ.

Наконецъ — обратимъ вниманіе публики на прекрасное, шрогашельное стихотвореніе В. В. И — у. Волъ при едиха, коими оканчивается оное. Авторъ, вспоминая о кончинѣ Карамзина, ко-
ему былъ другомъ, говоритъ :

Его ужъ нѣшь теперь, душа моя въ помлени,
Гладишь на капарись, гладишь на небеса,
И ждешь въ безмолвіи свиданія часа.

О прочихъ стихотвореніяхъ представляемъ судить самимъ читателямъ.

О стихотвореніяхъ Г-на Барашинскаго, помѣщенныхъ въ Липш. Музеумъ, не спланемъ говорить здѣсь, потому что скоро будемъ имѣть случай говорить о всѣхъ Стихотвореніяхъ сего писателя. По тому же не говоримъ и объ опривкѣ изъ Иліады Г-на Гнѣдича, изъ Тасова Иерусалима Г-на Райча. *М. П.*

*Собрание разныхъ сочиненій Е. Фукса.
СПБургъ, въ тип. Смирдина 1827, въ
8-ю д. 236.*

Сочинишель извѣстенъ уже Публикѣ своею Исторіей походовъ Суворова. Находясь нѣсколько лѣтъ при особѣ первѣйшаго изъ нашихъ полководцевъ, онъ имѣлъ случай замѣтить многія изреченія, многія черты характера сего необыкновеннаго мужа, котораго каждое слово, можно сказать, есть достояніе Исторіи, — который съ тонкостью ума придворнаго соединялъ прямоу обращенія воинскаго, при Европейской образованности гордился сохраненіемъ привычекъ совершенно Русскихъ, — который въ свое блистательное поприще не встрѣчалъ непріятеля, себѣ равнаго въ геніѣ. Не знаемъ, сожалѣли ли или радовались, что судьба не разсудила за благо пропивушославить его Наполеону; тогда только попомство могло бы произнести: кто изъ двухъ великихъ полководцевъ величайшій?

Разказы о Суворовѣ въ его домашнемъ обращеніи составляютъ главную и занимательнѣйшую часть нынѣ вышедшей книги, важной по самымъ матеріаламъ, изъ коихъ она собрана; любопытное

попомство будешь благодарить за оныя. Дѣло Кришки — обратишь вниманіе на его способъ изложенія. Опдавъ оному должную похвалу, осмѣлимся полько замѣтить, что слогъ у Гна Ф. часто напыщенъ: мы желали бы видѣть Суворова описаннымъ съ Суворовскою мужественною краткостью. Согласны, что человекъ, бывший вблизи Героя и видѣвшій его во многихъ случаяхъ необыкновенной его жизни, долженъ говорить о немъ съ бѣльшимъ жаромъ, нежели знающій полько по слуху; но жаръ обнаруживается не многословіемъ, не восклицаніями. — Также должно замѣтить, что сочинитель иногда излишне заботится о сравненіи нашего Героя съ иноземными, на пр: въ спашѣ *Лаконизмъ Суворова*, къ чему было помѣщать слишкомъ извѣстные лаконическія изреченія Леонида, Юлія Цезаря, Генриха IV? Образованный читатель самъ можетъ ихъ припомнить, когда нужно.

Не смотря на сіи недоспажки, произведенія Г-на Фукса вообще ославляютъ въ Русскомъ читателѣ впечатлѣніе пріятное: въ нихъ видны энтузіазмъ Паштіона, и кромѣ спашей, которыхъ занимательность составляетъ Герой, слава опчизны нашей, какъ-то: *Лаконизмъ Суворова* и двухъ слѣдую-

щихъ , съ особеннымъ удовольствіемъ можно перечитывать письмо о переходѣ чрезъ Альпы , воспоминаніе о Вѣнѣ , письмо изъ Милана , и проч.

IV.

Политическое обозрѣніе Новой Испаніи , Александра Гумбольта , второе изданіе , 1827 (*).

(Essai politique sur la nouvelle Espagne , par Alexandre de Humboldt).

Въ семь новомъ изданіи большаго творенія Гумбольта сдѣланы дополненія и поправки , доставляющія намъ множество подробныхъ извѣстій касательно перемѣнъ , случившихся въ Мексиканскомъ Государствѣ . Сіи извѣстія показываютъ пользу , какую торговля Европы и сѣверной Америки можетъ получить отъ каналовъ *Океаническихъ* для сношеній съ Индіей и Китаемъ , съ Перу , Гвапималою и Сѣверо-Западнымъ берегомъ Америки . Онѣ относятся къ увеличенію народонаселенія между природными жишелями , къ производству

(*) Четыре тома in 8° съ Географическимъ и Физическимъ Атласомъ , состоящимъ изъ 20 картъ in folio. 186 франк.

мошешы во время гражданскихъ смышеній, къ вывозу золоша, къ вымыванію его въ Бразиліи, къ торговлѣ гóрода Вера-Круцъ, кошорой все производствво ошь 1795 до 1820 года возвысилось до 538, 848, 162 піаспировъ. Наконецъ, сіи извѣстія касающія до множества обстоятельствъ, чрезвычайно важныхъ для стараго и новаго Свѣта.

Названіе *Новой Испаніи* принадлежало нѣкогда обширной спранѣ, кошорой завѣдывалъ Вице-Король Мексиканскій. Но первоначально это имя дано было только провинціи Юкатану, гдѣ цоварищи Конквистадора Грижальвы нашли поля, обработанныя съ величайшимъ раченіемъ, зданія о многихъ эпажахъ и городà многлюдные. Имя самой Мексики происхожденія Индѣйскаго. На языкѣ Азтекскомъ оно значить жилище бога войны, кошорый называется Мексипли. Чаше называли сей городъ Тенохтитланъ, нежели Мексико. „Сіи извѣстія, говоритъ Гумбольцъ, не могутъ назваться мѣлочными; ибо дѣло идетъ о Государствѣ, кошорое человекъ предприимчивый, покорившій его, починалъ сподъ обширнымъ и важнымъ, что совѣщовалъ Карлу Пятому присоединить къ своему шишлу Римскаго Императора шишло *Императора Новой Испаніи.*“

Испанія вдвое меньше Мексики. Не принимая въ разсужденіе непредвидимыхъ бѣдствій, можно надѣяться, что менѣе нежели черезъ сто лѣтъ, народонаселеніе сего Государства будетъ равно числу жителей Государства главнаго. Соединенные Штаты Сѣверной Америки со времени, какъ уснуплена Лузіана, содержащъ въ себѣ 260,000 кв. миль; ихъ народонаселеніе не многимъ превосходитъ Мексиканское, и сіе послѣднее Государство имѣетъ одно важное предъ ними преимущество. Число невольниковъ, Африканцевъ и племена смѣшеннаго, тамъ почти ничтожно: выгода, которую колоніи научились цѣнить только послѣ ужасныхъ происшествій революціи на С. Доминго.

Нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, болѣе Новой-Испаніи наполненнаго волканами, и едва ли есть другое, гдѣ бы горы имѣли образованіе, болѣе странное. „Въ Европѣ, говоритъ Гумбольдтъ, Швейцарія, Савойя и Тироль почитаются землями весьма высокими; но его мнѣніе основывается единственно на видѣ горъ, которыхъ вершины вѣчно покрыты снѣгомъ и которыхъ сплунушя цѣпями, часто параллельными цѣпи центральной. Вершина Альпъ возносятся на 3,900, даже на 4,700 мепровъ высомы, между нѣмъ какъ долины со-

сѣднвенныя въ Кантонѣ Бернскомъ имѣють оной только 400 и 600. Сія высота, весьма умеренная, есть почти общая бѣльшей части обширныхъ плоскихъ возвышенностей Швабіи, Баваріи и Новой Силезіи. Въ Испаніи, объ Кастиліи находящаяся на высотѣ въ 580 мепровъ. Во Франціи самая высокая плоская возвышенность есть Овернская, на которой утверждены горы Доръ, Канпаль и Пюй-де-Домъ: высота оной содержитъ 720 мепровъ. Вся плоская возвышенность Африки, къ С. отъ параллельной линіи 31° широты, обилаемая Бешьюанами, Коранасами и Босьесманами, на 880 шаговъ выше морской поверхности. Въ Перу, высочайшія вершины образуютъ гребень Андскихъ горъ; въ Мексикѣ вершины, хотя не столь высокія, однакож имѣющія отъ 4,900 до 5,400 мепровъ высоты, разсыяны по плоской возвышенности, образуемой оплотосіями горъ. Перу и Королевство Новая Гренада представляютъ долины, коихъ перпендикулярная глубина простирается иногда до 1400 мепровъ. Сіи долины причиною, что жишеди могутъ путешествовать только верхомъ или пѣшкомъ; или ихъ носятъ на себѣ Индѣйцы, называемые *Cargadores*. Въ Мексикѣ повозки вѣзять

опъ города Мексики до Санта-Фе, на пространствѣ болѣе 500 миль (lieues). Вообще плоская возвышенность Мексики такъ рѣдко прерывается долинами, покажется ея такъ ровна, что до города Дуранго, въ Новой Бискайн, на 140 миль (lieues) разстояніемъ отъ города Мексики, земля постоянно возвышается отъ 1,700 до 2,700 мепровъ надъ поверхностью сосѣдственнаго Океана: такова высота проходовъ въ горахъ: Сенись, С. Голарда и С. Бернарда. Между городомъ Мексико и малыми городами Кордобою и Ксалепою является гкупа горъ, неуступающихъ въ высоту высочайшимъ вершинамъ твердой земли Новаго свѣта. Слѣбиль только назвать четыре горы, коихъ высота до Гумбольша была не извѣстною: Попокатепетль (5,400 мепровъ) Ицмаксигуанль (4,786 мепровъ,) Сиплальтепетль (5,295 мепровъ), Нокампатепетль (4,809 мепровъ). Тѣ плоскія возвышенности, которыя выше долины Мексиканской, имѣють, подъ пропиками, климатъ суровый и непріятный даже для жителей Сѣвера. Таковы долины Золукекія и высоты Гушилагскія, гдѣ, въ продолженіе болѣеи части дня, воздухъ не нагрѣвается выше 6 или 8°. Оливковое дерево тамъ безплодно, меж-

ду шѣмь какъ на нѣсколько сотъ мепровъ ниже, въ долину Мексиканской, оно доспапочно награждаетъ труды садовника. Въ оныя края, называемыя холодными (terras frías) имѣюшь шу же шемпературу, что Франція и Ломбардія.

„Долго почитали“ говоритъ Гумбольдтъ „работу на рудоконьяхъ одною изъ главныхъ причинъ, уменьшающихъ народонаселеніе Америки. Безспорно, что въ первыя времена ея завоеванія и даже въ семнадцатомъ вѣкѣ множество Индѣйцевъ померло отъ неумѣренной работы, къ которой ихъ принуждали въ рудоконьяхъ; они погибли, не оставивъ потомства, подобно тѣмъ тысячамъ Африканскихъ невольниковъ, которые ежегодно гибнушь на островахъ Антилльскихъ отъ голода и бѣднѣй. Въ Мексикѣ, еще въ послѣдніе годы правленія Испанскаго, разработка рудниковъ была дѣломъ людей свободныхъ. Нѣтъ закона, который бы принуждалъ Индѣйца заниматься сею работою. Недовольный хозяиномъ одной рудоконни, Индѣецъ оставляетъ его, предлагая свои услуги другому, который платишь лучше или наличными деньгами.“ Во всей Мексикѣ при Гумбольдтѣ было не болѣе 30,000 человекъ, работавшихъ

въ рудоконняхъ и раздѣлявшихся на многіе классы, какъ-то: Баренадоровъ, Фаснеросовъ, Тенатеросовъ и Баршперосовъ. Слѣд. только $\frac{1}{200}$ часть всего народонаселенія была исключительно занята добываніемъ металлическихъ сокровищъ.

„Любопышно видѣть Мелписовъ и Индѣйцевъ, называемыхъ *Тенатеросъ*, которые, нося руду шесть часовъ сряду, навьючены грузомъ въ 225 и 350 фунтовъ, въ то же время подвержены дѣйствию весьма высокой температуры и безъ отдыха разъ восемь или десять восходящъ и сходящъ по лѣстницамъ въ 1,800 ступеней. Видъ сихъ трудолюбивыхъ и здоровыхъ людей заснавилъ бы переменить мнѣніе Рейналей, Пововъ (Raw) и всѣхъ тѣхъ писателей, которые такъ много кричали объ искаженности рода человеческого въ жаркомъ Поясѣ. Въ Мексиканскихъ рудоконняхъ десяти и двѣнадцатилѣтнія дѣти носятъ уже куски камней во сто фунтовъ вѣсомъ. Утверждающъ однакожь, что ремесло сихъ *Тенатеросовъ* вредитъ ихъ здоровью, если они входящъ въ рудоконни болѣе трехъ разъ въ недѣлю. — Всего скорѣе распроивается самое крѣпкое сложеніе работою *Баренадоровъ*, которые подрываютъ скалы порохомъ. Рѣдко живутъ они за

придцашъ лѣтъ, если, побуждаемые корыстлюбіемъ, продолжаютъ цѣлую недѣлю свою прудную работу: вообще они занимающіяся ею не болѣе пяти или шести лѣтъ, избирая послѣ ремесло, менѣе вредное для здоровья.

„Искусство рудокопное совершенствуется болѣе и болѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ сославились большія общества для разработкы рудниковъ Нового Свѣта. Мало по малу распространяющіяся почныя свѣдѣнія о проведеніи воздуха въ шахтахъ и штольняхъ; вводящіяся машины, избавляющія отъ необходимости носить руду и воду на людяхъ и по крутымъ лѣсницамъ. Чѣмъ болѣе рудокопни Новой Испаніи походятъ будущъ на Фрейбергскія, Клауссальскія и Хемницскія, тѣмъ менѣе здоровье работниковъ будетъ терпѣть отъ вліянія удушающаго воздуха и продолжительнаго, усиленнаго движенія мускуловъ.

Около пяти или шести тысячъ людей употреблено въ Мексикѣ на сортированіе металловъ и на работы, предшесшествующія оному. Значительная часть сихъ людей ходитъ всю жизнь босикомъ по кучамъ истертаго металла, размоченнаго и смѣшеннаго съ солянокислою содою, съ желѣзнымъ купоросомъ и сѣрнокислою ртутью, оки-

сленною дѣйствиемъ воздуха и свѣта, — и, что довольно странно съ перваго взгляда, сіи люди пользуются совершеннымъ здоровьемъ. Врачи, опирающіе ремесло свое въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рудоконни, единогласно утверждаютъ, что здѣсь очень рѣдки болѣзни, происходящія отъ всасыванія въ тѣло окисленной ртути. . . .“

Занимательное твореніе Гумбольдта содержишь въ себѣ также новыя, весьма любопытныя извѣстія о различіи кастъ, объ Индѣйцахъ или природныхъ Американцахъ, о ихъ числѣ и переселеніяхъ. Выписываемъ нѣсколькомъ съ.

„Оспавивъ подраздѣленія,“ говоритъ Гумбольдтъ „находимъ четыре касты между жителями Мексики: бѣлыхъ людей, называемыхъ вообще Испанцами, Негровъ, Индѣйцевъ и людей племени смѣшаннаго изъ Европейцевъ, Африканцевъ, Индѣйцевъ, Индѣйцевъ-Американцевъ, Индѣйцевъ-Малаккскихъ; ибо отъ частыхъ сношеній между Акапулко и Филиппинскими оспровами, многіе Азіянцы поселились въ Новой Испаніи. Вообще Индѣйцы составляютъ, кажется, болѣе двухъ пятыхъ всего народонаселенія. Они походятъ на природныхъ жителей Канады и Флориды, Перу и Бразиліи: вы видите такой же темной, мѣдной цвѣтъ кожи, волосы некудрявые и лоснящіеся,

бороду рѣдкую, глаза продолговатые и выпуклые, губы большія, и въ губахъ выраженіе крѣпости, противорѣчащее суровому, мрачному взгляду. Природные жители Новой Испаніи имѣютъ цвѣтъ кожи темнѣе въ сравненіи съ населенцами самыхъ жаркихъ странъ Южной Америки.

Гумбольдтъ замѣтилъ, что природные жители Новой Испаніи, по крайней мѣрѣ, шѣ изъ нихъ, которые покорены Европейцами, вообще живутъ очень долго. Мирные пахари, въ продолженіе шести сотъ лѣтъ осѣдлые въ деревняхъ своихъ — они не знаютъ опасностей и трудностей, испытываемыхъ въ жизни племенами воинственными другихъ странъ Америки. Сіи Индѣйцы, достигали бы, безъ сомнѣнія, старости, еще болѣе глубокой, если бы своего сложения не разслабляли пьянствомъ. Крѣпкіе напитки ихъ состоятъ въ водкѣ, приготавливаемой изъ сахарнаго простника, изъ маиса и пр., особенно же въ винѣ, которое дѣлается изъ сока сполыпника (*Agave Americana*). Послѣдній напитокъ весьма питателенъ. Многие изъ жителей, употребляющіе его въ большомъ количествѣ, долго могутъ обходиться безъ твердой пищи.

Впрочемъ пьянство, прибавляетъ Гумбольдтъ, есть порокъ, здѣсь не

споль общій, какъ обыкновенно думаютъ. Путешественники, проѣхавшіе на Западъ отъ горъ Аллеганскихъ между Огіо и Миссури, едва ли повѣряютъ намъ, что въ лѣсахъ Гвіаны, на берегахъ Оrenoка, мы находили людей, кошорымъ наша водка была прошивна. Есмь цѣлыя племена Индѣйскія, весьма воздержныя, у коихъ крѣпкіе напѣшки слишкомъ слабы. Въ Новой Испаніи пьянство очень обыкновенно между природными жителями, обитающими на Мексиканской долинь, въ окрестностяхъ Пуэблы и Тласкалы, и вездѣ, гдѣ только разводятся во множествѣ спольники. Въ самомъ городѣ Мексико полиція ѣздитъ по улицамъ съ ящичками для подниманія лежащихъ пьяницъ. Съ сими Индѣйцами обходится какъ съ мершвами; на другой день имъ на ноги надѣваютъ цѣпи, и заспавляютъ ихъ при дни чиспиль улицы. Выпуская на четвертый, можно надѣяться на той же недѣлѣ захватить многихъ изъ нихъ въ такомъ же положеніи!

Жители города Мексики, состоя частію изъ Индѣйцевъ, предспавляютъ многія кашпы, весьма различныя нравами и привычками.

Къ выпискамъ, извлеченнымъ изъ прекраснаго шворенія Гумбольта, прибавимъ нѣкошорыл извѣстїа, взятыя

изъ одного письма, 18 Ноября прошедшаго года, изъ Мексики. Это письмо одного молодаго Француза, недавно поселившагося въ семь городъ. „Можно раздѣлить“ пишешь онъ „всѣхъ жителей Мексики на два главные класса: одѣтыхъ и нагихъ или полунагихъ. Число первыхъ къ числу послѣднихъ относится какъ 1 къ 15, ибо къ послѣднимъ я причисляю и солдатъ, и вы увидите, правъ ли я.

„Классъ нагихъ имѣеть многіе виды. Впервыхъ, сюда относятся наспорящіе Леперы, имѣющіе только бѣлое исподнее платье, полотняный плащъ и шляпу съ широкими полями, надвигаемую на глаза. Въ семь-шо классѣ находясь воры и убійцы. Впрочемъ, они пользуются гражданскими правами, имѣють голоса на выборахъ, и каждый, въ свою очередь, за пресупленія, болѣе или менѣе важныя, прогуливается въ кандалахъ по улицамъ.

„Потомъ слѣдуютъ Индѣйцы сельскіе. Къ числу ихъ принадлежатъ всѣ торгующіе зеленью и живностью. Щегольская одежда ихъ состоить въ голубомъ платьѣ, которое достаееть до ногъ, въ особомъ родѣ камзола темнаго цвѣта и въ соломенной шляпѣ. Обувью служатъ имъ сандали.

„За ними слѣдуютъ такъ называемые *Tres classes*, *Ranchero*, и. е. кресль-

яне. Одежда ихъ чрезвычайно живописна. Они ѣздятъ обыкновенно верхомъ. Бѣдные носятъ кожаный камзолъ краснаго или коричневаго цвѣта, кожаное исподнее платье такого же цвѣта и особаго вида сапоги съ огромными шпорами. Кто изъ нихъ побогаче, носитъ плащъ изъ такой же кожи съ голубыми оплывами и серебряными пуговицами.

„Жители земель самыхъ отдаленныхъ, какъ то — Кверепаро, Дуранго, такъ называемыхъ холодныхъ (*terras frías*), имѣютъ одежду весьма красивую. Камзолъ, почти весь покрытый шипьемъ, суконное или бархатное платье, вышитое золотомъ, выложенное галунами, сапоги, также шипые золотомъ и называемые деревенскими (*botas de campaña*), славныя Мексиканскія шпоры и плащъ, похожій на одяло, прорѣзанное въ срединѣ, все вышитое золотомъ и серебромъ, подбитое бархатомъ — лаковъ костюмъ сихъ жителей. Такая одежда стоить до 70 пиастровъ. Сѣдла, совсѣмъ не похожія на Европейскія, но гораздо покойнѣйшія, покупаются каждое за 1,000 пиастровъ. Не лзя вообразить себѣ, какъ хорошо Мексиканцы выдѣлываютъ кожу и какъ искусно вышиваются по ней.

„Сии люди отличаются прямодушнѣемъ и храбростію — качествами, которыхъ не имѣють вышеупомянутые Леперы. Сидя на лошади, они кажутся Ценсаврами, опмѣнно искусно дѣйствуютъ саблею и, что еще ужаснѣе, арканомъ (lazo), которыми беруть непріятеля на двадцать шаговъ отъ себя, повергають на землю и шацуютъ за собою. Это орудіе свойственно также разбойникамъ, которыми усыпаны наши дороги. — Крестьяне Мексиканскіе — страстные игроки. Привхавъ въ Мексику изъ - за 120 миль за покупками, слѣзть съ лошади у дверей первого monte (шрактира, гдѣ играютъ въ карты), проиграть все деньги, продать лошадь, муловъ, планья свои и ворошиться ни съ чѣмъ — это дѣло весьма обыкновенное для здѣшняго крестьянина. Онъ спокойно говоритъ: *no acerté ni un albou* (я ничего не выигралъ). После игры первое для нихъ удовольствіе — бой съ быками. Схвативъ одного и свѣршѣйшаго изъ нихъ за хвостъ, опрокинуть на рѣбра и изломать ихъ — это большая для нихъ забава. Есть пословица, весьма обыкновенная въ такъ называемыхъ внутреннихъ областяхъ (*tierra dentro*): *sin recolto ne toros u a no hay mundo*, т. е. безъ карточной игры, да быковъ не стоить труда жить

на свѣтъ. Только спросишь ихъ къ женщинамъ равносильна привязанности къ сему роду забавъ.

„Вотъ все, что могу сказать вамъ о прошломъ народѣ: что касается до людей высшаго класса, то женщины не опрятны и курятъ цѣмой день, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ. Мужчины также не опрятны, но имѣютъ одно хорошее качество — жадность къ познаніямъ и увѣренность въ собственномъ невѣжествѣ. Самое презрительное сословіе составляютъ городскіе чиновники, вообще невѣжды, подлые и напыщенные: разоряются на картахъ и обманываютъ кого только могутъ. Солдаты ихъ еще хуже начальниковъ. Сихъ-то солдатъ недавно отправляли въ Сѣверные края Мексики, опустошаемыя Индѣйцами Якисами и Майкосами, кои провозглашаютъ возстановленіе государства Монтезумы. Не надобно однакожь думать, что можно воспользоваться сими внутренними безпорядками для завоеванія Мексики. Дороги ужасныя, почти непроходимыя для аршиллеріи, мѣста, гдѣ на тринадцати миляхъ не найдешь воды, солдаты, привыкшіе бѣгать по горамъ и довольные тридцатью зернами маиса въ день — вотъ препятствія, которыя вслрѣпятъ

завоеватель, не говоря объ ужасномъ прибрежномъ климатѣ, убійственномъ для иноспранца.

„Внутреннія смятенія, копорыя насъ беспокоятъ, еще долго не утихнутъ. . . . Я только годъ въ Мексикѣ, а при мнѣ ужъ было болѣе шридцати буншовъ или заговоровъ. Все еще дышетъ революціей; желаютъ войны и перевороповъ, но Правительство имѣетъ довольно силы. Надобно отдать ему справедливостъ: оно погашаетъ бунты при самомъ ихъ началѣ, но избѣгаетъ кровопролитія, и, когда прошла опасностъ, никого не беспокоитъ, наблюдая за всякимъ.

„Если Мексика можетъ служить, въ нѣкоторомъ отношеніи, примѣромъ для твердой земли Европы; то во многомъ и мы должны учиться у Европейцевъ. Здѣсь гораздо больше суевѣрія, нежели въ самыхъ Каполическихъ Государствахъ вашихъ, не исключая даже Испаніи. . . . Монахи-францисканцы поддерживаютъ вѣру народа. Нѣкоторые сами имъ вѣрятъ и многіе споль же погружены въ невѣжество, какъ и въ распушество. Увѣряютъ, что во всей Мексикѣ болѣе 6000 монаховъ; между тѣмъ какъ въ обласяхъ Виалежіо слишкомъ мало священниковъ, потому симъ послѣднимъ плахишя

чрезвычайно дорого — ошь 2 до 4000 пiasпровъ въ годъ. Государство съ робостью приступаетъ къ уменьшенію числа монастырей: здѣсь нужно опѣнное благоразуміе; ибо есть города, какъ-то: Оаяка и Пуэбла, гдѣ фанатизмъ господствуетъ еще въ высочайшей степени.

Вообще жить въ Мексикѣ не весьма пріятно для иностранцевъ, и 100 пiasпровъ въ мѣсяцъ едва достанетъ на самыя необходимыя издержки. Въѣхавши сюда, иностранцы, полные надеждъ, бросаютъ деньги на вѣтеръ, въ увѣренности поднятъ ихъ на дворъ. Но счастливы тѣ, которые обойдутся безъ долгу на первой годъ: скоро принуждены они прибѣгнуть къ самой строгой экономіи; ибо если удовлетворятъ всѣ свои приходы, то двухъ тысячъ въ мѣсяцъ не достанетъ на первыя потребности роскоши.

Касательно физическаго положенія Мексики, вы читали въ превосходномъ сочиненіи Гумбольдта, что сей городъ построень на одной изъ прекраснѣйшихъ плоскихъ возвышенностей міра, окружень горами и безпрестанно находится въ опасности быть совершенно затопленнымъ: ибо мѣсто, для него выбранное, можетъ служить лучшимъ бассейномъ для водъ окрестныхъ

рѣкъ и озеръ. Посему производились чрезвычайныя работы, приняты мѣры для отвращенія пошопы; но люди ученые не думаютъ, чтобы отвращена была опасность.

„Съ тѣхъ поръ, какъ Испанцы начали здѣсь строиться, истреблена большая часть деревъ въ окрестностяхъ Мексики, и единственно нѣсколько прекрасныхъ аллей свидѣтельствуютъ, что почва не совсѣмъ не способна для растеній. Большая часть озера также исчезла: причиною тому недостатокъ лѣсовъ; вмѣсто озера видимъ нынѣ однѣ болота (lagunas). Плодучіе сады оставлены и производятъ еще нѣсколько цвѣтовъ, разводимыхъ народомъ, чрезвычайно безобразнымъ, который по виду занимаетъ средину между людьми и обезьянами. Сей народъ для меня отвратительнѣе самихъ Негровъ, имѣя кожу цвѣта желтаго, часто покрытую пятнами — слѣдами проказы. . . .

Въ слѣдующемъ *No* покажемъ подробнѣе, какими новыми извѣстіями Гумбольдтъ обогатилъ второе изданіе своего творенія: выпишемъ мѣста, которыя дадутъ нашимъ читателямъ понятіе о нынѣшнемъ состояніи новой Испаніи.

(Изъ В. и.) Р.

С М Ъ С Б.

*Біографическое извѣстіе
о братьяхъ Ротшильдахъ.*

Между торговыми домами Европы или цѣлаго свѣта, которые единственно по благоразумному употребленію въ свою пользу представлявшихся имъ случаевъ, по дальновиднымъ соображеніямъ, предприимчивости, вѣрной оцѣнкѣ людей и соотношеній, вышли изъ границъ обыкновеннаго круга дѣйствій, содѣлались великими, цвѣтущими, и въ нѣкоторомъ отношеніи даже сильными, безпримѣрно ошличается домъ братьевъ Ротшильдовъ. По случаю смерти Бешмана во Франкфуртѣ на Майнѣ, котораго почитали однимъ изъ богатѣйшихъ Европейскихъ банкировъ, публичные листы объявляли недавно, что все его имѣніе простирается до 8 милліоновъ гульденовъ; — богатство дома Ротшильдовъ или лучше пяти братьевъ сего имени, какъ оказывается по довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, состоитъ изъ 50 милліон. гульденовъ; сверхъ того, по своему вліянію и связямъ, они могутъ дѣлать обороты еще на 100 милліоновъ. Слѣдующія извѣстія о началѣ и постепенномъ возвышеніи сего дома, такъ равно и Біографическія черты о каждомъ изъ членовъ онаго, заимствованныя изъ достовѣрныхъ источниковъ, безъ сомнѣнія, будутъ пріятны нашимъ читателямъ.

Майеръ Амшель Ротшильдъ, основатель и родоначальникъ сего дома, отецъ нынѣ живущихъ пяти

братъевъ, родился во Франкфуртъ на Майнъ въ 1743 году. Онъ лишился родителей по одиннадцатому году, и не имѣя никакого состоянія, принужденъ былъ опредѣлить себя на ученое званіе, что и теперь еще въ обыкновеніи между бѣдными Евреями въ Германіи; но по истеченіи немногихъ лѣтъ, оставилъ свои учебныя занятія и спалъ промышляя мелочною торговлею. Въ то время прекраснымъ источникомъ торговыхъ спекуляцій служила знатоку господствовавшая по сюду снрасть вельможъ и богачей собирать древнія монеты; въ слѣдствіе чего Амшель, бросивъ торговлю другими товарами, началъ образовывать себя преимущественно по части Нумизматики, и такимъ образомъ приобрѣлъ довольно обширное знакомство, которое въ послѣдствіи было для него весьма полезно, и составилъ себѣ весьма порядочные доходы; а упражняясь вмѣстѣ съ нѣмъ Бухгалтеріею и другими Коммерческими науками, онъ сдѣлался извѣстнымъ и получилъ въ послѣдствіи чрезвычайно выгодное предложеніе отъ одного Ганноверскаго купеческаго дома, въ которомъ пребылъ многіе годы и нажилъ съ помощію прилежанія и бережливости небольшой капиталъ. По возвращеніи своемъ во Франкфуртъ, онъ женился и основалъ до нынѣ существующій домъ торговый. Его дѣятельность, честность и познанія въ короткое время доставили ему довѣренность; по главное расширение круга его дѣйствій началось съ того времени, какъ Ландграфъ Гессенскій, замѣшившій въ немъ при покупкѣ древнихъ монетъ благонадежнаго и прозорливаго негоціанта, наименовалъ его въ 1808 году своимъ придворнымъ агентомъ, въ какомъ званіи Майеръ Амшель оказалъ весьма значитель-

или услуги бывшему пономю Курфирсту Гессенскому. Между прочимъ, когда Курфирсть при приближеніи Французской арміи въ 1806 вынужденъ былъ оставить свои земли, удалось ему мужествомъ и мѣрами благоразумія, хотя и не безъ личной опасности, сохранить значительную часть огромнаго имуществва сего Государя, которое едва не содѣлалось добычею Наполеона, — симъ капиталомъ располагалъ онъ добросовѣстно въ пользу Курфирста. Около сего же времени открылись первые обширные его обороты въ видѣ государственныхъ займовъ, по которымъ заключилъ онъ условіе съ Королевскимъ Датскимъ дворомъ, суммою на 10 милліоновъ. Въ 1812 году Ротшильдъ-отецъ умеръ. Предчувствуя близкую кончину, онъ призывалъ къ смертному своему одру девятирехъ дѣтей своихъ, далъ имъ благословеніе и заставлялъ произнести обѣщаніе никогда не перемѣнять своей религіи, а сыновьямъ преимущественно завѣщавъ взаимную любовь и сердечное согласіе. Никогда родительское завѣщаніе не было выполняемо съ такою точностію и никогда не сопровождалось большимъ вознагражденіемъ: отличительная черта въ характерѣ сего семейства есть, что всѣ члены оного, при каждомъ значительномъ случаѣ въ ихъ жизни, при обсужденіи и началѣ всякаго предпріятія, — какъ бы призывая въ совѣтъ тѣя своего родителя, — вспоминаютъ его мудрость, умъ и опытностію утвержденныхъ правилъ и никогда не производять имени его безъ особеннаго почтенія. —

Въ 1813 году начались въ слѣдствіе полишическихъ обстоятельствъ тѣ великія денежные и кредитныя предпріятія, кои возвели домъ братьевъ Ротшильдъ-

довъ на степень значительности, занимаемую имъ теперь въ Европѣ по торговымъ и финансовымъ оборотамъ.

Изчислять здѣсь въ подробности всѣ дѣла сего дома было бы напрасно и невозможно; ограничиваясь однимъ только общимъ обзоромъ неимоверной обширности оныхъ, замѣтимъ, что въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ чрезъ посредство сего дома принято и пущено въ оборотъ, частію въ видѣ займовъ, частію плашежемъ субсидій, 1200 милліоновъ гульденовъ, изъ которыхъ, около 500 мил. для Англіи, 120 для Австріи, 100 для Пруссіи, 120 для Франціи, 120 для Неаполя, 30 для Бразиліи и 12 для нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ дворовъ, — не включая впрочемъ въ сіе число ни уплаты отъ Французскаго двора многихъ соменъ милліоновъ союзнымъ Державамъ за понесенные военные убытки, ни многочисленныхъ договоровъ и дѣлъ, совершенныхъ по порученіямъ отъ различныхъ Правительствъ и которыхъ общій итогъ, можетъ быть, далеко превышаетъ вышесказанныя суммы.

Вопросъ, какимъ образомъ домъ брагъшевъ Ротшильдовъ въ столь короткое время возмогъ все сдѣланное имъ предпринять и исполнить, безъ сомнѣнія, составлялъ предметъ размышленія многихъ политиковъ и негоціантовъ. Должно согласиться, что успѣхъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ зависитъ не только отъ одного выбора и употребленія въ пользу благопріятной минуты, но еще болѣе отъ почнаго соблюденія однажды принятыхъ въ руководство основныхъ правилъ. Домъ Ротшильдовъ никогда не выпускалъ изъ виду двухъ правилъ,

коимъ онъ, при благоразумномъ распредѣленіи своихъ дѣйствій и при выгодныхъ расчетахъ, обязанъ большею частію своего вынѣшняго благосостоянія. Первое изъ сихъ правилъ было: рѣшимость пяти братьевъ совершать всѣ свои предпріятія общими силами, въ постоянномъ и непрерывномъ согласіи, — это есть золотое наслѣдіе, оставленное имъ отцемъ умирающимъ. Со времени его смерти всякое предпріятіе составляло предметъ общихъ между ними совѣщаній; всякій, хотя не много значительный оборотъ, исполнялся по условленному плану и соединенными усиліями, въ успѣхъ и неуспѣхъ онаго имѣли всѣ равное участіе. Хотя въ послѣдніе годы жили они порознь, вдалекѣ другъ отъ друга; но сіе обстоятельство, не нарушая нисколько взаимности существующаго между ними согласія, доставляло напротивъ еще и ту выгоду, что они, будучи въ состояніи имѣть полное свѣдѣніе о положеніи дѣлъ въ различныхъ главныхъ мѣстахъ, шѣмъ съ большею предусмотрительностію руководили и распредѣляли, каждый въ свою очередь, общими для всего дома оборотомъ. Другое правило, всегда обращающее на себя вниманіе дома, состоитъ въ томъ, чтобы ни въ одномъ торговомъ предпріятіи не стремиться исключительно къ слишкомъ большому выигрышу, поставлять опредѣленные границы всякому обороту, и сколько возможно, по мѣрѣ предусмотрительности и благоразумія человеческого, дѣлать себя независимыми отъ игры случая и постороннихъ вліяній. Въ строгомъ соблюденіи сихъ правилъ заключается одна изъ важнѣйшихъ тайнъ силы и могущества сего дома.

Заслуги братьевъ Ротшильдовъ публично признаны многими Дворами. Кромѣ различныхъ данныхъ имъ Орденскихъ знаковъ , въ 1813 году всѣ братья пожалованы въ Королевско-Прусскіе Тайные Коммерціи Совѣтники, въ 1815 сдѣланы Гессенскими Совѣтниками Финансовъ, а отъ нынѣшняго Курфирста получили чины Тайныхъ Совѣтниковъ. Императоръ Австрійскій въ 1815 году пожаловалъ имъ наследственное дворянское достоинство, а въ 1822 возвелъ на степень Бароновъ. Сверхъ того, живущій въ Лондонѣ братъ въ 1820 году наименованъ былъ шамошнымъ Австрійской Имперіи Консуломъ, а спустя два года Генеральнымъ Консуломъ; такъ какъ начальникъ Парижскаго дома сдѣланъ 1822 Генеральнымъ Консуломъ въ Парижъ. Мѣста жительства братьевъ Ротшильдовъ находятся теперь въ слѣдующихъ городахъ: *Амшель* или *Ансельмъ*, старшій братъ, родился 12 Іюня 1773, живетъ, въ качествѣ Начальника родового дома, во Франкфуртѣ на Майнѣ; *Соломонъ*, второй братъ, родился 9 Сентября 1774, съ 1816 года жилъ попеременно въ Берлинѣ и Вѣнѣ, большею частію однако же въ послѣднемъ городѣ; *Наванъ*, третій братъ, род. 16 Сентября 1777 — прозорливостію своею въ дѣлахъ торговли и важными услугами оныя приобрѣлъ довѣренность первыхъ Государственныхъ людей Великобританіи и живетъ съ 1798 г. въ Лондонѣ; *Карлъ*, четвертый братъ, род. 24 Апрѣля 1788, имѣетъ жительство съ 1821 въ Неаполѣ; *Яковъ*, меньшій братъ, род. 15 Мая 1792, находится

ея 1812 въ Парижъ и женашь на дочери втораго брата, самой любезной женщиной своего времени.

(А. Z.)

***

И при семъ Биографическомъ извѣстїи сдѣлаемъ мы замѣчаніе, что въ ономъ не достаешь нужныхъ показаній: желательнo было бы знать капиталъ Ротшильда во время основанія торговаго дома во Франкфуртѣ, — потомъ первыя приращенія онаго съ означеніемъ, когда, въ слѣдствіе какихъ предпрїятій онѣ происходили, — чѣмъ сіи предпрїятія ошличались, смѣлостію или расчетливостію, — какія неожиданныя благопрїятныя обстоятельства спосбшествовали къ приведенію ихъ въ дѣйствіе.

М. П.

О Русскомъ крестьянинѣ Трифонѣ Егоровѣ, учредителѣ первой Жакардовой машины въ Москвѣ.

(Сообщено).

Кому изъ любителей Мануфактуръ не известна важная машина, изобрѣшенная Жакардомъ? Въ 1824 году выданы были въ Москвѣ отъ Правительства чертежи оной, — и кшожь первый, съ патристическою ревностію, принялся за усрвеніе столь полезной машины по сѣмъ чертежамъ? — Простой *неученой* Русской крестьянинъ Трифонъ Егоровъ. Находясь съ малолѣтства на разныхъ фабрикахъ работникомъ, онъ

самоучкою выучился грамотѣ, рисовать и составлять рисунки для шелковыхъ матерій и, при свойственной народу Русскому смѣливости, легко понималъ все чертежи машинъ, до его занятій относящихся. Такимъ образомъ умному и опытному Егору^{овъ} не многого труда стоило понять устройство Жакардовой машины, и въ 1824 году онъ, сдѣлавъ Жакардову машину со всеми принадлежностями, привелъ оную въ томъ же году въ дѣйствіе. О такомъ похвальномъ трудѣ Егорова довели до свѣденія его помѣщицы Ея Превосх. Катерины Александровны Бибиковой, которая, какъ бы въ награду за такой его подвигъ, отпустила его на волю того же 1824 года въ Іюль мѣсяцъ. Послѣ сего онъ записался въ Московскіе мѣщане и, заключивъ условіе съ Московскимъ купцомъ В. Е. Соколовымъ, устроилъ на фабрикѣ его Жакардовы машины (*). Между тѣмъ съ легкой руки Русскаго крестьянина употребленіе Жакардовыхъ машинъ годъ отъ году начало распространяться, такъ что теперь такихъ машинъ въ Москвѣ въ разныхъ фабрикахъ находится въ дѣйствіи по Май мѣсяцъ сего года до *оцми сотъ*.

Послѣ сего какъ не удивишься, что у насъ нигдѣ до сихъ поръ ничего не сказано о введеніи въ употребленіе въ Отечествѣ нашемъ столь полезной машины? Отъ чего-жъ это происходилъ? Отъ того, что мы холодно ко всему отечественному и *изрѣдка* и какъ бы *отъ скуки* осведомяясь о досшойномъ примѣчаніи вокругъ насъ. . . И одно ли это у насъ неизвѣстно? Мы, неблагодарно

(*) Теперь на фабрикѣ Соколова такихъ машинъ находится семьдесятъ; всѣ онѣ устроены и дѣйствуютъ подъ надзоромъ Трифона.

оставляя безъ вниманія опечиственное, любимея шолько бездѣлками иностранными, и рады и довольны, когда узнаемъ о какомънибудь новомъ обычаѣ Французовъ или Англичанъ... Но изопдалился отъ предмета. Снова обращался къ учрежденію въ Москвѣ Жакардовыхъ машинъ, нужнымъ почишаю къ сказанному мною объ оныхъ присовокупить слѣдующее: на сей машинѣ Русской ткачь дѣлаеть отъ 30 до 35 аршинъ шелковыхъ матерій въ недѣлю, получая за сіе плату самую умеренную, а именно: 60 копѣекъ съ аршина.

Желательнo, чтобы фабриканты наши надлежащимъ образомъ пользовались драгоцѣнною Жакардовою машиною; надлежащимъ образомъ, говорю я, ибо (грѣхъ ушамъ) у насъ есть дурная привычка заспаивать хорошихъ работниковъ и на хорошихъ машинахъ дѣлать, для мѣлочныхъ выгодъ, товаръ негодный. Это, вредя успѣхамъ торговли, заспаиваетъ иногда самыхъ безпристрастныхъ предпочитать иностранныя произведенія Русскимъ, а иноземцы, пользуясь симъ случаемъ, кричатъ, что Русскіе не умѣютъ ничего сдѣлать!

Въ заключеніе скажу, что Жакардова машина, съ такимъ успѣхомъ распространившаяся на Московскихъ фабрикахъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ усовершенствована здѣсь же въ Москвѣ и Русскими; о чемъ надѣюсь извѣстить читателемъ М. В. въ послѣдствіи.

N. N.

Последнія известія о Капитанѣ Фрааклинѣ.

Недавно получены въ Англіи письма отъ сего смѣлаго и неутомимаго путешественника. Онѣ писаны съ Мыса Сабинскаго. Изслѣдовавъ твердую землю Америки въ большей части сѣверной широты ея, Фрааклинъ возвратился къ проливу Берингову, намереваясь ѣхать въ Европу черезъ Кантонъ; часть его экспедиціи должна была идти прежнимъ путемъ.

Основаніе новой Республики Фредоніи.

Американскіе Журналы отъ 16 Февраля извѣщаютъ объ отдѣленіи провинціи Тексасъ отъ Мексики и о соединеніи оной съ племенами Индѣйскими. Сія провинція, подъ именемъ республики *Фредоніи*, объявила себя независимою 16 Декабря прошлаго года. 1го Января долженъ былъ собраться національный Конгрессъ въ Накодгошь для сочиненія конституціи. Въ одномъ журналѣ сего города, 16 Генваря, помѣщенъ союзный договоръ между новою республикой и 33-ми Индѣйскими племенами, подписанный въ Накодгошь 21 Декабря. Два изъ особъ, подписавшихъ сей договоръ въ качествѣ Агента Краснаго народа, есть Гюнтеръ, весьма извѣстный въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Флагъ республики будетъ состоять изъ двухъ полосъ, красной и бѣлой, въ знакъ соединенія бѣлыхъ людей съ красными.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Желаніе.

Хотѣлъ бы я разлѣться въ міръ;
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ шепеть,
Звѣздою въ сумрачномъ зѣврѣ
Ночной свѣшльничекъ свой зажечь.
Хотѣлъ бы зыбно стекаявой
Играть въ бездонной глубинѣ;
Или лучемъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.
Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ вишьясь вокругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;
Жить ласточкой подъ небесами,
Къ дѣвѣтамъ ласкался кошмалкомъ,
Или надъ дикими скалами
Носишься дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было бы въ природѣ
 То жизнь и радость разливать,
 То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
 Пространство неба обещать!

А. Хомаковъ.

Безпредѣльность.

(Изъ Шиллера).

По морю вселенной направляя я бѣгу:
 Тамъ якорь мнилъ бросить, гдѣ видишь брегъ
     Пучины созданья,
     Гдѣ жизни дыханья
 Не слышно — гдѣ смолкла стихійная брань —
 Гдѣ Богомъ творенью послана грань.

*

Я видѣлъ, какъ юныя звѣзды встають,
 Пулемъ вѣновѣчнымъ по тверди текутъ,
     Какъ дружно летѣли
     Къ божественной цѣли. . . .
 Я далѣ — и взоръ огланулъ окрестъ,
 И видѣлъ пространство, но не было звѣздъ.

*

И вътра быстрѣе, быстрѣе лучей
Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй.

И небо за мною

Одѣлося мглою. . . .

Какъ волны потока, такъ сонмы планешь
За спранныкомъ міра кишѣли во слѣдъ.

*

И лупникъ со мной повсирѣчался тогда,
И вошь вопрошаешъ: „Товарищъ, куда?“

— Къ предѣламъ вселенной

Мой путь неизмѣнной:

Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,
Отъ вѣка созданьямъ посшавлена грань!

*

— „Кинь якорь! предѣловъ имъ нѣтъ предъ тобой.“

— Ихъ нѣтъ и за мною! пупъ конченъ и твой! —

Свивай же въшрило,

О духъ мой увылой,

И далѣе, смѣлый, лешъше не держай,

И здѣсь же съ отчаянья якорь бросай!

С. Шевырсаъ.

Малороссійскія пѣсни.

1.

Ой у лѹзѣ калина весь лугъ изкрасила ;
 Породила стара мами жовнѣроцька сына.
 Породила-жь вона ёго въ темнёнькихъ но́чѹ,
 Дала ёму бѣле личко и чорныи очѹ.
 Було жь минѣ бѣлѣнького личка не давати.
 Було минѣ, моя мами, счастье й долю дати.
 Плаче жовнѣръ, плаче чорными очѹма :
 Вечѣроцька на столѣ, а смерть за плечѹма.
 Ой не дай же, не дай Боже въ походѣ умерти,
 Тамъ нѣкому доглянути жовнѣрської смертѹ:
 Вѣроць прилѣтае, въ очѹ заглядае —
 Въ очѹ заглядае, шѣло объѣдае —
 Охъ объѣвъ вона бѣле шѣло — кѣстѹ покидае !

2.

Ой летѣла зозуленька
 Черезъ поле, гай ;
 Да й згубила рябѣ перце
 На тихій Дунай.

Ой якъ тому рябѣнькому
 Перцю на Дунаю ;
 Ой такъ минѣ сиротинѣ
 На чужѣму краю.

Ой покочу золотый перстень
 По крушой горѣ;
 Пойшли мои лѣта зъ свѣща
 Якъ листъ по водѣ.

3.

Береза, чому ты не зелѣна? —
 Ой якъ минѣ зелѣною буйи:
 Пѣдо мною Ташаре стояли,
 Конышами землю красовали,
 Шаблями голья позтынали! . . .

1. *Жовитръ* — солдатъ. *Вѣнь, вонд* — онъ, она.
Вегѣра, вегерѣнька — ужинъ.
  2. *Гай*, (Польск. *Gaj*, Нѣмецк. *Gaun*) — роща.
Зозуленька — кукушечка.
Згубила — потеряла.
Рябѣ перцѣ — рябое, пестрое перышко.
  3. *Шабля* — сабля; *голья* — вѣшви; *позтынали* —
 посрубливали, отъ Словенскаго *тати*, рубить.
Красовали — топтали, отъ Польскаго
Krasować, или собсещ. отъ Нѣмец. *Grassiren*.
- Для выговора пусть читатели вспомнятъ сказанное
 въ № 8 на с. 419. —

Въ память Веневитинова.

1

Блеснулъ онъ мигъ какъ лучъ прелестный Мая,
 Проплъ онъ мигъ какъ майской соловей;
 И ни любви, ни славы не внимая,
 Онъ воспарилъ въ страну мечты своей.
 Не плачь о немъ, завѣтный другъ Поэта!
 Въ жизни, онъ изъ міра не исчезъ;
 Онъ будетъ лучъ божественнаго свѣща,
 Онъ будетъ звукъ гармоніи небесъ.

2

Благословимъ безъ малодушныхъ слезъ
 Его полешь въ страны Эмира,
 Гдѣ вѣчна мысль, гдѣ воздухъ слытъ изъ розъ,
 И вѣчной жизнью дышетъ лира!
 Друзья! Онъ тамъ какъ-бы въ семьѣ родной.
 Тамъ Ангелы его цѣлуютъ,
 Его поятъ небесною струей
 И милымъ братомъ именуютъ.

В. Туманскій.

П Р О З А.

Италянцы.

(Опрывокъ изъ Путешествіи по
Испаліи). (*)

1825, Сентября —

Испалію по справедливости называюшъ раемъ Европы; но справедливо также и то, что сей рай населенъ людьми падшими, — народомъ поперявшимъ подобіе своихъ предковъ.

Доблесть Римская временъ Фабриціевыхъ извѣстна здѣсь только послуху; одни пороки вшораго и прешьяго вѣка, какъ наслѣдіе завѣщное, сохранились неизмѣняемыми. Это Римляне уже разслабленныя, понущіе въ нѣгѣ, въ роскоши и въ бѣдности.

Разительныя черпы, опличающія Испаліанца, сущъ черныя и какъ бы полубозженныя волосы, смуглое лице и выразительность въ голосѣ, сопровождаемомъ обыкновенно шѣлодвиженіями. Въ бѣглыхъ и верпящихся глазахъ его видны, хотя и не надолго, пламень воображенія и живость чувствъ. Благораспоренный воздухъ и всепроникающій эфиръ, развертывая душевныя

(*) Желательно, чтобы сіе любопытное путешествіе напечатано было поскорѣе вполнѣ. *Издатель.*

способности и склонности прежде времени, производятъ здѣсь такое же дѣйствіе въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ. Жизнь Италіянца по большей части романическая, которую онъ часто начинаетъ еще на пятнадцатомъ году. Любовь, открывающая ему сладость бытія, и ревность, терзающая его сердце, сопутствуютъ ему съ сего времени до масленичныхъ седмицъ. Въ Италіи, какъ и во Франціи, нѣтъ мужей, и спаросить также быстро наступаютъ здѣсь за юностію, какъ въ Россіи весна за зимою.

Италіянцы по большей части привѣтливы и ласковы; но сіи качества, кажется, происходятъ не столько отъ врожденной доброты, сколько отъ сознанія слабости и униженія, въ которомъ они поставлены и до котораго сами довели себя. Потерявъ древнее благородство, они содѣлались недостойными и древней самобытности. Священное чувство любви къ Отечеству, источникъ блистательныхъ дѣяній, и гордость великихъ думъ, погасли какъ бы навсегда въ душѣ ихъ. Консуль Бонапарте наложилъ на нихъ ярмо рабства; они облобызали руку его, воздвигли ему торжественныя воропа и обоготворили его въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Я видѣлъ въ

одной Ломбардіи множество картинъ и статуй , представляющихъ Аполлона , Геркулеса , Марса и Юпитера съ порешною головою Бонапарте (по есть съ сприженными волосами и съ бришой бородою) — достойные памятники низкой и раболыпной лести! Привычки бытъ управляемы бичемъ или булавою, Италіянцы скучаютъ и ропщутъ подь мирными скипетрами законныхъ правительствъ.

По видимому нѣтъ народа набожнѣе Италіянцевъ , которые молятся и благовременно и безвременно , и дома и на поржищахъ. Но сія мнимая набожность по большей части есть не что иное , какъ изувѣріе , омраченное самымъ грубымъ невѣжествомъ. По дорогамъ разставлены вездѣ часовни ; горы прообразуютъ или Фаворъ или Ермонь ; наружность домовъ покрыта иконами и надь дверями самыхъ пишейныхъ мѣствъ.

Легковѣріе Италіянцевъ простираетъ ся до веимовѣрной степени. Они не ищутъ , а пребываютъ чудесъ , не разсуждая нимало о ихъ достовѣрности. Сновидѣнія , гаданія , волшебства , все входитъ въ систему ихъ суевѣрія. Они привязаны къ чувственности до излишества и все духовное хотятъ облечь въ вѣщественность. Многіе изъ церковныхъ праздниковъ смѣшаны съ древними

Римскими обрядами; другіе обращены въ драматическіе предшавленія: таковъ праздникъ поклоненія Волхвовъ, получившій начало въ 14 столѣтіи въ Миланѣ и еще по сихъ поръ предшавляемый во многихъ мѣстахъ Италіи. Содержаніе его слѣдующее: три челоѡка въ Царской одеждѣ и въ вѣнцахъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты музыкантовъ, пажей, конюшихъ, лошадей и другихъ живописныхъ, ѣдутъ верхомъ за шолпою молещниковъ, несущихъ передъ ними золотую звѣзду. На дорогѣ они встрѣчаютъ Ирода, сидящаго на тронѣ и окруженнаго дворомъ своимъ. Иродъ останавливаетъ ихъ и вопрошаетъ о мѣстопребываніи новорожденнаго Царя. Они даютъ ему отвѣтъ и продолжаютъ шествіе свое въ церковь. Тамъ находясь въ ясляхъ младенца; покланяются ему, кладутъ передъ нимъ дары, потомъ ложатся на помостъ и припвряются спать. Во время сна является вѣспникъ для того, чтобы запрешить имъ возвращаться тою же дорогою.

Индугенціи Папскія до сихъ поръ такой же имѣютъ ходъ въ Италіи, какой имѣли въ шринадцатомъ или четырнадцатомъ столѣтіи. Симъ именемъ называющся грамоты, дарующія оппущеніе грѣховъ будущихъ или на опредѣленное время или на всю жизнь. Самыя важ-

нѣйшія изъ нихъ послѣднія, носящія шипло полныхъ и пожизненныхъ: *Indulgentia plena et perpetua*. Объявленіями о сихъ индулгенціяхъ покрыты колонны, врата и стѣны почетныхъ монастырей и храмовъ. Условія, на которыхъ онѣ раздаются мірянамъ, бываютъ разныхъ родовъ, но вообще довольно легкія. Иногда пребуешся только выслушать пятнадцать или семь обѣдовъ въ почетной церкви, чтобы имѣть полное право грѣшить въ жизни настоящей и освободиться отъ чиспилица въ мірѣ будущемъ. Опытъ доказаль, что таковыя мѣры, принимаемыя сламошнимъ духовенствомъ, не только не ушверждаютъ народа въ нравственности, но еще даютъ ему поводъ къ самымъ превратнымъ о ней понятіямъ. Съ другой стороны, людей образованныхъ онѣ охлаждають въ самыхъ священныхъ чувствахъ.

Въ Италіи все имѣеть своего папрона, выбираемаго изъ сонма святыхъ: города, веси, скоты и люди. Самые разбойники, какъ увѣряють, спавяють въ число своихъ папроновъ перваго вошедшаго въ рай разбойника. Разбой превращають сію прелестную спрану въ мрачный вершеть, и подобно язвѣ, свирѣпствуютъ отъ одного ея края до другаго. Къ тому частію способствуешь самое ея положеніе, по-

крышое горами, частію раздѣленіе на мѣлкія владѣшельные учаски, управляемые одно ошъ другаго независимо. Полиція Церковной обласпи, состоящая изъ духовенства, вмѣсто строгихъ мѣръ упошребляетъ шолько такія, которыя доказывають ея слабость. Съ шайками разбойниковъ ведетъ она переговоры, какъ бы съ войскомъ непріятельскимъ, и въ слѣдствіе пракпашовъ планишь имъ часію консприбуци, какъ-бы завоевателамъ. Однимъ словомъ, разбой сдѣлались въ Италіи зломъ неизбѣжнымъ, и правительство Римское вынуждено наконецъ, какъ увѣрляютъ публичные листы, назначить нѣсколько городовъ въ убѣжище разбойникамъ, съ такимъ условіемъ, чшобы успѣвшіе скрышья въ сихъ священныхъ оградахъ, могли бышь совершенно свободными ошъ преслѣдованія законовъ.

Изображенные мною до сихъ поръ нравы и обычан принадлежатъ болъшею частію черни; шеперь надобно сказашъ нѣсколько словъ объ ученыхъ и художникахъ. Науки Физическія и врачешья находяшья здѣсь въ довольно цвѣтущемъ сосшояніи, Юридическія, по болъшей частши, ограничивающья Правомъ Римскимъ и уложеніями Папскими. Университешы гордятся именами Галилеевъ и Галваніевъ, а Академіи художествъ еще

и до сихъ поръ не находятъ достойныхъ соперницъ въ Европѣ. Овидій приписывалъ изящнымъ искусствамъ способность и силу смягчать нравы народовъ : такъ онѣ дѣйствовали вездѣ и во все времена; но въ Италіи производятъ теперь совершенно противоположное дѣйствіе. Онѣ нужны здѣсь для того, чтобы умѣрять порывы чувствъ и воображенія, или, какъ говорилъ Аристотель, чтобы *очищать нравы* обузданіемъ излишней чувствительности. Ваяніе современны Кеновы вступило здѣсь въ новый періодъ. Сей великій Геній показалъ художникамъ и возможность и способы сослѣзаться съ древними. Живопись, можно сказать, основана на одной степени, но, по крайней мѣрѣ, сохранила ея блестящія достоинства знаменитыхъ школъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Музыка есть искусство Италіанцевъ. По видимому, во всей Европѣ есть только два рода или двѣ методы музыки, поражающія своею оригинальностью : одна Русская, другая Италіанская. Характеры той и другой определяются различными степенями образованности двухъ народовъ, различными ихъ нуждами и ощущеніями, наконецъ самымъ вліяніемъ различныхъ климатовъ. Музыка Русская любитъ тоны унылые, выражаемые бе-молью ;

музыка Италіанская отличаетсѣ нѣжностію и живостію. Первая есть простое изліяніе сердца: послѣдняя — выраженіе самаго вкуса. Одна пѣицца въ неизвѣстности Генія, которій открылъ бы ей новое и блистательное поприще: другая же господствуетъ на стогнахъ и въ черпюгахъ. Знаніе музыки въ Италіи почитаетсѣ первымъ условіемъ общежитія. Самое правительство смотритъ на сіе искусство, какъ на главную потребностъ государственную. Въ прошломъ году Его Святейшество Папа Леонъ XI произвелъ четырнадцатилѣтняго мальчика въ Графское достоинство — за то только, что таланты его и успѣхи въ фортепіанахъ подавали лестную о немъ надежду.

Въ Италіи мало поэтовъ, но есть импровизаторы. Способность выражать всякой предметъ стихами безъ всякаго приготовленія и безъ малѣйшей остановки есть такой феноменъ, котораго объясненіе еще на долго останется загадкою для психологовъ. Обыкновенно приписываютъ ее начетливости памяти, частому упражненію въ общихъ пѣническихъ мѣстахъ и въ особенннсти гибкости и гармоніи языка. Къ сему надобно прибавить также и вліяніе самаго климата: ибо въ Италіи были импро-

визашоры еще и въ древнiя времена. Овидiй, какъ извѣстно, говорилъ стихами почти съ самаго младенчества. Я былъ свидѣтелемъ достопримѣчательныхъ въ семь родѣ опытовъ старца Микели, въ городѣ Эксѣ, что въ Савойѣ. Одинъ изъ числа посѣтителей предложилъ ему тему превращенiя Лотовой жены въ соляной столпъ. Сухость предмета принудила старика на нѣсколько минутъ задуматься и сморщиться. Потомъ онъ вышпунилъ на сцену и дрожащимъ голосомъ началъ пѣть родъ приступа, возвышая первое и понижая послѣднее въ каждомъ стихѣ полустигиѣ. По окончанiи сей прелюди, которая продолжалась около четверти часа и приготавливала его постепенно ко вдохновенiю, онъ произнесъ на заданной предметъ около двухъ сотъ стиховъ, сопровождая ихъ сильными пѣлдвиженiями. После сего опыта предложили ему воспѣть жалобы Арiадны на измѣну Тезея. Чело старца прояснилось; и казалось, онъ чувствовалъ приближенiе Аполлона. Въ одно мгновенiе начавъ равнымъ образомъ прелюдию, онъ произнесъ послѣ оной до шрехъ сотъ лирическихъ стиховъ, въ которыхъ удивилъ знатоковъ языка Италiанскаго правильностию стопосложенiя, силою чувствъ и новостiю мыслей. Попухающее его воображенiе, какъ

говорили, еще веѣхиваетъ и бросаетъ блестящія искры.

Ораторское искусство въ большомъ упадкѣ въ Италіи и остается почти на однихъ каедряхъ Церковныхъ. Кто не видалъ Италіанскихъ проповѣдниковъ, и особливо молодыхъ канониковъ, тошъ не можеть вообразить, какую вольность они позволяютъ себѣ въ чтеніи и тѣло-движеніяхъ. То разхаживаютъ взадъ и впередъ по каедрѣ и разговариваютъ сами съ собою, то внезапно обращаются къ слушателямъ съ громами или съ язвительною сатирою, то вдругъ бросаются въ кресла и развалившись въ нихъ небрежно, обмахиваютъ себя плашкомъ, какъ вѣеромъ.

Есть еще въ Италіи родъ випійства, который можно назвать *пародическимъ*. Имъ завѣдываютъ обыкновенно площадные шарлатаны, говорящіе всегда шеномъ напыщеннымъ о предметахъ, самыхъ мѣлкихъ и низкихъ. Изъ числа ихъ обратилъ мое вниманіе одинъ зубной лѣкаръ, урожденный Римлянинъ, котораго я видѣлъ въ Туринѣ. Онъ явился на площади въ великолѣпной колесницѣ, впряженной двумя гордыми конями. Народъ толпился вокругъ и съ нешерпѣніемъ ожидалъ открытія рвчи; между тѣмъ какъ зубной лѣкаръ на-

хмуривъ брови; казался еще погруженнымъ въ глубокія думы, какъ некогда Демосеенъ передъ вступленіемъ на кафедру съ важнымъ политическимъ предложеніемъ. Наконецъ онъ вспаль съ сѣдалища; приподнялъ шляпу и началъ прѣснуть со всею скромностію, предлагаемою въ Репорикахъ, и такимъ же почти періодомъ, какимъ начинается рѣчь Цицеронова за законъ Манлиевъ; однимъ словомъ: Операторъ-Орапоръ: Лице его исполнено было выраженія; голосъ чистый и сладкій, и держа въ левой рукѣ зубные щипчики, онъ правою дѣлалъ движенія, по большей части умѣренныя; приличныя сану орапора и ходу рѣчи. Онъ разсуждалъ, доказывалъ, пламялъ и проталъ. Мѣсто, гдѣ онъ описывалъ болѣзни человека, есть одно изъ достопримѣчательныхъ: „Сіе бѣдное твореніе, воскликнулъ онъ, рождаемое въ болѣзняхъ и умирающее отъ болѣзней, поставлено въ семь міръ для того, чпобы во всю жизнь свою боролсья съ болѣзнями. Такъ, братья мои; вся наша жизнь не что иное естъ, какъ непрерывная война. Правосудное и преблагое Небо, посылающее во гнѣвъ своемъ сихъ бичей нашей плоти, въ то же время посылаешъ намъ крѣпкую броню и сильныхъ помощниковъ. Броня сія — рѣшительность, помощники — искусные врачи. Но мы не

хотимъ имѣть рѣшительности и опавшаго руку помощи, просиращаемою врачами. О! какое спранные и непостижимое явленіе въ цѣпи твореній, этошь человекъ, называемый существомъ разумнымъ. Онъ спраждаетъ и готовъ предпочесть цѣлую жизнь спраданій одному мгновенію боли. Но что такое одно мгновеніе въ цѣлой жизни? — одно мгновеніе? это капли, упавшая въ обширный и неизмѣримый Океанъ. Одно мгновеніе? это молнія, мелькнувшая въ безпредѣльности небесъ. Одно мгновеніе? О сколько уже пролетѣло драгоценныхъ мгновеній съ той минуты, какъ я началъ съ вами бѣсѣдовать!“ Это единоначашіе упо momento произвело сильное волненіе въ слушающихъ. Орашоръ хотѣлъ воспользоваться дѣйствіемъ своей рѣчи и бросилъ послѣдній перунъ краснорѣчія. „Думаете ли вы, продолжалъ онъ, что корыстолюбіе водить мою душу и моими руками? Нѣтъ, друзья мои: я врагъ сего низкаго чувства; душа моя чиста, руки мои неповинны. Соспраданіе, одно соспраданіе къ спраждающимъ моимъ брашніямъ привело меня на сію площадь. — Ну! идите сюда, кому угодно, идите; я буду дергать зубы даромъ, безъ платы.“ Заключение сіе повидимому было самымъ убѣдительнымъ доводомъ и

самую пріятною фигурою изъ всей его длинной рѣчи. . . Oratio triumphat, и робкіе крестьяне пошгнулись гусемъ къ Орактору-Оператору. Они становились на подножки коляски и спояли съ разными ршами еще и въ то время, какъ выдернутые ихъ зубы уже лепали надъ головою любопытной публики. Картина забавная, особливо въ профиль!

Можно бы еще многое сказать о Итальянцахъ; но, къ сожалѣнію, надобно бы было говорить о злоупотребленіяхъ чиновъ, развратѣ богачей и о другихъ подобныхъ предметахъ, оскорбляющихъ наблюдателя и всѣхъ друзей челоуѣчества.

А. Глаголевъ.

Описание Изола-Беллы.

(Изъ Жан-Поля Рихтера).

. . . . При свѣтѣ полнаго мѣсяца сошли они въ лодку и помеслись по блестящимъ волнамъ. Цезаро, молча, глубже и глубже погружался мыслію въ неясныя красоны бѣрега и ночи. Вдохновенные соловьи привѣщствовали весну въ преддверіи ея храма. Сердце юноши наполнилось чувствами и воздымало тѣсную грудь. Но онъ боялся поспешнаго разсвѣта: не хотѣлъ, чтобы красота роскошнаго утра возникла передъ нимъ, какъ искусственный вѣнокъ, набираемый по листочку. Нѣтъ! сердце, помимое привычною жаждой рѣзкихъ впечатлѣній, требовало, чтобы природа однимъ разомъ высыпала всѣ дары свои изъ обильнаго рога. Онъ закрылъ глаза съ намѣреніемъ открыть ихъ на самой верхней террасѣ острова въ минуту солнечнаго восхода.

Шоппе думалъ, что онъ спитъ, но Грекъ понялъ всю нѣгу эпаго пришествія и въ досаду Цезаро началъ говорить о величественной красотѣ береговъ, между которыми они плыли. „Какъ гордо“ сказалъ онъ „какъ гордо спойтъ шамъ замокъ Лицанса на горѣ

своей! А эта гора? она подымается къ небу, какъ Геркулесъ, опоясанный двѣнадцатью виноградниками!“ — Счастливецъ молчалъ и вмѣсто отвѣта пожалъ другу руку. Наспоящее ему какъ будто снилось: онъ перпѣливо дожидался и, подобный ребенку, который съ шрепешнымъ сердцемъ ждетъ новаго года, еще скрышаго подъ завѣсою ночи, Цезаро спремился на легкой ладѣ своей къ близкому раю. При мерцаніи луны Діанъ нарисовалъ положеніе мечлапеля въ своемъ альбомѣ. И хотѣлъ бы имѣть эшошь рисунокъ, хотѣлъ бы видѣть юнаго моего друга въ эли минушы наслажденія, когда онъ взоромъ мечпаній погружался въ міръ внутренній и внимательнымъ жаднымъ слухомъ ловилъ движенія міра внѣшняго. Какъ это превосходно въ картинѣ! но сколь еще превосходнѣе въ жизни!

Покровъ ночи рѣдѣлъ; упренній вѣшерокъ вѣялъ прохладою. Жаворонки и соловьи сливали голоеъ свой съ веселою пѣснію гребцовъ, и Цезаро слышалъ радостныя открытія друзей, которые видѣли, какъ въ прибрежныхъ городахъ начинала кипѣть суетливая шолпа на рода, какъ попеременно въ горныхъ водопадахъ игралъ румяный лучъ зари или скользили по нимъ туманъ упренній. Наконецъ на вершинахъ отдаленныхъ

каштановыхъ деревьевъ повисла заря, какъ златая нить яблоковъ Гесперидскихъ, — и пушники выспунили на Изола-Беллу.

Когда восходили они по десяти террасамъ, слѣпой мечтатель слышалъ вздохи, волновавшіе грудь поварищей, упоенныхъ трепетною радостію; онъ слышалъ быспрыя восклицанія восторга, но имѣлъ швердосць не открывашь глазъ, и зажмурясь щелью по террасамъ среди благоуханія померанцовыхъ деревьевъ, освѣжаемый нагорнымъ вѣтеркомъ, вѣявшимъ изъ-подъ зыбкаго свода лавровыхъ листьевъ. Вступивъ на самую верхнюю террасу, подъ коюрой во глубинѣ бо-ши сажень плескали шумныя волны озера, Шоппе воскликнулъ: Теперь! теперь! — „Нѣтъ!“ опивчалъ Цезаро „пусть взойдетъ солнце!“ — И упрепнѣй вѣперъ выкапиль солнце изъ-за темной сѣни дровесъ: оно ярко запылало надъ ихъ вершиною. — „Смопри теперь!“ неперпѣливо сказала Діанъ. — „Боже мой!“ воскликнулъ Цезаро съ трепетомъ восторга, когда онверзлись предъ нимъ неизмѣримыя врата неба и предстала въ величїи Олимпъ Природы съ покойными боже-спвами своими. Чудесный мїръ! Альпы спомли, какъ древнее, крѣпкимъ союзомъ соединенное семейство богаты-

рей, и гордо возвышали прошивъ солнца блестящія щины горъ дедовиныхъ; — синій плащъ лѣсовъ лежалъ на раменахъ исполиновъ; — у ихъ подножія сплались холмы и виноградники. Упренній въперокъ, пробираясь между сводами лозъ роскошныхъ, игралъ съ водопадами: они, какъ ленты, висѣли съ горъ и наполняли богатое зеркало озера, отражавшее ихъ переливное мельканье; — густая опушка каштановыхъ лѣсовъ окружала водяную равнину. Цезаро медленно обращалъ взоры кругомъ, смотрѣлъ на горнюю высоту, на глубину, на солнце, на цвѣшны; — и на всѣхъ высотахъ пылали огни, возженные мощною рукою природы — и въ глубинахъ сверкали ихъ отблескъ. . . . Творческая сила, какъ сердце, билась въ нѣдрахъ земли и производила горы и моря. — Ахъ! онъ видѣлъ, какъ подъ крыломъ одной непоспужимой матери плодны ея малюшкы рѣзвились въ волнахъ, взвивались подъ облака — онъ слѣдилъ взоромъ легкія суда, копорыя въ отдаленіи съ вѣтромъ упреннымъ пробирались между Альповъ — и Изола Мадре высипавшая предъ нимъ семь садовъ своихъ и маняла съ сего возвышенія прямымъ полемомъ успрямляясь на ея вершину. — Передъ нимъ съ ея бѣрега бросались фазаны въ волны: онъ стоялъ на цвѣшну-

щемъ дернѣ, какъ птица, кошорой перья обломаны бурюю, проспираль къ упренному въпру рѹки свои какъ крылья и спремился душевно, вслѣдъ за фазанами, освѣжишь сердце въ бѣющей струѣ природы.

Съ робоспїю взялъ онѣ, не оглядываясь, рѹки друзей, жаль ихъ, чтообъ не говоришь. Величїе вселенной мучительно разверзло грудь его: она имъ съ воспоргомъ упивалась. Подобно орлу, устремилъ онѣ взоры на солнце; опъ освѣпительнаго блеска скрылась передъ нимъ земля; онѣ споялъ, какъ бы одинокїй: земля казалась ему чернымъ дымомъ. Тогда разорвалась душа его, какъ бурная пуча, вспыхнула и излилась слезами. . . .

Безмолвно сошелъ онѣ съ террасъ и часто проводилъ руку по омоченнымъ глазамъ, чтообы сперешъ съ нихъ огненную пѣнь, кошорая все еще мелькала для него на всѣхъ вершинахъ и уступкахъ.

Волшебная природа! взирая на себя съ любовїю, мы болѣе любимъ друзей своихъ. Должны ли оплакивать, должны ли забыть ихъ — ты въ красотѣ неизмѣнной пребываешь съ нами, какъ зеленый холмъ, позлащенный зарею вечерней.

Ахъ! и душа, которую роса идеаловъ хладишь какъ дождь осенній, — и сердце, для котораго смертный, скипающійся въ вертепахъ жизни, есть не что иное, какъ сухая мумія, согбенная на посохъ въ пещеръ могилной, — и око мрачное, навѣки погибшее для радостей, — и гордый полубогъ, сердцемъ одинокимъ, ослывшимъ для любви, прикованный къ вѣчному спраданью: — всѣ они, усладительница - природа! находятъ утѣшеніе въ очаровательныхъ швоихъ объятіяхъ. Ты ихъ пламяешь изобиліемъ цвѣтовъ, горами и водопадами своими. Разшерзанный полубогъ съ хладнымъ безмолвіемъ спираетъ съ очей оптяжелѣвшую на нихъ каплю спраданія, чтобъ никакой шуманъ не скрывалъ отъ него болѣе ни огнедышущихъ горъ, ни прелестей весеннихъ, ни блеска солнцевъ швоихъ.

М.

НАУКИ.

Древности.

О названіяхъ мѣсяцевъ у древнихъ
Ольеіополитовъ.

Жители древней Ольвіи, происходя отъ Милісійскихъ Іонянъ, естественно должны были слѣдовать обычаямъ своей Метрополи, какъ въ исчисленіи времени, такъ и въ другихъ гражданскихъ установленіяхъ. Слѣдовательно должно полагать, что мѣсяцесловъ, у нихъ употреблявшійся, былъ составленъ по образцу мѣсяцеслова Іонійскаго или Аппическаго.

Названія нѣкоторыхъ мѣсяцовъ, находимыя на памятникахъ Ольвіи, служатъ подтвержденіемъ сему заключенію. Прекрасная надпись Теокла, изданная сначала Г. Келеромъ, а потомъ Г. Рауль-Рошешпомъ, начинается сими словами: „Въ Правленіе Теокла, сына Сапирова, „Архонта въ 4 й разъ, и поварницей „его, 15 числа мѣсяца *Воудроміона*,“ и проч.

Мѣсяць *Воудроміонъ* заимствованъ изъ мѣсяцеслова Аѳинскаго, подобно какъ и *Аноестиріонъ*, названный въ одномъ отрывкѣ надписи, найденной Г-мъ Бларамбергомъ въ развалинахъ Оль-

віи, и хранящейся нынѣ въ Одесскомъ Музеѣ. Очень жаль, что сія еще неизданная надпись составляетъ только начало *Псифисмы*, или Опрежденія древнихъ Ольвіополитовъ, и заключаешся въ слѣдующихъ неполныхъ словахъ:

„ . . мѣсяца *Анеестиріона*. . . Совѣтъ
 „ и народъ признали за благо. . . . Архон-
 „ ты рекли. . . .“

Другой отпрысокъ равномерно не изданной надписи на мраморѣ, хранящейся въ Николаевскомъ Депо Картъ, упоминаетъ о мѣсяцѣ *Гамиліонѣ*, принадлежащемъ, подобно какъ и первые два, къ мѣсяцеслову Аппиическому или Іонійскому.

Нельзя однакожь поспавинишь непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ города Іонійскіе, не взирая на происхожденіе ихъ отъ Аѳинянъ, строго слѣдовали Аппиическому лѣтосчисленію: памятники, въ развалинахъ таковыхъ городовъ найденные, показываютъ иногда противное. Такимъ образомъ, изъ числа 9 мѣсяцовъ, встрѣчаемыхъ въ надписяхъ Кизики, Милисійскаго поселенія на берегахъ Пропонтиды, пять только принадлежатъ къ Аѳинскому мѣсяцеслову; два къ Македонскому, а остальные два, *Тагреонѣ* и *Кадамеонѣ*, единственно чрезъ Кизикскія надписи извѣстными стали.

Двѣ надписи, извлеченныя изъ развалинъ Ольвіи и досель еще не изданныя, представляющъ намъ такое же смѣшеніе въ мѣсяцесловѣ Ольвіополишовъ.

Первая изъ сихъ надписей, находящаяся прежде въ Кабинетѣ Г-на Бларамберга, а нынѣ принадлежащая Одесскому Музею, заключаешъ въ себѣ слѣдующій отрывокъ Псифизмы: „При Архоншъ . . . „и шоварицахъ его, . . . мѣсяца *Артемисія* . . . по предложенію Синедровъ . . . „Сократъ сынъ Эпикратовъ, Ока . . . „сынъ Папьевъ, рекли: Поедику Хрис . . . „сынъ. . . . Херсонисецъ, мужъ.“ . . .

Сіе начало опредѣленія выводитъ на сцену сновниковъ, именовавшихся въ Ольвіи *Синедрами*, и о коихъ еще не было упоминаемо на памятникахъ сего гóрода. Тутъ же находимъ мы названіе мѣсяца *Артемисія*, принадлежащаго къ мѣсяцеслову Македонскому, но упоиреблявшемуся, какъ надпись сія доказываешъ, и въ Ольвіи. Сей самый мѣсяць встрѣчается и на мраморахъ Кизики, города построенаго, какъ и Ольвія, Милисійскими Іонянами, слѣдовательно происходившаго равномерно отъ Аонянъ. Сіи два примѣра заставляють полагать, что Іоняне, оставивши Аттику для переселенія въ Малую Азію, перемѣнили названія нѣкоторыхъ

мѣсяцовъ, смотря по происшествіямъ и мѣсячнымъ обстоятельствамъ. Быть можетъ также, съ другой стороны, что и Аѳиняне дали иныя названія въ-копнымъ мѣсяцамъ, уже по опыти Іонянъ въ Азію. Сіе послѣднее заключеніе можетъ нѣсколько быть подкрѣплено тѣмъ; что первый мѣсяць Аѳинскаго года, именовавшійся прежде *Хронономъ*, въ честь Хрона (времени) или Сатурна, по свидѣтельству древнихъ Авторовъ получилъ въ послѣдствіи названіе *Екатомвеона*, по причинѣ великаго числа Екатомвъ, обыкновенно въ печеніи сего мѣсяца приносившихся богамъ языческа. Названіе мѣсяца *Артемисія*, происходящее отъ имени Діаны, по гречески Арлемиды, вѣроятно было издревле въ употребленіи у большей части жителей Греціи; и быть можетъ, что только въ послѣдствіи Аѳиняне дали мѣсяцу сему названіе *Мунихіона*, заимствованное отъ имени Мунихіи, селенія въ Аллшкѣ, въ коемъ Діана имѣла знаменитый храмъ. Какъ бы то ни было, мѣсяцы *Артемисій* и *Мунихіонъ* соответствовали одинъ другому по различнымъ мѣсяцесловамъ народовъ Греческихъ и были посвящены одному и тому же божеству, то есть Діанѣ. Мѣсячное названіе *Мунихіона* могло быть введено въ одной Аллшкѣ,

погда какъ у Іонянъ сохранилось древнее наименованіе *Артемисія*, какъ происходившее непосредственно отъ имени той богини, въ честь коей въ то время совершались празднества и приносились жертвы. Памятники Эфеса, славившагося знаменитымъ во всей Древности храмомъ Діаны, и надписи, найденныя въ Кизикъ, свидѣтельствуютъ что названіе мѣсяца *Артемисія* было въ употребленіи въ сихъ двухъ Іонійскихъ городахъ; и если взять въ соображеніе то, что Діана была особенно чшима въ Тавридѣ, землѣ соседственной Ольвіополитамъ, и что самыя Ольвіополиты воздавали почести сей богинѣ, изображая ликъ ея на монетахъ: то не должно казаться удивительнымъ, что въ Ольвіи названіе того мѣсяца предпочтительнѣе производилось отъ имени Діаны или Артемиды, нежели отъ Мунихіи, мѣспечка, о коемъ, вѣроятно, отдаленные жители Понна Эвксинскаго мало слышали.

Надлежитъ сказать здѣсь, что ученые новѣйшихъ временъ не справедливо заключили, будто Греки Малой Азіи позаимствовали названіе мѣсяца *Артемисія* отъ Македонякъ. Эфесяне замѣчаютъ въ одной изъ надписей своихъ, что Македонскій мѣсяць *Артемисионъ* назывался у нихъ *Артемисій*. Если

бы имя сего мѣсяца было ими позаимствовано отъ Македонянъ, то совершенно бесполезно бы было упоминать о семъ незначущемъ различіи. И потому весьма вѣроятно, что Македоняне, вмѣстѣ съ прочими народами Греціи, взяли изъ общаго источника, и въ опдаленнѣйшія времена Древности, названіе своего мѣсяца *Артемисіона*, равно какъ и мѣсяца *Панема*, вспрѣчающагося смѣшаннымъ съ Аонскими мѣсяцами въ мѣсяцесловахъ Кизикянъ, Дельфянъ и другихъ народовъ Греціи.

Всѣ сіи примѣры показываютъ, что мѣсяцесловъ Іонянъ не совершенно сходствовалъ съ мѣсяцесловомъ Аонянъ, и что нынѣшніе ученые напрасно смѣшиваютъ лѣтосчисленіе обоихъ сихъ народовъ, называя Аонскіе мѣсяцы безъ различія *Аттическими или Іонійскими*.

Не взирая однако же на то, что названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, употребившіяся у разныхъ народовъ Іонійскаго происхожденія, не сходствовали съ Аттическими именами оныхъ; не взирая на измѣненія, съ обѣихъ сторонъ въ сихъ названіяхъ послѣдовавшія — мы уже видѣли выше, что большая часть такихъ названій вспрѣчается равномерно въ мѣсяцесловахъ Іонянъ и Аонянъ. Народы всегда придерживаются обычаевъ

и преданій, относящихся къ ихъ начальному образованію, и самыя опдаленныя переселенія и смѣшенія съ другими народами не изглаживають оныхъ совершенно. Если названіе мѣсяца *Воидроміона* даже въ суровомъ климатѣ Скиѣи не потерпѣло измѣненія и постоянно упоупреблялось жителями Ольвии; то сему можно опредѣлить особенную причину, по коей всѣ вообще Іоніане должны были ненарушимо сохранять имя сіе въ преданіи. Ибо извѣстно, что происхожденіе онаго относится къ Греческому выраженію *прибѣгать на помощь*, и что *Воидроміи*, праздновавшіяся Аѣинянами въ семь мѣсяць, были устанавлены въ воспоминаніе помощи, поданной Іономъ, сыномъ Ксуфовымъ, Аѣинскому Царю Эрехею, въ войнѣ прошиву Фракійскаго Царя Эвмолпа. Іонъ, побѣдивши непріятеля въ кровопролитномъ сраженіи, освободилъ Аштику отъ чужеземнаго ига. Іоняне, принявшіе названіе свое отъ сего Иродъ, безъ сомнѣнія должны были свято хранить память происшествія, прославившаго родоначальника ихъ столь блестящимъ образомъ.

Не должно умолчать, что по мнѣнію нѣкошорыхъ древнихъ писателей, празднество *Воидроміи* было устанавлено въ память побѣды, одержанной

Оисеемъ надъ Амазонками въ печеніи мѣсяца Воидроміона. Но первое преданіе кажется вѣрояшнѣе.

Обратимся къ мѣсяцослову Ольвійскому: Мы уже видѣли, что изъ числа чешырехъ Ольвійскихъ мѣсяцовъ, сдѣлавшихся извѣстными посредствомъ надписей, три принадлежатъ къ Календарю Аѣинскому; а одинъ къ Македонскому, или лучше сказать, къ Іонійскому. Пятый мѣсяць, *Каламей*, встрѣчается въ отрывкѣ надписи Ольвійской; хранящемся въ Николаевскомъ Депо Карсъ. Отрывокъ сей состоить изъ двухъ неполныхъ строкъ и заключаетъ сіи слова: „... При Поплѣ (Архонтѣ)... мѣсяца *Каламея*. . . .“

Мѣсяць *Каламей* не встрѣчается ни въ Аѣинскомъ, ни въ Македонскомъ мѣсяцесловахъ; однако жъ не принадлежитъ исключительно къ Ольвійскому. Ибо, безъ сомнѣнія, онъ есть почти самый, который въ надписяхъ города Кизики называется *Каламеонъ*, и о коемъ уже упомянуто было выше. До сихъ поръ ученые считали сей мѣсяць *мѣстнымъ*, то есть, употреблявшимся въ одной Кизикѣ: но Ольвійская надпись уничтожаетъ сіе заключеніе и доказываетъ, что названіе мѣсяца *Каламен* или *Каламеона*, могло быть въ употребленіи и въ другихъ Іонійскихъ

поселеніяхъ, особливо же въ городахъ, происходившихъ отъ Милисіянъ, каковы были Кизика и Ольвія.

Не можно ли предположить, что названіе сего мѣсяца происходитъ отъ Греческаго слова, означающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ *жатеу*? И за симъ, не вѣроятно ли будетъ, что въ печеніи онаго производилось собираніе плодовъ земныхъ? — Известно, что въ древности, подобно какъ и нынѣ, хлѣбъ составлялъ значительнѣйшую отрасль торговли въ нѣхъ странахъ, гдѣ существовала Ольвія; что служеніе Цереры было въ особенномъ уваженіи у Ольвіо-политовъ, посвятившихъ сей богинѣ знаменитый храмъ на мысѣ Ипполая, насупротивъ ихъ города, и изображавшихъ лице ея на монетахъ: почему и не должно казаться удивительнымъ, если народъ сей ввелъ названіе *Каламеона* для означенія времени, въ которое производилась жатва и которое вѣроятно знаменовывалось жертвоприношеніями и сельскими празднествами въ честь божества, надѣлявшаго людей, по мнѣнію язычниковъ, всеми благами земными.

Недавно одинъ знаменитый иностраннѣйшій писатель старался, любопытными изысканіями, доказать существованіе въ Ольвіи мнимаго мѣсяца *Дро-*

Мопеда: но мнѣніе его доспапочно опровергнуто однимъ изъ нашихъ ученыхъ Академиковъ. Излишне бы было повпоришь извъстное.

Что же принадлежитъ до Македонскаго мѣсяца *Дистроса*, упоминаемаго въ одной надписи на мраморѣ, въ Николаевскомъ Дѣло Каршъ хранящейся и о которой говорятъ вышеозначенные ученые мужи; по на сіе замѣчу только, что помя мраморъ былъ найденъ при мнѣ 1809 года въ Керчи, а не въ Ольвіи, слѣдовательно и названіе означеннаго на немъ мѣсяца; и эпоха, при помя начертанная, принадлежатъ несомѣнно не Ольвіи, а царству Воснора Киммерійскаго. Да и какъ бы могъ существовать въ мѣсяцесловѣ Ольвіополитовъ Македонскій мѣсяць *Дистросъ*, тогда какъ мы находимъ въ немъ соотвѣтствующавшій сему *Дистросу* Аппиническій мѣсяць *Анеестиріонъ*? Противно бы было здравой Кришикъ полагать, что Ольвіополиты могли называть одно и то же время года двумя сноль различными именами.

И. Стемпковскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

О богатствѣ относительно къ народонаселенію.

Отрывокъ изъ книги:

Nouveaux principes d'économie politique; ou de la richesse dans ses rapports avec la population; par I. C. Z. Simonde de Sismondi. Seconde édition. Paris, 1827. deux vol. in 8°.

Новыя основанія Государственнаго хозяйства, или о богатствѣ въ отношеніи къ народонаселенію, соч. Сисмонди. Парижъ, 1827 г. 2 части 8°.

(Новое изданіе сочиненія Сисмонди, вышедшее въ то время, когда ужасный и неожиданный переломъ открываесть разсужденіямъ экономисповъ обширное поприще, безъ сомнѣнія, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ занимающихся сею важною и трудною наукою. Сочиненіе Сисмонди при самомъ появленіи въ свѣтъ встрѣшило множество противниковъ, ибо оны возспалъ на мнѣніи большей части людей, пользующихся авторитетомъ въ сей наукѣ. Главнымъ недоспашковъ называли въ Авторъ то, что оны въ политическую экономію вмѣшивалъ нравственныя разсужденія и такимъ образомъ ввелъ въ нее начала разнородныя; но упрекъ сей можесть показаться важнымъ только для пѣхъ, кои въ

полиэкономической науки цифрь, рядъ отвѣченныхъ задачъ, рѣшаемыхъ опредѣленно, безъ всякаго предложенія. Справедливо ли такое мнѣніе? Наука, важная только по своему отношенію къ бытію общества, можетъ ли имѣть основаніе особое? Вещественное благосостояніе человека — предметъ экономіи политической, составляетъ только часть того сложнаго организма, котораго мы называемъ порядкомъ общественнымъ, и вопросы, къ нему относящіеся, должны быть въ связи, во всѣхъ отношеніяхъ, съ прочими частями системы сего организма. Опредѣляя другъ отъ друга различныя условія порядка общественнаго, мы нарушаемъ равновѣсіе, долженствующее господствовать между ними, развиваемъ одну часть системы во вредъ цѣлому и наконецъ жертвуемъ частной пользою въ угоду всего человѣчества. Г. Сисмонди полагаетъ, что таковы могутъ быть слѣдствія нѣкоторыхъ правилъ государственнаго хозяйства, имъ опровергаемыхъ, и настоящее положеніе Англіи подтверждаетъ его мнѣніе.

Знаменитый Авторъ въ предисловіи самъ объявляетъ цѣль своего сочиненія и перемѣны, сдѣланныя имъ при второмъ изданіи; а посему приличіе всего намъ кажется помѣстить отшу-

да слѣдующій «опрывокъ», который, заключаая въ себѣ ничто цѣлое, дастъ истинное понятіе о всемъ сочиненіи).

«Оамъ являть проіеккло послѣ изда- нія мною въ свѣтъ сочиненія, которое теперь вторично предлагаю публикѣ. Не скрою, что оно не заслужило одобренія людей, коихъ трудамъ, пѣ общему мнѣнію, науки обязаны значительными успѣхами. Только личной ко мнѣ благо- склонности долженъ я пріписати снисхо- жденіе, оказанное ими при разборѣ моего сочиненія. Не удивительно было для меня, что сіе послѣднее не произвело сильнаго дѣйствія: я подвергъ сомнѣнію правила, почитавшіяся несомнѣнными; поколебалъ науку, которая за простоту и ясную методическую послѣдовательность сво- ихъ законовъ почиталась благороднѣй- шимъ созданіемъ ума человеческого; наконецъ напалъ на законодательный тонъ ученія (orthodoxie), столь опас- ный въ Философіи и во всѣхъ наукахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ подвергся я и другимъ невыгодамъ: опдѣлился отъ друзей, съ коими раздѣляю мнѣніа поли- тическіа; объяснилъ опасность но- вовведеній, ими предлагаемыхъ; пока- залъ, что многія постановленія, на копорыхъ они долго нападали какъ на злоупотребленія, имѣли слѣдствія благо- творныа; наконецъ часто призывалъ

правиительство содѣйствовать успѣхамъ богатства, не ограничивалось въ государственно-хозяйствѣ правиломъ, болѣе простымъ и, по видимому, болѣе либеральнымъ: *предоставлять дѣла естественному ихъ теченію* (*laisser faire et laisser passer*).“

„Не имѣя причины жаловаться, я всего ожидалъ отъ времени; ибо истина сильнѣе духа системы. Еслибъ я заблуждался, то послѣдующія происшествія скоро бы обличили мнѣ мои заблужденія; если бы, напрошивъ того, я открылъ новыя начала: то происшествія вскорѣ подкрѣпили бы оныя, и я, при всеобщемъ уваженіи моемъ къ верховнымъ жрецамъ науки, могъ бы сказать, подобно Галилею: *Errat si movet*.“

„Прошло семь лѣтъ, и мнѣ кажется, что происшедшія рѣшительно говорили въ мою пользу. Онѣ доказали яснѣе словъ моихъ, что ученые, съ коими разнился я во мнѣніяхъ, гнались за благосостояніемъ ложнымъ; что ихъ теоріи, исполненныя на практикѣ, увеличивая богатство вещественное, уменьшаютъ массу наслажденій, предназначенныхъ для каждаго человека; что, стремясь богаче сдѣлать еще богаче, онѣ дѣлаютъ бѣднаго еще бѣднѣе, еще зависнѣе, лишая его всего нужнаго. Перевороты, совсѣмъ не-

ожиданные, послѣдовали одинъ за другимъ въ мѣрѣ торговою; успѣхи промышленности и богатства не спасли промышленниковъ, виновниковъ сего богатства, отъ бѣдствій неслыханныхъ; происшествія не соотвѣтствовали ни общему ожиданію, ни предсказаніямъ мудрецовъ, и учащаяся государственному хозяйству, не смотря на слѣпую довѣренность къ наставникамъ, принуждены были просить новыхъ объясненій для случаевъ, противорѣчащихъ правиламъ, кои они почитали неизблѣмыми.“

„Изъ сихъ объясненій, изложенныхъ мною предварительно, совершенно оправдались въ послѣдствіи. Сему спеченію обстоятельствомъ должно, можетъ быть, приписать быспрый расходъ моего сочиненія и требованія, заспавившія меня издасть оное вновь. Въ Англіи исполнилъ я сію обязанность. Англія произвела славнѣйшихъ экономистовъ. Тамъ наукою ихъ нынѣ занимаются съ сугубымъ рвеніемъ. Государственные чиновники, уже посвященные въ тайны науки богатства общественаго, слушали уроки одного изъ опличнѣйшихъ Профессоровъ политической Экономіи и приводили постоянно его правила въ Парламентъ. Соперничество во всемъ и со всею или усиліе производимъ

всегда болѣе и дешевле — вопль въ чемъ съ давняго времени состоить система Англии, система, на которую я нападаю какъ на вредную. Она довела промышленность до успѣховъ исполинскихъ, но нѣсколько разъ приводила мануфактурисповъ въ самое пѣсное положеніе. Наблюдая сіи перевороты въ богатствѣ народномъ, я почелъ за нужное пересмотрѣть свои сужденія и сравнить ихъ съ происшествіями.“

„Изучая Англию, я еще болѣе утвердился въ своихъ *новыхъ основаніяхъ*. Я видѣлъ, что въ сей, удивительной странѣ, которая, кажется, назначена своимъ опытомъ научить прочія Государства, произведенія умножаются, а наслажденія оными уменьшаются. Вся нація вмѣстѣ съ своими Философами забыла, по видимому, что увеличеніе богатства не есть цѣль государственнаго хозяйства, но средство для содѣйствія общему благосостоянію. Ищу сего благосостоянія во всѣхъ классахъ и не знаю, гдѣ найти его. Высшая аристократія у Англичанъ въ самомъ дѣлѣ достигла той степени богатства и роскоши, которая превосходитъ все видимое у другихъ народовъ. Между тѣмъ и она не наслаждается богатствомъ, приобрѣтеннымъ на счетъ другихъ классовъ; ей не достаешь безо-

пасности, и въ каждомъ семействѣ недоспатовъ ошущительнѣе богатства. Вошедъ въ дѣмь; убранные съ великолѣпнѣмъ истинно Царскимъ, слышу отъ хозяевъ, что они разоряшся, если уничтожишся ихъ монополія въ торговлѣ хлѣбомъ; помѣшья ихъ, занимающія цѣлыя провинціи, не въ состояніи будутъ уплачивать за издержки, употребляемыя на земледѣліе. Около сихъ владѣльцевъ вижу множесство дѣшей, у нѣкоторыхъ по десяти, двѣнадцати и болѣе; но всѣ младшіе братья и сестры принесены въ жертву ищеславію старшаго; наследство всѣхъ ихъ не составляетъ и годоватаго дохода брата ихъ; они принуждены будутъ соспарѣшся холостыми, и бѣдность при концѣ жизни заставитъ ихъ дорого заплашть за роскошь первыхъ лѣтъ.“

„Послѣ сей чиновной и нечиновной аристократіи купечество занимаетъ опличное мѣсто: оно въ предпріятіяхъ своихъ объемлетъ весь свѣшъ; агентовъ его не ужашаютъ ни льды обоихъ полюсовъ, ни жары экватора; каждый изъ его главныхъ членовъ, собирающихся на биржѣ, можетъ располагать милліонами. Въ то же время на улицахъ Лондона и всѣхъ большіхъ городовъ Англій видимъ въ магазинахъ столько поваровъ, что ихъ, кажется, достало бы на весь свѣшъ.

Но сіе богатство обезпечиваетъ ли благосостояніе торговца? ручается ли за его продолжительность? Нѣтъ; ибо ни въ одномъ Государствѣ банкротство не бываетъ такъ часто, какъ въ Англіи. Нигдѣ огромные капиталы, коихъ, кажется, досматрочно было бы для займа Государственнаго, для поддержанія цвѣтой Имперіи или республики, не уничтожаются съ такою быстротою. Всѣ жалуются, что дѣла рѣдки, трудны и мало доставляютъ прибыли? За нѣсколько дѣтъ предъ тѣмъ два ужасные перелома разорили нѣкоторыхъ банкировъ и привели въ опчаяніе всѣхъ Ангійскихъ мануфактурисловъ; въ тоже время другой переломъ разорилъ опкушниковъ и опозвался въ торговлю мѣлочной. Съ другой стороны, торговля, не смотря на свою обширность, перестала нуждаться въ молодыхъ людяхъ, ищущихъ занятій; всѣ мѣста заняты, и въ высшихъ и нижшихъ классахъ общества, большая часть людей тщетно предлагаетъ труды свои, не получая за оныя платы.“

„Сіе богатство народное, коего вѣщественные успѣхи такъ поразительны для глазъ всякаго наблюдателя, доставило ли какіе выгоды бѣднымъ? никакихъ. Народъ въ Англіи лишенъ и настоящаго довольства и безопасности

на время будущее. Въ деревняхъ крестьянъ нѣтъ: ихъ принудили вступить въ поденщики; въ городахъ нѣтъ ремесленниковъ или независимыхъ производителей небольшой промышленности; тамъ одни мануфактуристы. Промышленники (употреблю слово, которое система сія ввела въ моду) не имѣютъ понятія о томъ, что значить имѣть сословіе. Они получаютъ только плату, а какъ сей платы недостаточно для нихъ на всѣ времена года; по почти ежегодно они принуждены бывать просить милосердія въ Комитетѣ для бѣдныхъ.“

„Сія споль богачая нація сочла для себя гораздо выгоднѣйшимъ продать все свое золото и серебро, обходиться безъ монеты, и всѣ обороты денежные дѣлать посредствомъ ассигнацій. Такимъ образомъ она добровольно лишилась драгоценнѣйшей изъ всѣхъ выгодъ монеты — постоянства цѣны (*stabilité de son prix*); предъявивши билетовъ провинціальныхъ банковъ съ каждымъ днемъ подвергающа опасности разориться отъ частыхъ и какъ-бы повальныхъ банкротствъ банкировъ, и все Государство подвергнется опаснѣйшему перелому въ своихъ капиталахъ, если намѣстіе непріятельское или политическое пере-

вѣрою попрясесть кредитъ національ-
 наго банка. Нація Англійская сочла вы-
 годнѣе для себя опказаться опъ земле-
 дѣлія; перебующаго много рабочихъ
 рукъ; и пошому распустила половину
 земледѣльцевъ; она сочла выгоднѣе
 замѣнить паровыми машинами работни-
 ковъ на фабрикахъ и заводахъ; распу-
 стила; снова собрала и опяшь распусти-
 ла городскихъ работниковъ; и шкачи,
 успунившіе мѣсто свое машинамъ,
 движимымъ парами (power looms), уми-
 рають съ голода; она сочла выгоднѣе
 заснавить работниковъ довольство-
 ваться самой низкой платою; едва
 доспашочною для прокормленія, и
 работники впадають въ бѣдность
 ужаснѣйшую; пропитывая многочислен-
 ныя семейства; она сочла для себя
 выгоднѣе кормить Ирландцевъ однимъ
 картофелемъ и одѣвать въ рубища, и
 теперь каждый пакетъ-больше приво-
 зить толпы Ирландцевъ, кои, работая
 за меньшую прошивъ Англичанъ плату,
 изгоняють сихъ послѣднихъ изъ всѣхъ
 мануфактуръ. Каковы же плоды сего
 несмѣтнаго скопленія богатствъ? Не
 подвергають ли они всѣхъ гражданъ
 безпокойствамъ, недостатку и опас-
 ности совсѣмъ разориться? Англія,
 забывая для вещей о людяхъ, не по-
 жертвовала ли цѣлю средствамъ?

„Примѣръ Англіи шѣмъ разительнѣе, что это нація свободная, просвѣщенная, хорошо управляемая, и что всё ея бѣдствія происходятъ отъ принятія ложной системы въ экономіи политической. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранецъ, приѣхавъ въ Англію, удивится высокоумію дворянства, высокоумію, которое безпрестанно увеличивается отъ скопленія богатствъ въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Между шѣмъ нѣтъ государства, гдѣ бы независимость всѣхъ классовъ народныхъ ограждена была болѣе, и гдѣ бѣднѣе, при всемъ уваженіи къ высшимъ, лучше бы сохранялъ въ душѣ своей чувство собственнаго достоинства. Нѣтъ государства, гдѣ бы довѣренность и уваженіе къ законамъ живѣе были ощущаемы во всѣхъ классахъ, гдѣ бы чувство соспраданія было столь общимъ, гдѣ бы богачъ съ такою готовностію слышалъ облегчить бѣдствія несчастнаго; нѣтъ государства, гдѣ бы мнѣніе общественное было столь могущественно, гдѣ бы Правительство было просвѣщеннѣе, рѣшительнѣе, умнѣе въ дѣйствіяхъ для блага общаго. Ужели столько средствъ, столько добродѣтелей, бесполезны для общества гражданскаго? Да! бесполезны, если, къ несчастію, принимаютъ

ложное направлѣніе. Англія, будучи просвѣщеннѣе, свободнѣе, могущесильнѣе другихъ націй, скорѣе всѣхъ достигла цѣли, къ которой заблужденіе влекло ее. Ея жизненная сила и дарованія людей Государственныхъ помогутъ ей, когда она твердо рѣшилась идти путемъ вѣрнѣйшимъ; но въ наукѣ есть свои предразсудки, у народовъ свои обычаи, и Англичане даже и теперь, среди бѣдснвй, не принимаютъ мѣръ, способныхъ опровергнуть оныя.“

„Въ предлагаемомъ мною сочиненіи старался я доказать, что богатство можетъ содѣйствовать общественному благосостоянію (ибо оно есть знакъ всѣхъ вещественныхъ наслажденій человека) тогда только, когда увеличеніе оного находится въ соотвѣстствіи съ народонаселеніемъ и когда оно разделено между частными людьми въ той соразмѣрности, которой нельзя нарушить безъ крайней опасности. Я предположилъ себѣ показать, сколько необходимо для блага общественнаго, чтобы доходъ возрасталъ вмѣстѣ съ капиталомъ, чтобы народонаселеніе не возрастало выше дохода, долженствующаго оное пропитывать, чтобы потребленіе увеличивалось съ народонаселеніемъ, и произведеніе соразмѣрялось и съ производящимъ капиталомъ, и съ народонаселеніемъ.“

емь, потребляющимъ оное. Между тѣмъ я показалъ, что каждое изъ сихъ отношеній можетъ быть нарушено независимо отъ другихъ; что доходъ не всегда роспелъ соразмѣрно капиталу; что народонаселеніе можетъ увеличиваться и тогда, когда не увеличивается доходъ; что народонаселеніе многочисленнѣйшее, но бѣднѣйшее, потреблять можетъ меньше; наконецъ, что произведеніе можетъ быть соразмѣрно производящему капиталу; а не народонаселенію, имѣющему въ ономъ нужду; но что каждый разъ отъ нарушенія того или другаго изъ сихъ отношеній общество терпитъ.“

„На сей-то соразмѣрности утвердиль я свои *новыя основанія*, и слѣдов. не безъ причинъ важныхъ различаюсь во мнѣніяхъ отъ философовъ нашего времени, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ занимавшихся Государств. хозяйствомъ: отъ Гг. Сея, Рихардо, Мальтуса и Макъ-Кюллоха. Они, кажется, не обращали вниманія на препятствія, которыя предспавлялись имъ при сдѣленіи теоремъ ихъ: такимъ образомъ они дошли до заключеній ложныхъ, не спараясь, разобравъ того, на что потребно было нѣскольکو умственныхъ усилій.“

„Въ самомъ дѣлѣ, всѣ новѣйшіе экономислы признали, что богатство общественное, будучи только соединеніемъ богатствъ частныхъ, рождается, увеличивается и раздѣляется точно такимъ же образомъ, какъ и богатство частного человѣка. Всѣмъ извѣстно, что въ богатствѣ частномъ болѣе всего должно обращать вниманіе на существенную часть онаго — на доходъ; что на доходъ должно основываться потребление или издержки, дабы не истребился капиталъ. Но какъ въ общественномъ имуществѣ капиталъ одного дѣлается доходомъ другого, то и трудно было рѣшиться, что такое капиталъ и что такое доходъ, и для облегченія себя они совсѣмъ пренебрегли послѣднимъ въ своихъ вычисленіяхъ.“

„Пренебрегая такою важною частію, Гг. Сей и Рикардо рѣшились вѣрить, что потребление есть сила неограниченная, что, по крайней мѣрѣ, предѣлы ея суть предѣлы произведенія. Нѣтъ, потребление ограничивается доходомъ. Они объявили, что всякое произведенное богатство всегда найдетъ потребителей, и совѣтовали производителямъ заваливать торжища товарами, отъ чего теперь происходятъ бѣдствія міра образованнаго. Но они должны были бы

замѣшитъ производителямъ, что можно полагаться только на тѣхъ потребителей, которые получаютъ доходы. Г. Мальтусъ, по той же забывчивости, говоря о беспорядочномъ увеличеніи народонаселенія, ограничилъ его только количествомъ продовольствій, производимымъ землею, количествомъ, которое долго еще будетъ увеличиваться съ чрезвычайною быстротою; но, принявъ въ уваженіе доходъ, онъ вскорѣ бы увидѣлъ, что несоразмѣрность между количествомъ людей работающихъ и доходомъ ихъ есть причина всѣхъ ихъ бѣдствій. Г. Макъ-Кюллохъ, въ небольшомъ сочиненіи о жалованьи, утверждаетъ, что жалованье бѣднаго необходимо соразмѣряется между народонаселеніемъ и капиталомъ; между тѣмъ какъ жалованье, слѣдствіе требуемой величины труда, должно быть въ соразмѣрности съ потребленіемъ, которое само соразмѣряется съ доходомъ. Въ томъ же сочиненіи онъ убѣждаетъ бѣднаго соразмѣрять увеличеніе своего семейства съ увеличеніемъ народнаго капитала; но бѣдному трудно сослаться на себя и сбивчивое понятіе о количествѣ сего капитала: Макъ-Кюллохъ могъ бы замѣтить, что каждый долженъ образоваться съ собственнымъ своимъ доходомъ; слѣд. для народа доеда-

шочно, если всѣ люди сообразуются съ доходами всѣхъ.“

„И такъ, я издаю теперь свои новыя основанія Государственнаго хозяйства съ большею увѣренностію. Нѣсколько неопредѣленное названіе подасяль инымъ поводъ думашь, что книга сія естль шолько новое руководство къ сей наукѣ. Нынь, я просшираю виды свои гораздо далѣе: мнѣ кажешся, что я воздвигаю систему Государственнаго хозяйства на основаніи новомъ, опредѣливъ доходъ общій, изслѣдовавъ, какое раздѣленіе сего Дохода дѣлаешь народъ особенно счастливымъ, и слѣдов. лучше достигашь цѣли науки.“

„Другія правила, также новыя, но не шоль общія, происшекають изъ оныхъ двухъ началъ. Я доказалъ, что богатство земельное (territoriale) нѣмъ болѣе производитъ, чѣмъ большею частію почвы обладаешь земледѣлецъ; что законы, удерживающіе за древними фамиліями ихъ наследственныя имѣнія, послужили къ разоренію сихъ же самыхъ фамилій; что равновѣсія между выгодами совмѣстническуюющихъ промысловъ, на коемъ новѣйшіе экономисты основывали свои вычисленія, можно достигнуть шолько при разстройствѣ вѣрныхъ капиталовъ и смертности работниковъ, занимающихся вредною

для здоровья промышленностію; что хотя изобрѣшеніе машинъ, увеличивающее силы человѣческаго, есть благодѣяніе для человѣчества, но несправедливое раздѣленіе выгодъ, получаемыхъ отъ оныхъ; дѣлаетъ ихъ бичами для бѣдныхъ; что металлическая монета націи, въ общественныхъ издержкахъ, есть самая полезная; что общественные капиталы суть нечто иное, какъ капиталъ воображаемый, признакъ дохода, могущаго произойти отъ шруда и промышленности; что естественные предѣлы народонаселенія всегда уважаются людьми, у которыхъ есть что-нибудь, и всегда преступаются тѣми; у которыхъ нѣтъ ничего. И такъ, несправедливо обвинять меня, будто-бы я хотѣлъ подвинуть науку назадъ; напрошивъ того, я подвигаю впередъ, переношу ее на новую почву; туда прошу следовать за мною — именемъ бѣдспвій, коимъ подверглось столько братьевъ нашихъ, и которыхъ съ помощію прежней науки не лзя было ни понимать, ни предвидѣть.“

„Кришика, коей подверглось первое изданіе моихъ *новыхъ основаній*, была для меня не бесполезна; я совершенно передѣлалъ свое сочиненіе; особенно старался объяснить то, что оставалось еще темнымъ; обращая вниманіе

чишателей на Англію, я хотѣлъ показать въ переворотѣ дѣлъ ея причину нашихъ шеперешнихъ спраданий, ибо есть связь между разными промышленностями всего свѣта; хотѣлъ показать будущее положеніе наше, если не перешанемъ дѣйствовать по шѣмъ началамъ, коими слѣдовала Англія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я доказалъ свое уваженіе къ кришикамъ справедливымъ, многое выпустивъ или перемѣнивъ; однако долженъ возстанъ противъ того легкаго и ложнаго способа, которымъ въ свѣтѣ привыкли судить о сочиненіяхъ, къ полипическимъ наукамъ относящихся. Задачи, предлагаемыя ими на разрѣшеніе, совершенно отличны отъ предлагаемыхъ науками естественными, и относятся вмѣстѣ и къ уму и къ сердцу. Наблюдаемъ видѣть незаслуженныя бѣдствія многихъ, происходящія отъ дѣлъ человѣческихъ, видѣть человѣка ихъ жертвою. Онъ не можетъ разсуждать хладнокровно, не можетъ упомянуть о нихъ, не призывая въ помощь какихъ-либо средствъ врачеванія. Сии средства оскорбляютъ иногда чувства или предразсудки чишателей; иногда могутъ быть излишни или не удобны для употребленія. Авторъ или чишатель можетъ ошибиться въ примѣненіи, по-

тому что общоупольсвѣ, служащихъ основаніемъ сему примѣненію, нѣтъ въ книгѣ. Но связь основаній не можешь бытъ распроена охопниками до споровъ и злыхъ насмѣшекъ. Если основанія сіи истинны, новы и много-объемлющи; то не смотря на всѣ заблужденія дѣйствительныя или мнимыя, подвинулъ впередъ науку общественную, важнѣйшую изъ всѣхъ, ибо она есть наука счастья человѣческаго.“

(Возьмемъ еще опрывокъ, въ коемъ Г. Сисмонди разсмашириваетъ послѣдній портовой переломъ въ Англии, его причины и слѣдствія, и, опираясь на семь примѣровъ, доказываетъ, вопреки Гг. Сею и Рикардо, что количество произведеній легко можешь переросши сумму попребляемаго, и часшо опредѣляется не нуждами, но множествомъ калишаловъ у народовъ богатыхъ).

„Переломъ, который испышала Англійская торговля въ 1819 году, исправился, и мнѣ часшо указывали на возраждающее благосостояніе мануфактуръ, въ доказательство моихъ заблужденій. Я могъ бы опвѣчать, что народъ свободный, промышленный и просвѣщенный, каковъ Англійской, всегда почши имѣеть довольно силы, чтообы выдши изъ-подъ ига несчастій; что въ 1819 году потеряны были огромные

капиталы и множество семействъ разорилось, но что богатство другихъ народовъ, увеличившееся во время мира, и новый, весьма значительный доходъ, вымѣняемый иностранцами на произведенія Англійскія, оживилъ ея промышленность. Но была еще другая причина и дѣйствовала сильнѣе; она заслуживаетъ подробнѣйшее объясненіе.“

„Обширный торгъ, открывшійся трудолюбивымъ производителямъ въ Америкѣ, казался мнѣ самымъ выгоднымъ обстоятельствомъ, которое могло облегчить участь Англійскихъ мануфактурисловъ. То же думало и Правительство Британское, и въ продолженіи семи лѣтъ, протекшихъ со времени торговаго перелома въ 1818 году, торговля Англійская съ удивительною дѣятельностію начала проникать въ отдаленнѣйшія части Мексики, Колумбіи, Бразиліи, Рио-де-ла-Платы, Хили и Перу. Прежде нежели министерство рѣшилось признавать независимыми сіи новыя области, оно содѣйствовало успѣху Англійской торговли частнымъ труда оппращленіемъ линейныхъ кораблей, коихъ начальники исполняли должности, болѣе дипломатическія, нежели военныя. Но не смотря на необыкновенный сбытъ товаровъ въ Америкѣ, она не могла бы поглотить всего излишества товаровъ.

произведенныхъ Англіею, если бы займы новыхъ республикъ вдругъ не увеличили средствъ ихъ покупать Англійскіе товары. Каждая Американская республика занимала у Англичанъ сумму, достаточную на учрежденіе у себя правительсва; это былъ капиталъ, но республики издерживали его въ годъ, подобно доходу, но естъ употребляли его весь на покупку Англійскихъ товаровъ на счетъ общественной, или на уплату за ихъ товары, кои присланы были на счетъ частныхъ людей. Въ то же время составились многочисленныя компаніи съ огромными капиталами, для разработкисвѣхъ Американскихъ рудниковъ; но свѣ деньги, истраченныя сими обществами, перешли въ Англію за нужныя машины и товары. Пока продолжалась сія странная торговля, въ которой Англичане сами запрашивались, чтобы Американцы покупали на Англійскіе капиталы Англійскіе же товары и потребляли ихъ, дошолъ успѣхъ мануфактуръ Англійскихъ были блистательны. Не только доходъ, но и капиталъ Англійской употребленъ былъ для содѣйствія потребленію; Англичане, платя за свои общественные товары, посылаемые въ Америку, опнимали ихъ сами у себя. Ни-

когда мануфактуры Англіійскія не имѣли сколько заказовъ, какъ въ продолженіе спекуляцій 1825 года, сколько изумившихъ свѣтъ; но когда капиталы издержались и пришло время расклаты, тогда вдругъ поднялось покрывало, исчезла мечта и настали бѣдствія, жесочайшія шѣхъ, кои жервила Англія въ 1818 году. Въ самомъ дѣлѣ, произведенія увеличились безмѣрно: на мануфактурахъ народъ безпрестанно прибывалъ; но огромная масса капиталовъ, употребленныхъ на предпріянія смѣлыя, и возвраа конхъ ожидашь еще долго, похищены у промышленности, а покупщики иностранные, издержавшіе сіи огромные капиталы въ годъ или два года, ввали въ прежнюю бѣдность, принуждены были бышь бережливыми, и сверхъ того оспались въ ужасномъ долгу.“

„И такъ, переломъ повторился сильнѣе прежняго: на мануфактурахъ нѣтъ заказовъ, нѣтъ продажи, недоспапочное жалованье предлагается работникамъ, коихъ большая часть не можетъ найли себя работы; капиталы мануфактуристовъ существуютъ уже въ опробованныхъ произведеніяхъ, коими завалены ихъ магазины; шаковы признаки нас-

поящаго бѣдствіи и возрастающей несообразности между произведеніемъ и потребленіемъ. Народъ спрадаешъ, и его спраданія не скоро кончатся; и бо ложное благосостояніе прошедшаго года сильно розспроило настоящее положеніе Англіи. Крики радости при полученіи нѣкоторыхъ заказовъ, возстановленіе дѣятельности на нѣкоторыхъ фабрикахъ, не должны насъ обманывать. Англія выдала 40,000,000 фунт. стерл. разнымъ государствамъ, у нее занимавшимъ, и такую же сумму разнымъ компаніямъ, которыя дѣлали сполько исполинскихъ предпріяній. Сіи два Миллярда, издержанные въ два или три послѣдніе года, не сполько не могутъ быть испрачены снова въ будущіе два или три года, но очень вѣроятно, что и проценты на деньги, споль неблагоразумно отданные, получатся не скоро. И спакъ, въ потребленіи долженъ быть величайшій недоспашокъ, не смотря на искусственную дѣятельность, произведенную опдачею въ займы капиталовъ. Однако я не скажу, что бы болѣзнь сія была неизлечима: Англійская нація имѣетъ множество средствъ, а министерство ея весьма искусно. Опытность, споль дорого пріобрѣтенная, прольетъ наконецъ новый свѣтъ на дѣла и докажетъ, что

попробленіе не всегда есть необходимое слѣдствіе произведенія; что напрошивъ того непомѣрное скопленіе товаровъ на шоржищахъ, есть только слѣдствіе системы, произвольно избранной.“

Съ Француз. П. Ар — въ.

К Р И Т И К А.

*Сѣверные Цвѣты на 1827 годъ. Изданы
Барономъ Дельеингомъ.*

Московскій Вѣспникъ нѣкопорымъ образомъ уже опоздалъ съ своимъ разборомъ сего альманаха. Но мы могли бы сказать о немъ свое мнѣніе и въ концѣ года, вычисляя все, сколько нибудь замѣчательныя, явленія нашей словесности въ печеніи сего времени. Сѣверные Цвѣты не раздѣлили судьбы бѣльшей части прочихъ альманаховъ, о которыхъ говорить было и прошло благоприятное мгновеніе: Кришика, удовлетворяя обязанности Журналиста давая опченъ во всемъ печатномъ, ловила минушу явленія въ свѣтъ сихъ бѣдныхъ Эфемеридъ лишипературы, пока онѣ изъ книжныхъ лавокъ не разлѣпѣлись по рукамъ и не исчезли на вѣки въ памяти чипашелей.

Альманахъ Дельвига перечисляется съ удовольствіемъ, и въ числѣ многихъ прекрасныхъ произведеній, особливо стихотворныхъ, собранныхъ въ семь альманахъ, есть истинные, неувядаемые *цвѣты* нашей Словесности. Никто не упрекнетъ насъ въ присрастїи, вспомнивъ стихотворенія самаго Издашеля, Пушкина, Гнѣдича, Баратынскаго, Туманскаго, Вяземскаго, Козлова и Веневитина, которыми онъ украшенъ.

Въ *Друзьяхъ* и *Геніѣ-хранителѣ* Барона Дельвига просвѣщенные чапашеди найдутъ прекрасную идиллію, прекрасную элегію въ родѣ древнихъ и замѣняясь въ сочинителѣ счастливое, вѣрное чувство ихъ поэзіи. Сїи два произведенія опличаются тою же равноспїю чувства и спокойною созерцательностїю, которая осматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ, которою опличаются творенія Древнихъ. — Выпишемъ одно мѣсто. Два старца-друга сидятъ подъ шѣнью плашановъ во время собиранія винограда: имъ, знаюкамъ винъ, приносятся на чапки новыхъ даровъ осени. Передъ ними

Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ, вино молодое споло.
Брали они по порядку каждую чашу — и молча

Къ свѣту смотрѣли на цвѣтъ, обоняли и думали долго,
 Пили — и судъ непреложный вину изрекали :

Это пшть молодое , а это на долгіе годы

Въ прокъ положить , чшбь внуки , когда созволяшь
 Кроніонъ

Вѣкъ ихъ счастливо продлишь , подѣ старость , за
 шрапезой шумной ,

Павши , хвамялся имъ , *разскажамъ пришельца внималя.*

Кажется , кто скажешъ кромѣ
 древняго ?

Толькожъ надъ ними судъ два шарца , два друга скончали ,

Вакхъ , аыковъ разрѣшишель , *сидѣль* ужъ бѣлизъ нихъ и
 незримый

Къ дружеской шихой бѣсѣдѣ настроилъ сѣдаго Дамета.

Мы бы перепечатали всю идиллію ,
 еслибъ хотѣли вычлшпывать всѣ кра-
 сошы ея. Предоспаваемъ самимъ чи-
 пашелямъ пріяшннй шрудъ находишь
 ихъ и сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе :
 что видимъ въ часпяхъ , то видимъ и
 въ цѣломъ. Было время , когда думали ,
 что Греческія имена боговъ и людей и
 Греческіе размѣры сообщаютъ произве-
 деніямъ поэзіи Греческій характеръ. Къ
 счастію, это время , кажется , уже прош-
 ло, и стихотворцы ищутъ духа древно-
 сти въ помъ безприсраспномъ, искрен-
 немъ чувствѣ наслажденія , которое
 ловитъ каждую краску міра видимаго.
 Мы новѣйшіе сокращаемъ предметы
 природы въ іероглифы для выраженія
 ими явленій нравспвенныхъ ; для древ-

нихъ самыя чувствва душй были просто прекрасными предметами. Эта дружба, о копорой у Дельвига говорять старыя друзья, кажется Поэшу сколько и не болѣе важною и сладкою, какъ и шо вино, копорое они прочуть для внуковъ.

Извѣстная идиллія Гнѣдича: *Рыбаки* предложена въ альманахъ со многими перемѣнами. Гнѣдичъ нашель предметъ свой въ быту нашихъ просполодиновъ, возвелъ его до идеала и представиль намъ, въ пѣснѣйшихъ предѣлахъ, картину, шакою же очаровательную, какую представляеть намъ Германъ и Доротея Гёшева.

Эта прекрасная піеса отличается совершенствомъ опдѣлки.

Такіе опышы имѣють безцѣнную пользу въ лишиерапурѣ: перенося насъ въ сферу, прошивуположную той, къ копорой мы привыкли, они не позволяютъ нашему вкусу коснѣть въ одной формѣ и, разобщая его, дають шаланту новыя способы, уравнивають ему путь къ совершенству вышему.

Въ Посланіи Баратинскаго къ Богдановичу чипашели найдуть непринужденную, разговорную легкость тона, оживленную рѣзкими выраженіями остроу-

мія. Особенно обращающъ на себя вниманіе слѣдующіе стихи, въ которыхъ Баратынскій такъ удачно изобразилъ духъ Крипикки, господствующій у нашихъ журналистовъ,

Свой вкусъ услужливый пускающихъ въ наймы,
И, способовъ другихъ не зная къ пропитанью,
Торгующихъ у насъ хвалою своею и бранью.
Даруешь между насъ и славу и позоръ
Голоднымъ бѣшенствомъ внушенный приговоръ.

Быль можешь, эта піеса есть лучшее изъ Русскихъ сатирическихъ посланій. Но вспомнивъ, что сатирикъ долженъ имѣть свою литературную совѣсть, многія не просиашъ автору его отзывъ о Нѣмецкихъ Музахъ, споль образованныхъ и разнообразныхъ.

..... Новѣйшіе поэты

Всего усерднѣе поющъ свою поску:

Пришлаа къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музь *хандра*.

Какъ будто можно судить объ оригиналахъ по нелѣпымъ подражаніямъ! Какъ будто мрачность и плаксивость есть отличительная черта въ характерѣ Нѣмецкой поэзіи! Сходнѣе было бы упрекнуть въ томъ расположеніи духа, которое Баратынскій называетъ *хандрою*, Музь Англійскихъ. Гдѣ больше слезъ, какъ не въ Юнгѣ? Гдѣ больше поски и опчаянія, какъ не въ Лордѣ

Байронъ? И почему исключать изъ Поэзіи чувство какое бы оно ни было: Французскую ли игривость и поверхностное остроуміе, Нѣмецкую ли задумчивость и глубокомысліе; Англійскую ли унылость и иронію, мрачную въ Байронѣ, шушлявую; часто доходящую до каррикатуры, въ Вальтерѣ Скоттѣ? Можно предвидѣть; что мы перебрали по порядку всѣ лиишерапуры на свѣтъ, пока онѣ будутъ производить у насъ только подражателей и пока гени не пробьютъ для насъ навсегда дороги особенной. Подражанія рабскія своему и чужому не переспанутъ обнаруживать паланковъ мѣлочныхъ; между пѣмъ не мѣшается знакомія ни съ одной лиишерапурой, и изъ произведеній Виланда и Гёте найдутся многія, споль же игривыя и непринужденно - веселыя; какъ Душенька Богдановича.

Всѣ любители Словесности прочтутъ съ удовольствіемъ переводъ Вослокова нѣкоторыхъ Сербскихъ пѣсень. Извѣстно, что онѣ съ восхищеніемъ были приняты въ Англїи и безыскусственными красотою, оригинальностью характера обратили на себя вниманіе величайшихъ ученыхъ и поэтовъ Германїи. Извѣстно, что Гёте переводилъ

пу самую Пѣснь благородной Асанъ-Агеницы, которую чиншатели найдуть въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ.

Вошь важнѣйшія стихотворенія сего альманаха со включеніемъ опрывокъ и пѣсь Пушкина. Прочія, принадлежація вышеназваннымъ авторамъ, хороши, холя и не представляютъ ничего особеннаго; а гдѣ столько хорошаго, шамъ проходишь и посредственное. Такъ, не говоря объ оригинальныхъ пѣсахъ, относимыхъ нами къ сему послѣднему разряду, находимъ переводы изъ Байрона, Шиллера и Мюльнера, переводы, въ которыхъ бы желали видѣть болѣе сходства съ подлинниками. Правда, опрывокъ изъ Трагедіи: *die Schuld* переведень Ободовскимъ свободно и хорошими стихами; но ежели Г. Ободовскій хочеть подарить насъ переводомъ цѣлой Трагедіи: то совѣруемъ ему не пренебрегать размѣромъ стиховъ оригинала. Въ хорошихъ произведеніяхъ размѣръ никогда не бываетъ дѣломъ случайнымъ: и именно хореи соотвѣтствуютъ унылому характеру Трагедіи Мюльнеровой, гдѣ дѣйствіе принадлежитъ болѣе судьбѣ, нежели людямъ и схвачено почти въ минушу развязки (*).

(*) Можеть ли, по сей причинѣ, сіе произведеніе Мюльнера назваться Трагедіей?—это вопросъ особенной.

Изъ прозаическихъ статей первая, обращающая на себя вниманіе, есть письмо о состояніи художествъ въ Россіи: оно знакомитъ насъ съ нашими молодыми художниками, съ произведеніями извѣстныхъ и наконецъ съ благодѣтельными дѣйствіями общества поощренія художниковъ: кто не порадуется, что просвѣщенные и великодушные цѣнители, замяняя безпечность публики, еще недовольно довѣрчивой къ себѣ, (*) соединились для доставленія юнымъ дарованіямъ способовъ развиванья и дѣйствованья. — Ошдадимъ честь Г. Дельвигу: только въ его Альманахѣ находимъ извѣстія сего рода.

Такія извѣстія конечно имѣютъ мало достоинства въ чисто литературномъ отношеніи, но имѣютъ своего рода занимательность и важность и не мѣшаютъ въ альманахѣ, который въ другихъ статьяхъ удовлетворяетъ прѣбываніямъ охотниковъ до литературы.

Ихъ займутъ: письмо Батюшкова, отрывки писемъ изъ Италіи, повѣсти: Байскаго, Булгарина, 3-аго и др. —

Впрочемъ только *Русая коса* сего послѣдняго заслуживаетъ названіе повѣсти: *Юродивый* и *Развалины Альмо-*

{ * } Нужно ли сказывать: отъ чего происходитъ сія недовѣрчивость?

даварскія (Байскаго и Булгарина) суть больше анекдоты. Ежели случайсь *Юродивымъ* есть почто Малороссійская *быль*, то читателямъ занимательно будетъ вспрѣшннъ въ дѣйствительности сценъ романовъ Вальтера Скотта: они вѣрно вспомнятъ подобныя въ Антикваріѣ и Тайнспивенномъ Карлѣ.

Вообще Альманахи нынѣшняго года не представляютъ хорошихъ повѣстей (кроме развѣ одной: *Замокъ Эйзенъ*, помѣщенной въ Невскомъ Альманахѣ). Русая коса, хотя написанная довольно хорошимъ слогомъ, поражаетъ однакоже странностию завязки, напянутой прошивуположностию характеровъ и бездѣйственностию въцѣломъ. — Молодой Антикварій влюбился въ одну изъ двухъ сестеръ, дочерей Графскихъ: одна выражаетъ что-то идеальное, какъ музыка, другая живетъ въ мѣрѣ вѣншемъ: Онь, какъ ученой, плѣнетъ разумѣется первую, но плѣнетъ какъ идеаломъ и вещеспвенно полюбилъ ее не прежде, какъ увидѣвъ длинную русую косу ея. Влюбленный запирается въ свою келью и *погружается съ созерцаніемъ!* Изъ бездѣйственнаго сна выводитъ его своимъ посвѣщеніемъ одинъ приятель, немедленно упихаетъ его спрасть къ Графинѣ; и онъ женится на другой дѣвушкѣ; за

то что у ней *русяя носа* и что она говоришь по Руски.

Мы могли бы остановиться на пьесах Вяземскаго и О. Глипки, но имѣли уже случай разобрать въ Вѣспникѣ достоинство подобныхъ пьесъ ихъ.

Картинки, украшающія Альманахъ, также удачно выбраны: это рисунки съ отличныхъ произведеній нашихъ известныхъ художниковъ: Варника (его собственный портретъ), Кипренскаго (видъ Рима), и Воробьевскаго (сцена изъ Идилліи Гвидича).

— *инѣ.*

Замѣчанія на статью Г-на Ковалевскаго въ Горномъ журналѣ.

Между многими любопытными статьями, вспрѣчаемыми въ Горномъ Журналѣ, обратили мы особенное вниманіе на *Опытъ Геогностическихъ изслѣдованій въ Донецкомъ горномъ краѣ* (соч. Г-на Ковалевскаго), помѣщенный въ Февраль мѣсяцъ нынѣшняго года.

Краѣ, о коемъ говоритъ Г-нъ К., хотя и состоишь изъ горъ, возвышающихся надъ горизонтомъ рѣкъ не болѣе 50 сажень, занимаетъ Бахмутскій и Славеносербскій уѣзды Екатеринославской Губерніи, распространяясь также по Донскому и Міусскому Начальствамъ земли Донскаго войска. Этого слишкомъ довольно, чшобы обратить на оный вниманіе Естествоиспытателя; и мы тѣмъ живѣе чувствуемъ цѣну многотрудныхъ разысканій, кои были потребны для составленія статьи Г-на Ковалевскаго, что раздѣляемъ совершенно его сѣнованія о недоспашкѣ полныхъ Геогностическихъ свѣдѣній о нашемъ Ошечесствѣ.

Ошдавая полную справедливость шруду Г-на Автора, почитаемъ однако за долгъ остановать вниманіе его и читателей на слѣдующемъ сомнитель-

номъ извѣстїи. Описавъ напластованіе горныхъ породъ 2-го образованія въ Донецкомъ кряжѣ, онъ обращается естественнo къ вопросу: на чемъ онъ покоился, какія породы 1-го образованія служатъ имъ основою? и сознавшись, что разысканія до сихъ поръ не простирались въ глубь далѣе 58 сажени и слѣд. не позволяли дойти до сего корня, продолжаетъ такимъ образомъ: „Въ такомъ случаѣ естествоиспытатель могъ бы взять въ пособіе общее правило, что горы 2-го образованія, происшедши отъ разрушенія первозданныхъ, бывають расположены у подошвы или даже на склонѣ оныхъ; и потому породы 2-го образованія покоятся всегда на тѣхъ породахъ первозданныхъ, отъ которыхъ произошли (стр. 53).“

Это справедливо — посмотримъ далѣе:

„Но Донецкій кряжъ представляетъ сажное исключеніе изъ сего правила. Онъ находится, такъ сказать, усиденно; въ окружности его совершенно нѣтъ первозданныхъ горъ. Ближайшія къ нему Карпатскія горы отстоятъ отъ него около тысячи верствъ. Можетъ быть, давшїя образованіе сему кряжу горы разрушились до основанія; можетъ быть, остатки оныхъ являются въ

видѣ гранитныхъ обломковъ по Днѣпру и Бугу.

На сіе замѣтимъ: 1) Карпатскія горы отстоятъ отъ Бахмула не около тысячи верстъ, но около семи сотъ; разумѣется, если считать прямою, а не почвою дорогою: думаемъ, что и Авторъ не могъ принять другаго счѣта. 2) Останки горъ 1-го образованія существуютъ не въ однихъ граничныхъ обломкахъ, разбѣянныхъ по Днѣпру и Бугу, но въ цѣлой *гранитной плоскости*, пересекающей Днѣпръ около Ямполья, Бугъ между Ольвиопольемъ и Вознесенскимъ, Ингуль ниже Елисаветграда (*), Ингулецъ выше Шестерной, и наконецъ Днѣпръ между Екашеринославлемъ и Александровскомъ. Сія граничная плоскость болѣе 400 верстъ въ длину. Можноли было не обратити на оную вниманіе, не сказать: гдѣ соединяющася съ нею породы 2-го образованія, въ которыя входятъ и Донецкій кряжъ? Тутъ находилась безъ сомнѣнія цѣль первозданныхъ горъ; тутъ покоятся породы 2-го образованія, и еслибы распространилъ розыски къ Западу, то нашли бы несомнѣнно продолженіе сихъ породъ. Если Автору

(*) Оль чего двѣ сія рѣки непроходимы, берега сихъ двухъ рѣкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно возвышены.

не случилось путешествовать болѣе на Западъ, но и сіе не можетъ послужить ему въ оправданіе; ибо существованіе плоскости, о коей говоримъ, дознано не только нашимъ опечесивеннымъ землеописателемъ Зябловскимъ (см. Землеопис. Гос. Рос.), но извѣстно даже иноземнымъ Географамъ, какъ-то Ритшнеру, который въ изданной имъ Картѣ Европейскихъ горъ изобразилъ ее и назвалъ продолженіемъ Карпатовъ. Сожалѣнь должно, если просвѣщенные Россіяне отспашаютъ отъ иноплеменниковъ въ познаній своего отечественнаго края. 3) Изъ сего слѣдуетъ, что исключеніе изъ общаго закона природы, приведенное Г-мъ К., основано на одной догадкѣ и догадкѣ невѣрной; въ такихъ случаяхъ никогда не лѣзя бытъ довольно оспорожнымъ.

Авторъ проспитъ наши замѣчанія, тѣмъ болѣе, что оспальныя часки статьи его имѣють достоинство неоспоримое.

Касательно слога, замѣлимъ, что щеголеватыхъ оборотовъ отъ такой статьи никто не можетъ пребовать, но точность слога въ иныхъ мѣстахъ не соотвѣтствуетъ важности наблюденій. На пр. описывая главный Донецкій кракъ (стр. 43), Авторъ говоритъ, что „онъ простирается преимущесивен-

но отъ Сѣв. - Зап. къ Юг. - Вос. Прямолинейное протяженіе онаго въ семь направленіи полагають можно около 200, а съ противоположающей стороны до 150 верстъ." Это загадочное мѣсто не объясняется ни чѣмъ, ни предыдущимъ ни послѣдующимъ.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Anleitung zur Veredelung des Schaafviehes, v. Rudolph Andre. Zweyte, mit Anmerkungen und Zusätzen vermehrte Auflage Herausgegeben v. J. G. Elsner. mit Kupfern und Tabellen. Prag. 1826.

Руководство къ улучшенію породы овецъ. Соч. Руд. Андре. Второе изд., умноженное примѣчаніями и дополненіями И. Г. Элснеромъ, Сѣрисунками и таблицами. Прага, 1826.

Тѣ же самыя причины, по которымъ мы представили нашимъ читателямъ въ одной изъ предыдущихъ книжекъ М. Вѣспн, отчель о переведенной Г. Масловымъ книгѣ подъ заглавіемъ: *о Шерсти и овцахъ*, побуждаютъ насъ сообщить слѣдующія извѣстія о новомъ изданіи превосходнаго въ этомъ родѣ на

многосиранномъ дзыкъ сочиненія Рудольфа Андре. Сіе твореніе, имѣющее предметомъ одну только ошносительную часть овцеводства и припомъ самую важную и трудную — улучшение онаго, подвилось въ первый разъ въ 1816 году и доставило Авшору полное право на признательность и уваженіе публики. Второе изданіе, на которое обращаемъ вниманіе опечесивенныхъ Агрономовъ, при почномъ сохраненіи первоначальнаго своего текста, исправлено и умножено удовлетворительными примѣчаніями и прибавками Г. Элснеромъ, извѣстнымъ уже просвѣщеннымъ Экономамъ по его обширнымъ свѣдѣніямъ въ Сельскомъ домоводствѣ. Въ семъ отношеніи Издашель преимущественно имѣлъ въ виду настоящіе успѣхи овцеводства, и всѣ дополнителные труды свои исключительно обращалъ къ способствованію дальѣйшему совершенствованію высокой породы мериносовъ. Достоинство сего сочиненія, въ шеперешнемъ его новомъ видѣ, единогласно признано; экономы и хозяева, желающіе скоро, вѣрно и съ умеренными издержками привести въ цвѣтущее состояніе свои стада и благородствовашъ породу оныхъ, найдутъ въ немъ самыя лучшія къ тому наставленія, основанныя на долговременномъ опытѣ и здравыхъ соображеніяхъ.

Примѣчанія и добавки издаателя приобращаютъ, сверхъ того, двойную занимательность еще и тѣмъ, что для наблюдателей успѣховъ Сельскаго хозяйства и особенно разведенія меринсовъ, въ Историческомъ отношеніи, представляютъ онѣ лучшія матеріалы къ обнаруженію той истины, что со времени утвержденія новыхъ началъ въ Теоріи естественныхъ наукъ, особенно въ послѣдніе десять лѣтъ, какъ самыя науки, такъ земледѣіе и скотоводство гораздо болѣе выиграли и подвинулись впередъ, нежели въ цѣлое полу столѣтіе, предшествовавшее сему періоду. Впрочемъ Элснеръ въ показаніяхъ своихъ ограничивался однимъ только нужнѣйшимъ, имѣя въ виду настоящую цѣль сочиненія; при чемъ не оставилъ безъ поправокъ и случайныхъ ошибокъ Автора, напр. о нѣкоторыхъ свойствахъ волны, гибкости оной и т. д. Присовокупляемъ краткое обзорніе содержанія сей полезной книги. Сначала помѣщено *Введеніе*, въ которомъ Авторъ, сказавъ вообще объ улучшеніи породы овецъ, разрѣшаетъ два вопроса — 1. *Отъ чего дѣйствительное улучшение сей породы скота до сего времени совершается вообще весьма медленно?* 2. *Желая пріобрѣсть благородное родовое стадо, на что болѣе всего должно обращать*

вниманіе? — а въ заключеніи описываетъ наружные шѣлесные признаки овецъ настоящей Испанской породы. Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ сужденія *объ улучшеніи обыкновенныхъ породъ овецъ* и содержитъ много прекрасныхъ замѣчаній относительно такъ называемыхъ облагогородспвованныхъ овецъихъ породъ. Въ особенности разсматриваются въ немъ слѣдующіе предметы: 1. Овецъи хлѣвы, удобство мѣстоположенія и успроенія оныхъ; 2. Занятіе и наполненіе хлѣва; 3. Клейменіе скоша; 4. Раздѣленіе онаго; 5. Приготовленіе къ назначенію опдѣльныхъ паръ, нумерація приплоднаго скоша; 6. Назначеніе опдѣльныхъ паръ; 7. Сприжка; 8. Оплодшвореніе; 9. Обхожденіе съ чреватными и разрѣшившимися матками; 10. Приплодные ягняша; 11. Очевидность родовыхъ происхожденій; 12. Довершеніе улучшения; 13. Пища овецъ. Нѣкоторыя правила въ поилѣ и пасбищѣ, вразсужденіи храненія полей и луговъ; зимній кормъ овецъ. 14. Общія замѣчанія относительно барановъ, паспущескихъ собакъ, пасбищъ на опкрытомъ полѣ, доенія овецъ; управленіе овчарнями въ большихъ шмѣніяхъ; быстрое вознагражденіе и умноженіе капишала, упопрѣбленнаго на приобрѣ-

неніе благороднаго родоваго стада. Во второмъ Описаніи говорится съ причиною краткостію *объулучшеніи или о дальнѣйшемъ усовершенствованіи выбонихъ овецкихъ породъ*. Рисунки изображаютъ прехлѣшняго электоральнаго барана, и чепырехлѣшнюю электоральную овцу-манку.

Весьма желательнo, чтобы сіе полезное во многихъ отношеніяхъ для Сельскаго хозяйства сочиненіе нашло у насъ хорошаго для себя переводчика. Въ ободреніи, кажется, не будешь недоспашка.

* *

Политическое обозрѣніе Новой Испаніи, Алекс. Гумбольдта, втор. изд.

(Продолженіе).

Европейцы, основывающіеся на старинныхъ извѣстіяхъ и воображающіе себя городъ Мексику посреди озера, прочитавъ Гумбольдта, усомнившя въ правдивости описаній, предлагаемыхъ исторіею открытій въ Новомъ свѣтѣ,

или подумаютъ, что столица Мексики находится уже не тамъ, гдѣ прежде была резиденція Монтезумы. Однако же соборная Мексиканская церковь стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ, въ которомъ совершались приношенія въ жертву людей, а нынѣшняя улица Такуба есть древняя Тлакопанъ, по которой Кортесъ сдѣлалъ свое славное опустошеніе въ такъ называемую *печальную ночь* (*noche triste*). Украшенный множествомъ памятниковъ священныхъ или *Теоналлисовъ*, возвышавшихся на подобіе минаретовъ, окруженный водами и плотинами, основанный на островахъ, покрытыхъ зеленью, принимая въ свои каналы тысячи судовъ, оживлявшихъ его озеро, древній *Тенохтитланъ* (такъ называлась Мексико въ эпоху ея завоеванія) долженъ былъ походить на нѣкоторые города Голландіи, Китая или Дельты Нижняго Египта. Гумбольдтъ приводитъ письмо Кортеса къ Карлу V, такъ хорошо изображающее долину Мексиканскую и самый городъ, что мы считаемъ за полезное привести слѣдующій отрывокъ: „Область, въ которой находится столица сего Князя Монтезумы“ говоритъ Кортесъ „окружена, какъ будто амфитеатромъ, горами высокими и утесистыми. Долина имѣетъ въ окруж-

носятся болѣе 70 миль (lieues), и въ сѣй долинь находящся два озера, совершенно еѣ запопляющія; ибо почти на 30 миль кругомъ живемъ въ лодкахъ. Изъ сихъ двухъ озеръ однимъбѣять воду прѣсную, другое соленую. Они отдѣляются маленькою цѣпью горъ; сѣи горы возвышаются посреди долины, и воды обоихъ озеръ смѣшиваются въ проливъ между холмами и Кордильерами. Множество городовъ и деревень, поспроенныхъ на обоихъ озерахъ, производящъ между собою торговлю на лодкахъ, безъ перѣздовъ по сухому пути. Главный городъ Темикспитанъ (Темех-тишланъ) стойщъ посреди озера соленого; которое, подобно морю, имѣетъ свои приливы и отливы. Отъ города до твердой земли по двѣ мили со всѣхъ сторонъ. Въ него ведутъ четыре плотины шириною въ два копья. Городъ такъ же великъ, какъ Севилла или Кордова. Главныя улицы или очень узки, или очень широки, половина въ-которыхъ занимается судоходными каналами. . . . Торговая площадь вдвое больше Севильской, окружена отремнымъ портикомъ, подъ которымъ выставлены всякаго рода товары, украшенія золотыя, серебряныя, свинцовыя, оловячныя, изъ драгоценныхъ камней; раковинъ, перьевъ; фалнсовыл,

кожанья и хлопчатобумажныя. Тамъ продается и песаный камень, черепица, строевой лѣсъ. Есть особыя улицы для дичины, другія для овощей и садовыхъ плодовъ; есть дома, гдѣ цирюльники бръютъ голову, дома, похожія на наши аптеки, гдѣ продаются гошовыя лѣкарства, мази, пластыри; есть другіе дома, гдѣ можно пить и ѣсть за деньги. На этой площади встрѣчаешь сколько разныхъ вещей, что мнѣ не возможно всѣхъ ихъ вычислить Вашему Величеству. Чтобы избѣгнуть замѣшательства, каждый поваръ продается въ особой улицѣ, все на мѣру; но до сихъ поръ ничего еще не вѣсили на рынкахъ. Посреди площади находился домъ, который назову *присудственнымъ*, гдѣ постоянно сидятъ десять и двѣнадцать человекъ для рѣшенія распрѣй, возникающихъ въ торгѣ. Другіе безоплучно находятся въ самой толпѣ и присматриваютъ, всели продается по надлежащей цѣнѣ; нѣсколько разъ они ломали у купцовъ фальшивыя мѣры.“

Таково было состояніе Мексики въ 1520 г. Сія подробности показываютъ значительные успѣхи образованности, основанные, быть можетъ, самыми усиліями Европейцовъ дасть имъ другое направленіе. Впрочемъ, чиная творенія Гумбольдта и другія, равно

вниманія достойныя, описанія, видишь что образованность, такъ сказать, разсыяна по Мексикѣ, гдѣ сосѣдственныя обласпи представляютъ часпто самую рѣзкую прошивуположность и, хотя связанныя между собою свободными сообщеніями, стоятъ, кажется, на двухъ крайностяхъ гражданственности.

Нынѣ Мексико имѣетъ совсѣмъ другой видъ, нежели прежде. Она вся находится на сушѣ, между двумя озерами Тезкуко и Ксохимилько, и въ судоходныхъ ея каналахъ текутъ только прѣсныя воды сего послѣдняго. Гумбольдтъ эту перемѣну приписываетъ разнымъ причинамъ, между прочимъ испребленію деревь, покрывавшихъ плоскую возвышенность (на коей построена столица) и всѣ горы окрестныя. Такимъ образомъ многія озера Мексиканскія изсыхаютъ мало по малу, съ тѣхъ поръ какъ лучи солнечныя безпрепятственно падаютъ на долины, въ коихъ сіи озера заключаются. Во время Монтезумы, и долго еще послѣ него, предмѣстіе Тлашелокко и др. славилась свѣжею зеленью садовъ своихъ. Нынѣ тѣ же мѣста, а особенно долины Санъ-Мазарекія, покрыты соленою коркою. Плодоносіе плоской возвышенности, коихъ еще значительное, уже не такъ велико, какъ прежде. Озеро Тезкуко вообще

имѣеть нынѣ не болѣе трехъ или пяти метровъ глубины, во многихъ мѣстахъ менѣе одного метра. За то торговля маленькаго гóрода Тезкуко претерпѣваетъ много неудобствъ въ сухіе мѣсяцы Генварь и Февраль. Недостатокъ воды не позволяетъ его жителямъ ѣздить въ столицу на лодкахъ. Этого препятствія нѣтъ на озерѣ Коохимилько, по которому плаваніе никогда не прекращается; и Мексико, черезъ каналъ Игтапалапанскій, ежедневно получаетъ овощи, плоды и цвѣты въ изобиліи. „Самую богатую, самую разнообразную картину“ говоритъ Гумбольдтъ „представляетъ Мексико, когда, въ прекрасное лѣтнее утро, взойдешь на кошорую-нибудь изъ башенъ Мексиканской соборной церкви или на вершину холма Шаполтепекскаго. Небо безоблачно; сухой, рѣдкой воздухъ высокихъ горъ даетъ ему цвѣтъ темной лазури. Богатство растѣній окружаетъ сей холмъ; древніе пни кипарисовъ, отъ пятнадцати до шестнадцати метровъ въ объемъ, возносятъ свои верхи безлиственные надъ шинессами, похожими на плачущую иву Востока. Съ сего мѣста уединеннаго открываются взору обширная долина и поля, рачительно воздѣланныя, простирающіяся почти до подошвы исполинскихъ горъ, покры-

тыхъ вѣчными льдами. Городъ, кажется, залилъ водами прекраснаго озера Тезкуко, которое окружено селеніями и напоминаетъ самыя прелестныя озера Швейцаріи. Большія аллеи буковъ и вязовъ со всѣхъ сторонъ ведутъ въ сполу; два водопровода, усроенные на весьма высокихъ аркахъ, проспираются по долинь и представляють видъ приятной и живописной. Въ сторонѣ Сѣверной виднѣсь великолѣпный монастырь Божіей Матери Гваделупской, приславленный къ горамъ Теперакакскимъ, между ровъ, закрытыхъ нѣсколькими финиковыми и другими деревьями. Къ Югу, все проспранспво между Санъ-Анжелемъ, Такуйябою и Санъ-Августиномъ де ласъ Куэвасъ, кажется обширнымъ садомъ померанцовыхъ, персиковыхъ, яблонныхъ, вишневыхъ и другихъ плодовыхъ деревъ Европы. Сія воздвланная спрана составляетъ контрастъ съ дикою картиной обнаженныхъ горъ, окружающихъ долину, между коими оплчаются славные волканы Пуэблы, Попокатепетль и Изкакситуальтъ. Первый имѣеть видъ конуса, и огромное жерло его, вѣчно пылающее, извергаетъ дымъ и пепель (*).“

(*) т. II. р. 55.

„Городъ Мексико замѣчательнѣе также по благоустроенной полиціи: большая часть улицъ имѣетъ широкіе тротуары, чиста и очень хорошо освѣщается ночью реверберами.“ (*) Носей порядокъ нѣсколько измѣнился со времени гражданскихъ войнъ, и, послѣ захождения солнца, на улицахъ Мексики также безопасно для жителей, какъ было въ Парижѣ въ XVI вѣкѣ.

По послѣднимъ и достовернѣйшимъ извѣстіямъ, нынѣшнее народонаселеніе столицы Мексиканскаго государства должно простираеться (со включеніемъ войска) отъ 135 до 145 тысячъ душъ. Съ большою вѣроятностію положимъ можно, что сіе народонаселеніе состоитъ изъ

- 2,400 бѣлыхъ или Европейцевъ ;
- 65,100 бѣлыхъ Креоловъ ;
- 59,500 природныхъ жителей (Индѣйцевъ мѣднаго цвѣта) ;
- 10,000 мулатовъ.

137,000 обитателей.

Слѣд. въ городѣ Мексикѣ 69,500 жителей разнаго цвѣта, и 67,500 бѣлыхъ.

Въ двадцати трехъ мужскихъ монастыряхъ, находящихся въ столицѣ, живеть около 1,200 монаховъ. Въ пятнадцатъ

(*) Тамъ же.

даши женскихъ 2,100 женщинъ , изъ коихъ болѣе 900 посприженныхъ. Духовенство въ городѣ Мексикѣ весьма многочисленно, хотя Мадридъ имѣеть онаго четвертью болѣе. Постоянные доходы инквизиціоннаго трибунала Мексики, которому подлежала вся Новая Испанія, Гватимала и острова Филиппинскіе, простирались до 200,000 ливровъ.

Революція, доставившая свободу Мексикѣ, опиняла у духовенства много политическаго вѣса, хотя оно и сохраняетъ еще большую силу нравственную и хотя уваженіе черни къ понятіямъ религіознымъ, превратившимся въ суевѣрные обычаи, дѣлаеть бесполезнымъ и невозможнымъ всякое покушеніе лишить духовенство вліянія.

Въ прошедшемъ *Но* упомянуто было о пловучихъ садахъ на озерахъ Мексиканскихъ; выпишемъ слѣдующее мѣсто изъ Гумбольдта, который видѣлъ ихъ въ положеніи, болѣе цвѣтущемъ, нежели въ какомъ путешественники увидяшь ихъ нынѣ. „Торговая площадь Мексики, говоритъ онъ, богата всякими съѣстными припасами, особливо овощами и плодами всякаго рода. Каждое утро при солнечномъ восходѣ можно наслаждаться прекраснымъ зрѣлищемъ, видя, какъ Индѣйцы вво-

зять сїи припасы и множество цвѣ-
шовъ на плоскодонныхъ судахъ, по ка-
наламъ Испакалько и Халко. Бóльшая
часть этой зелени разводилась на ши-
нампасахъ, которые называютъ Europej-
цы пловучими садами: впрочемъ ихъ
число съ каждымъ днемъ уменьшается.

„Остроумное изобрѣтеніе шинампа-
совъ, кажется, относится къ концу XIV
столѣтія. Оно произошло отъ необык-
новеннаго положенія народа, который,
будучи окруженъ испріятелями и при-
нужденъ жить посреди озера безрыбна-
го, опыскивалъ все способы для свое-
го продовольствія. Вѣроятно, сама при-
рода подала Азтегамъ мысль къ устро-
енію пловучихъ садовъ. Съ болонис-
скихъ береговъ озеръ Ксохимилько и Халко
вода, возмущенная въ дождливыя време-
на года, сноситъ большія глыбы земли,
покрытая зеленью и переплетенная
корнями. Сїи глыбы, носимыя вѣтромъ
въ разныя стороны, иногда соединяю-
ся въ маленькіе острова. Нѣкоторыя
поколѣнія людей, не имѣя достаточныхъ
силъ, чтобы обезопасить себя на твердой
землѣ, рѣшились воспользоваться сими
участками земли, которые случай пред-
ставлялъ имъ и которыми они могли
владѣть не спрашаясь припязаній отъ
враговъ. Древнѣйшіе шинампасы были ис-
кусственно составлены изъ дернищъ, сло-

ченихъ и засѣянныхъ Азшетами; но промышленность сего народа мало по малу усовершенствована такой образъ земледѣльства. Пловучіе сады, найденные Испанцами въ большомъ количествѣ и изъ коихъ нѣкоторыя донныя существуютъ на озерѣ Халко, составляли родъ плоховъ изъ тростника (*totora*), камыша, корней, вѣтвей и листьевъ; Индѣйцы, переплетши сіи легкія плѣла, покрываютъ ихъ слоемъ чернозема, обыкновенно наипаннаго поваренною солью. Испрабляютъ сію соль, поливая почву по немногу озерною водою, и чѣмъ чаще это производится, тѣмъ она становится плодоноснѣе. Съ равнымъ усилкомъ употребляютъ на сіе соленую воду озера Тезкуко; ибо она мало содержитъ соли. На шинампацахъ находится иногда и хижина Индѣйца, которому ввѣряется присмотръ за нѣсколькими пловучими садами. Ихъ переправляютъ по произволу отъ одного берега къ другому посредствомъ длинныхъ шестовъ.“

„По мѣрѣ того, какъ озеро прѣсное опдалилось отъ соленого, шинампасы установились на одномъ мѣстѣ. Подобныя встрѣчаются по всему каналу Вигскому, на болотистомъ пространствѣ между озерами Халко и Тезкуко; каждый составляетъ параллелограмъ во

100 мепровъ длины и въ 5 или 6 ширины; они отдѣляются узкими каналами, имѣющими симметричное сообщеніе. Почва годная для воздѣлки, освобожденная отъ соли частыми наводненіями, возвышается почти на одинъ мепръ надъ поверхностью окружающей воды. На сихъ-то шиннамасахъ воздѣлываютъ бобы, горошекъ, картофель, аршишоки, цвѣтную капусту и разную зелень: края ихъ обыкновенно усѣяны цвѣтами, даже иногда кустами розъ. Прогулка въ лодкѣ около шиннамасовъ Испакалько есть одна изъ пріятнѣйшихъ въ окрестностяхъ Мексики.“

(Будетъ продолженіе).

С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ письма изъ Парижа. — Нювыя зданія въ Парижѣ: Биржа, Коммерческій судъ, памятникъ Мальзербу. Пребываніе Валтера-Скотта въ Парижѣ.

... Здѣсь не только искусства и науки подвигаются впередъ исполинскими шагами, но и въ матеріальномъ отношеніи Парижъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ весьма много украсился. Зодчество, Ваганіе и Живопись соревнують между собою. Множество прекрасныхъ и великолѣпныхъ лавокъ и магазиновъ, построенныхъ въ послѣдніе два года, ничего не оставляютъ желать кромѣ распространенія торговли и успѣха въ купеческихъ оборотахъ: но въ этомъ-то именно здѣсь великій недостатокъ! Большая часть превосходныхъ магазиновъ новаго базара, въ улицѣ st. Нологѣ, почти пусты. Сей базаръ построенъ не шакъ, какъ обыкновенно строятся госпінные дворы, но въ видѣ огромной длинной залы, которая согрѣвается печами и каминами. Два богато одѣтыхъ лакея, въ башмакахъ и въ шелковыхъ чулкахъ, стоятъ у входа и растворяютъ для всякаго покупщика большія створчатыя двери, обитыя краснымъ сукномъ. Духъ промышленности обнаруживается въ этой великолѣпной залѣ во всемъ своемъ многообразіи; однако, несмотря на то, чрезвычайный упадокъ торговли становится болѣе и болѣе замѣнимъ и почти съ каждыиъ днемъ уменьшается число открытыхъ богатыхъ магазиновъ по причинѣ внезапнаго банкротства хозяевъ. Бѣдность въ низшемъ классѣ здѣшнихъ жишелей дѣлается примѣнно ошутительною, и благотельное правительство до сихъ поръ напрасно

употребляетъ всё зависящія отъ него средства къ отвращенію сего несчастія и къ отысканію насюющей причины оного. Король, питающій истинно родимельскія чувствованія къ своему народу, и вся королевская фамилія, щедро рассыпають свои благодѣянія нуждающимся, разливая повсюду отраду и утѣшеніе.

Къ превосходнымъ публичнымъ зданіямъ въ Парижѣ можно шеперь причислить также Биржу, которую справедливо называютъ *palais de la Bourse*, но ея огромности и ошличному великолѣпію. Она находится подлѣ биржевой площади, въ улицѣ *Vivienne*, и отккрыта 4 Ноября, 1826, въ день измѣненія королевскихъ. Сіе масперское произведеніе новѣйшей Архитектуры не совсѣмъ еще окончано, впрочемъ весьма немного остается недодѣланнаго. Медленно подвигалось впередъ это великое предпріятіе, начатое еще въ эпоху Императорскаго правленія; но тѣмъ съ большею прелестію достигло своего совершенства и явилось взорамъ удивленной публики. Банкиры и всѣ важнѣйшіе законодатели денежнаго курса по торговымъ заняли уже свои мѣста въ этомъ храмѣ Плуруса, великолѣпномъ, изящномъ, едва ли не единственномъ въ своемъ родѣ.

Большая биржевая зала, какъ главнѣйшая часть сего зданія, занимаетъ площадь въ 96-ть фуш. длины, 54 ширины, и окружена двойнымъ рядомъ колоннъ въ два этажа, числомъ 68, которыя утверждены на 28 сводахъ. Первый этажъ образуетъ галерею во все пространство залы, второй освѣщаетъ ея преддверіе и боковые входы въ Коммерческій судъ, о коморомъ буду говорить дослѣ. На каждомъ сводѣ устроены возвышенныя мѣста или хоры, откуда можно сморять на весь дѣла, ошправляемый на биржѣ,

составлять свои замѣчанія по першамъ лицъ игроковъ въ сію азартную игру или самому принималъ въ ней участіе. Вссобщаа спрасть къ богатству и спекуляціямъ дѣлаеть сіс зрѣлище живымъ и привлекательнымъ. —

На выдавшемся краѣ второй галлерей колоннъ, въ 44 фуза вышиною, утверждены своды куполообразной кровли, по срединѣ которой находятся широкія стеклянныя рамы, пропускающія свѣтъ во внутренность зданія. Сіи своды украшены богатыми рельефами и превосходною живописью работы Меніе и Абель Пюжо.

Полъ устланъ французскимъ мраморомъ и съ своей стороны не мало способствуетъ къ красотѣ ублаго, котораго видъ имѣеть характеръ величія и производитъ въ зритель самое пріятное впечатлѣніе.

Коммерческій судъ помѣщается въ такой же обширной и прекрасной части зданія. Предъ главною Палатою засѣданія находится довольно просторная комната, за которою есть еще гораздо обширѣйшая пріемная зала. Здѣсь такъ же, какъ и въ биржевой залѣ, полъ устланъ мраморомъ, а округленный сводами куполь, кромѣ богатой льпной работы, украшенъ сверхъ того прелея большими превосходными картинами. На срединѣ видно изображеніе *Меркурія* и *Фемиды*; по одну сторону — *Изобиліе*, разсыпашее изъ своего рога дары промышленности, по другую — *Справедливость*, срывающая маску съ *Обмана*. Первая изъ сихъ картинъ работы *Блонделя*, двѣ другія также суть произведенія лучшихъ художниковъ — но все вышнѣ производящъ чрезвычайное дѣйствіе. Коммерческій судъ, занимающій весь первый этажъ,

имѣешь еще другую залу засѣданія на выдавшемся концѣ строенія, котораго средину, какъ я уже сказала, составляетъ главная биржевая зала.

Въ этотъ же день именинъ Королевскихъ (St. Charles) происходило торжественное открытіе памятника въ честь Мальзербу, воздвигнутаго въ одной изъ галлерей главной залы palais de Justice. Въ одномъ изъ углубленій видно колоссальное изображеніе Мальзербы, опирающееся на двѣ мраморныя колонны; на подножіи оного слѣдующая надпись:

Strenue semper fidelis

Regi suo

In solio veritatem

Praesidium in carcere

Attulit.

По сторонамъ двѣ фигуры, *Вѣрности* и *Франція*. Последняя подаетъ добродѣтельному защитнику Людовика XVI вѣнецъ изъ дуба и лавровъ; *Вѣрность* обнаруживаетъ свое участіе движеніемъ и взорами. Подножія обѣихъ фигуръ украшены мѣдною работою.

Въ художественномъ отношеніи знаменіи находятъ въ себѣ новѣйшемъ произведеніи отличнѣйшихъ Французскихъ мастеровъ много первоклассныхъ красокъ и много недосмотровъ. Можетъ быть, мнѣнія ихъ въ этомъ случаѣ совершенно справедливы и особливо если разсматривать памятникъ сей по частямъ и отдѣльно; но вѣдь цѣлаго, по видимому, ничѣмъ не нарушается гармоніи эстетическаго наслажденія въ зрителѣ: чаруя пріятностію наружныхъ формъ, онъ исполняетъ его въ высшій благородствомъ и величіемъ господствующей идеи. Нельзя, конечно, опмятъ у

сего памятника качеством истинно художественныхъ, которыхъ посвящаютъ его въ рядъ съ лучшими творениями изящныхъ искусствъ нашего времени. Опишу вамъ его, какъ умѣю.

Главная статуя есть произведеніе Дюмона; аллегорическія фигуры работы Бизоа. Барельефы первой, сдѣланныя Г. Каршо, представляютъ Людовика XVI въ темнищѣ въ ту самую минуту, когда благородные защитники сего Государя, получивъ отъ него приказанія, удалились, дабы присутствовать въ засѣданіи національнаго конвента. Король сидитъ предъ маленькимъ столикомъ; прошивъ него споятъ *Мальзербъ*, *Дезесъ* и *Труше*; на одной сторонѣ чиновникъ національной гвардіи; нѣсколько полицейскихъ служителей видны у входа. По другую сторону, подлѣ камина, въ близкомъ разстояніи отъ своего Государя стоить вървый *Клеръ*.

Положеніе несчастнаго Монарха спокойное, на челѣ его видно еще выраженіе крошечнаго величія. Въ чертахъ лица и въ осанкѣ Мальзерба, кромѣ естественнаго сходства, всегда необходимаго при изображеніи особы исторической, художникъ умѣлъ сохранить признаки возвышенности его характера. При изображеніи Дезеса искусство почти не имѣло нужды прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ поэзіи: онъ представленъ точно въ такомъ положеніи, въ какомъ, по увѣренію очевидцевъ, дѣйствительно находился въ ту роковую минуту. — Къ сожалѣнію, нельзя примѣнить эгихъ словъ къ фигурѣ Труше, которая не въ всякъ удачна. Имѣя фізіогномію и осанку вовсе неудобную къ художественному представленію, сей четвертый герой группы, въролтно, приводилъ собою въ большое затрудненіе художни-

ка, который впрочемъ много погрѣшилъ бы противъ Исторіи, исполнивъ свою работу единственно по образцу поэтической фанпази. Близость изображаемаго произшествія, почти намъ современнаго, въ некоторомъ образѣ даже претовала отъ него необходимаго пожертвованія въ пользу исторической точности. — Клеры, представляемый только въ полу-свѣтѣ, закрываетъ рукою глаза и, кажется, обливаема слезами, — сія фигура распространяетъ уныніе на всю картину и дѣлаетъ зрѣлище сіе тѣмъ болѣе шрогапельнымъ. На изображенія чиновника и полицейскихъ служителей надобно смотрѣть, какъ на предметы постороннія — въ этомъ отношеніи они весьма удачны. —

Двѣ аллегорическія статуи, *Вѣрность и Франція*, удовлетворяють вполне требованіямъ самаго утонченнаго вкуса: привлекательность формъ, правильное соотношеніе частей, ясность идей, которыя онѣ выражаютъ, составляютъ отличительное въ нихъ достоинство. Замѣтимъ еще чрезвычайную нѣжность въ подражаніи природѣ и легкость драпировки. —

Относительно главной фигуры, представляющей Мальзербъ, безпристрастіе вынуждаетъ сказать, что она могла бы быть лучше, особливо въ чертахъ лица и въ осавкѣ, которая вѣроятно, для большей вѣрности, снята художникомъ съ какихъ нибудь фамильныхъ портретовъ сего благороднаго мужа. Къ сожалѣнію въ природѣ доброе не всегда бываетъ въ соединеніи съ прекраснымъ; но для этого искусство имѣетъ свои собственные законы, которые только одни и должны имѣть первенство въ твореніяхъ художника. Дюмонъ, оставшись вѣрнымъ исторіи, измѣнилъ искусству и тѣмъ вповне еще болѣе. Его не извиняетъ даже и приведен-

ное мною выше исключеніе относительно фигуры Труше, которая нимало не опредѣляетъ главнаго характера всей группы; следовательно позволяетъ, а по обстоятельству даже требуетъ нѣкотораго отклоненія отъ идеала; здѣсь напрашивъ: статуя Мальзербъ есть средоточіе всего творенія. По крайней мѣрѣ, Дюмонъ, подобно Г. Каршо, долженъ бы былъ воспользоваться нравственнымъ превосходствомъ изображаемой имъ особы, которая по величію своего характера, безъ сомнѣнія, есть прекраснѣйшій предметъ для художественнаго представленія. Знаюки находятъ въ этой статуѣ еще другой, не менѣе важный недостатокъ: несоразмѣрность величины въ сравненіи съ боковыми фигурами. Впрочемъ сей недостатокъ нельзя поставить въ вину художнику, ибо онъ произошелъ случайно. Я слышалъ будто сіе изваяніе Мальзербъ предназначено было прежде не для сего памятника, но въ Музей *славныхъ мужей*, который теперь не сокупленъ еще въ одномъ мѣстѣ и разбѣянъ по галереямъ Лувра и заламъ Института.

Теперь скажу нѣсколько словъ въ отвѣтъ на ваше посланіе, въ которомъ просите извѣстій о послѣднемъ пребываніи здѣсь Валтеръ-Скотта и *т.е. нибудь* объ Литературѣ.

Мнѣ нѣчего или почти нѣчего сообщать вамъ: Валтеръ-Скоттъ былъ эфемернымъ явленіемъ въ Парижѣ; онъ прожилъ здѣсь не болѣе осьми дней, которые употребилъ на литературныя занятія и справки для выдаваемого имъ теперь въ свѣтъ новаго творенія, Исторіи Наполсона. Немногіе имѣли счастье видѣть этого чуднаго человѣка или этого чуднаго писателя лицомъ къ лицу. Онъ однажды только показался въ

обществѣ и то въ домѣ Англійскаго посланника; слѣдовательно любопытство Парижанъ осталось въ этотъ разъ неудовлешвореннымъ. За два года предъ симъ съ такимъ же неперпнѣемъ ожидали его въ Парижъ, и вы конечно помните мои тогдашнія на сей счетъ предсказанія: — они сбылись на самомъ дѣлѣ. Чужестранное произношеніе, незнаніе тонкостей въ оборотахъ и непривычка бѣгло изъясняться пофранцузски, вскружили Парижанамъ головы и казались невѣроятнымъ дѣломъ въ услахъ такого чловѣка, какъ всеобожасмый Валтеръ Скоптъ. Парижскія дамы кричатъ его осанку, главнѣйшую вещь въ Парижѣ, т. е. первое условіе нравиться. И подѣломъ! — мать природа удѣлила немного стройности шѣлесной Великобританскому Барду и сдѣлала это вѣроятно съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вознаградить издержки, употребленныя ею на умѣенные для него наряды. У ней, конечно, были свои расчеты; но опъ эшаго нмало нелегче Валтеру - Скопту, и хоша разумѣется само собою, что оригинальный, прямой, естественный Шотландецъ не могъ и думать ошамиваться ни шуриурой Парижскихъ франтовъ, ни французскимъ jargon; но эшо опнюдь не извиненіе. А ежели прибавите къ симъ неудачамъ еще и то несчастіе, что онъ не оставилъ послѣ себя ни одного bon mot, которое можно было бы привести въ свидѣтельство его оспроумія: то можете положить почти навѣрное, что звѣзда славы Автора Ваверлея померкла значительное зашмвнѣе на берегахъ Сены. — Король мимоходомъ въ одной изъ галлерей Тюльерійскихъ сказалъ ему по Англіиски нѣсколько обязательныхъ словъ, на которыя В. Скоптъ опвѣчалъ съ должнымъ приличіемъ: и вошь все, что мож-

но было рассказывать объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ въ гостинныхъ Парижа. Правда, журналисты и въсповѣдники много здѣсь объ немъ писали и говорили; иные даже предсказывали скорое его супружество съ какою-то весьма богатою вдовою, которая будио вызывалась удовлетворить всѣхъ его кредиторовъ: — но теперь эти господа прикусили себя губы, узнавъ о роковомъ Шотландскомъ обѣдѣ, который, въ литературномъ отношеніи, можетъ быть, такъ же многозначителенъ, какъ Вестфальскій мѣръ въ политическомъ. В. Скопитъ публично объявилъ себя единственнымъ сочинителемъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ подъ его именемъ поэмъ, балладъ и романовъ! Слѣствія такой откровенности теперь уже оказываютъ благотворное вліяніе на его состояніе, ибо онъ покѣнчилъ самымъ лучшимъ образомъ все счеты съ своимъ обанкротившимся книгопродавцемъ и даже напередъ получила обезпеченіе въ случаѣ недоимокъ. За Песторію Наполеона залашими ему 11,000 фун. стерл. (сверхкомъ 300 т. руб.) съ тѣмъ, чтобы по продажѣ 8000 экзempl. оной поступила она снова въ его собственность и могла быть опять продаваема. — Вошь какими пригоршнями берутъ деньги въ чужихъ краяхъ извѣстные Писатели! —

Чтожь сказать объ Литературѣ? Произведеній чисто литературныхъ, имѣющихъ характеръ общности, въ послѣднее время не вышло никакихъ замѣчательныхъ; слѣдовательно вы позволите мнѣ попросить у васъ на сей разъ отсрочки до другаго времени. . . .

Арк. —

Новыя извѣстія о Лаперузѣ.

По прошествіи столь долгаго времени, послѣ многихъ тщательныхъ поисковъ, не было надежды получить извѣстія о судьбѣ сего знаменитаго и несчастнаго мореплавателя. Еще менѣе казалось возможнымъ найсти въ живыхъ кого-либо изъ его спутниковъ. Между тѣмъ прибылъ въ Калькутту, въ послѣднихъ числахъ 1826 года, капитанъ Американскаго корабля, объявившій, что онъ въ Мавъ мѣсяцъ этого года осматривался у Тукопін, одного изъ острововъ Ново-Гибридскаго Архипелага и привезъ съ собою Прусскаго мажроса, который жилъ 13 лѣтъ на островѣ Тукопін: сей мажросъ утверждаетъ что на Маликоло, главномъ островѣ новыхъ Гебридовъ, есть нѣсколько Европейцевъ, коихъ онъ принимаетъ за Французовъ, перенесшихъ кораблекрушеніе. Мажросъ имѣлъ съ собою шпажнѣю эфесъ Французской работы и показывалъ его многимъ Французскимъ купцамъ живущимъ въ Калькуттѣ. По объявленію Прусскаго мажроса онъ видѣлъ шпаги и саблю, серебряныя приборы и другія вещи въ рукахъ жителей Тукопін, когда былъ тамъ осматриванъ въ 1813 г. Изъ объявленія Американскаго капитана также можно заключить, что въ этомъ Архипелагѣ корабли: *Компасъ* и *Астролябія* перенесли кораблекрушеніе. Англійская Индостанская компанія твердо была въ томъ увѣрена и послала къ остр. Маликоло корабль, на коемъ отправилъ также одинъ Французъ, Г. Шенью, который получилъ назначеніе, какія дѣлать разысканія. Капитанъ корабля долженъ привезти въ Бенгалъ тѣхъ мореходцевъ, кои остались еще въ живыхъ на Маликоло. Шенью получалъ сукна, зем-

ледяческих орудій и пр., чтобы раздать их туземцам и прешерпвшим кораблекрушеніе, хотя-бы они пожелали возвратиться, или осесть въ Архипелагъ. Надѣмся, что всякой съ удовольствіемъ прочтетъ слѣдующую свѣдѣнію, объявленную министромъ французскихъ морскихъ силъ, въ коей собрано существенное изъ разныхъ писемъ и донесеній, доставленныхъ правительству капитаномъ корабля Кордіе, служащаго въ Шандернагоръ. „Одинъ Американскій капитанъ объявилъ, что видѣлъ въ рукахъ дикихъ одного острова, находящагося между новою Каледоніей и Лузіаною, крестъ св. Людовика и медали, оставшіяся, по его мнѣнію, послѣ кораблекрушенія Лаперуза. Сіи извѣстія доставлены были Г. Дювонъ д'Юрвилъ начальнику корветовъ Е. В. *Астроляби*, которая послана была 25 Апрѣля 1826 года изъ Тулона для открытій; ему предписано было дѣлать всевозможныя розыски, чтобы возвратить опечаленному хотя нѣкоторыхъ изъ несчастныхъ мореходцевъ, если они еще живы. Вѣроятно Г. Юрвилъ находится теперь уже въ тѣхъ водахъ, кои посѣщенію ему было назначено. Новополученныя извѣстія подкрѣпляютъ объявленіе Американскаго капитана. Капитанъ Дильонъ, начальникъ Англійскаго корабля *Св. Патрікія*, основаннаго 13 Мая 1826 года на пути отъ Вальпарезо къ Подвисери у остр. Туколіи, чтобы отыскать тамъ Прусскаго мажроса и одного Ласкара, оставленныхъ имъ на семь островъ въ 1813 г. Ласкаръ носилъ шапку, которой эфесь былъ изъ стараго серебра и Французской работы; онъ доставилъ ее себѣ на островъ. Капитанъ Дильонъ узналъ отъ Прусскаго мажроса, что въ Туколіи онъ видѣлъ у туземцевъ шапчныя чашки, сабли, свасты, чугуныя кошлы, вилки, ножи,

все Французскаго пѣдѣля. Всѣ сіи вещи получались отъ жишелей острова Маликюло. Жишели сего послѣдняго объявили, что давно уже одинъ большой корабль разбился при островѣ Уганю, и экипажъ оного былъ погибъ; что въ то же время разбилось при островѣ Паювъ другое большое судно, котораго экипажъ былъ хорошо принятъ туземцами; что сей корабль выгрузилъ на землю часть вещей, которую могъ спасти; въ останковъ корабля матросы построили перевозное судно; капитанъ съ нѣкоторыми изъ нихъ съѣлъ на оное, обѣщая прочимъ скоро возвратиться за ними. Прусской матросъ объявлялъ, что на остр. Паювъ живутъ два матроса погибшаго корабля: одинъ оружейникъ, другой плотникъ, и что вѣроятно другіе матросы сего экипажа разсѣяны по разнымъ островамъ Ново-Гибридскаго Архипелага. Извѣстія, собранныя капитаномъ Дильономъ, казались довольно достоверными и побудили совѣтъ Индійской компаніи въ Калькуттѣ послать въ эполю Архипелага корабль *Розмсканіе*; капитанъ его долженъ плыть къ остр. Маликюло и собрать тамъ померившихъ кораблекрушеніе. Сіе судно должно было отправиться изъ Калькутты съ 15 на 20 Декабря. Г. Кордье, капитанъ корабля, употребляемаго въ Шандернагорѣ, получалъ позволеніе обшривать также на *Розмсканіи* Г. Шеню.

Выписки изъ Калькутской газеты 28 Сентября 1826 года. (Донесеніе Капитана Дильона). „Въ Сентябрѣ 1813 г. я былъ офицеромъ на Бенгальскомъ кораблѣ Гюнтеръ, подъ начальствомъ капитана Робсона, плывшаго изъ Калькутты въ Новую Голландію, къ островамъ Фиджи и въ Каншонъ. Приставъ къ остро-

замъ Фиджи, мы открыли, что многіе Европейцы жи-
 вуть на оныхъ. Одни потерпѣли кораблекрушеніе, дру-
 гіе были бѣглые, а нѣкоторые ославлены разными ко-
 раблями, приспававшими къ симъ островамъ до наше-
 го прибытія. Мы употребляли ихъ на собраніе для
 груза моллюсковъ, сандалнаго дерева и другихъ произ-
 веденій сихъ острововъ. Къ несчастію, случилась ссора
 между жителями города, именуемаго Виленъ (Vilan) на
 берегу Сандаль-Вудъ, и въ тревогѣ 7 Сентября всѣ
 Европейцы, тамъ находившіеся, были убиты
 кромя меня и двухъ человекъ: Бухерта, ро-
 домъ изъ Штетина въ Пруссіи, бывшаго прежде
 насъ на семь островъ, и Вилліама Вильсона, ко-
 торый принадлежалъ къ нашему экипажу. Ссылаюсь
 на газету Калькутскаго Правительства, 6 Февраля
 1817 г., гдѣ изображены подробности сраженія и
 способъ, коимъ мы избѣгли смерти. Мартинъ Бу-
 хертъ и одинъ Ласкаръ, именемъ Шуліа, коего мы
 нашли на островѣ, удалились на борть Гюнтера.
 Они вѣрво бы погибли, еслибъ возвратились на землю,
 и потому просили капитана Робсона довести ихъ до
 первой земли, которая встрѣтилась имъ на пути
 къ Кантону. Капитанъ согласился. Мы отправились
 отъ Фиджи 12 Сентября, и дого увидѣли землю,
 которую признали за островъ Туконію, лежащую подъ
 12° 15' южной шир. и 163° восточн. долг. На кар-
 тахъ сей островъ называется *Барлеманъ*, но туземцы на-
 зываютъ его Туконія. Прусакъ и Ласкаръ, съ женщиной,
 которую взялъ съ собою изъ Фиджи, просили, чинобъ
 ихъ высадили на сей островъ; мы ихъ тамъ оставили
 и продолжали наше путешествіе. 13 Мая 1826 г. я
 находился въ виду Туконіи, идучи изъ Вальпарезо въ

Пондшери на корабль *Св. Патрикя*. Возбуждаемый любопытством и участием къ старому товарищу въ опасности, я легъ въ дрейфъ предъ Тукониею, желая удостовериться, живы ли тѣ, которыхъ я оставилъ тамъ въ 1813 году. Вскорь байдара опшала ошъ берега и подошла къ борту: Ласкаръ управлялъ ею; топчасъ въ другой лодкѣ привалилъ и Мартинъ Бухертъ. Оба были здоровы и мнѣ очень обрадовались. Они разсказывали, что хорошо были приняты туземцами и весело жили съ ними; что съ того времени, какъ они были высажены на островъ, до моего прибытiя только два Англьскихъ китовыхъ промышленника присиавали къ берегамъ: первый, годъ тому назадъ, а другой вскорь послѣ перваго. Ласкаръ имѣлъ сивую шпакную чашку изъ серебра, которую и продалъ за нѣсколько улочекъ людямъ моего экипажа. Я спросилъ Прусака, откуда онъ взялъ ее: онъ опшчалъ мнѣ, что въ бытность свою на островъ видѣлъ у жителей эту чашку, нѣсколько канашовъ, желѣзныхъ крючковъ, пять шпоровъ, череновъ серебряной вилки, нѣсколько ножей, чайныя чашки, бусы, бушмаки, серебряную ложку съ коронованнымъ везелемъ, и шапу — все Французскаго издѣлiя. Сверхъ того онъ сказалъ мнѣ, что какъ скоро научился достаночно языку островитянъ, то и спросилъ у нихъ, какъ достали они все сiя вещи; ибо, по ихъ словамъ, Гюншертъ былъ первый корабль, входившiй съ ними въ сношенiя. Они опшчали, что почти на два дни вѣды есть довольно многочисленная группа острововъ, называемая общимъ именемъ Маликоло; что они часто вѣданы туда и получили сiя вещи отъ тамошнихъ обитателей, у которыхъ множество по-

добилихъ. Внимательно разсматривал плавающую чашку, и открылъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что на ней вытѣаны были начальные буквы имени Ла-Перуза: это усугубило мою внимательность, и я сталъ дѣлать свои розыски еще съ большимъ жаромъ. Съ помощію Бухерля и Ласкара я началъ распрашивать нѣкоторыхъ островитяевъ, какими образомъ сосѣди ихъ приобрѣли сіи желѣзные и серебряныя вещи. Жители Маликоло рассказывають — ошибчли они мнѣ — что за много лѣтъ предъ симъ два большія судна приехали къ острову имъ. Одинъ остановился у острова Вануо, другой у Паова, который недалеко отъ Вануо. Нѣсколько времени послѣ того какъ они стали на якорь, и прежде нежели имѣли какое нибудь сношеніе съ жителями, поднялся сильный вѣтеръ, и оба корабля были прибиты къ берегу. Тотъ, который стоялъ у Вануо, ударился объ утесы. Жители во множествѣ сбѣжали на берегъ, вооруженные дубинами, копьями, луками и стрѣлами. Они пустили нѣсколько стрѣлъ на корабль, который отвѣчалъ имъ пушечною пальбою и нѣсколькими ружейными залпами; многіе островитяне были убиты. Корабль, продолжая биться о берегъ, скоро разсѣялся въдребезги. Нѣкоторые люди экипажа съли въ лодки, были выброшены на берегъ, и разъяренные островитяне умертвили ихъ всѣхъ до одного. Другіе побросались въ море и если попадавали до земли, то подвергались жребію своихъ несчастныхъ товарищей: такимъ образомъ ни одинъ человекъ съ этого корабля не избѣгнулъ смерти. Корабль, стоявшій при Паовѣ, вынесенъ на песчаной плоской берегъ: островитяне приближались и также пустили стрѣлы; но корабельщики были довольно благоразум-

ны и не хотѣли мстить: показали имъ поповоу, бусы и другихъ бездѣлицъ, предлагая въ знакъ мира. Вражда пошчасъ прекратилась. Какъ скоро въперъ ушли, одинъ престарѣлый начальникъ сѣлъ въ лодку и подѣхалъ къ кораблю: его приняди ласково, и дредовили ему подарки, которые онъ принялъ. Возвратившись на берегъ, онъ условилъ своихъ единоземцевъ, увѣряя, что люди корабля добры и крошки. Многие изъ жителей вошли на бортъ, и имъ также сдѣланы незначущіе подарки. Они снабдили экипажъ свинцоу, лиицеу, баранами, кокосовыми орѣхами и др.; и довѣренность скоро ушвердилась съ обихъ сторонъ. Экипажъ, принужденный оставить корабль, сошелъ на землю, свдая что было можно. Тамъ оставался онъ нѣсколько времени и изъ обломковъ построилъ небольшое судно. Какъ скоро оно было готово, на него сѣло сшолько человекъ, сколько могло уместиться, и островитяне снабдили ихъ достаточнымъ количествомъ съешныхъ припасовъ. Сии мореходцы оставили многихъ собраній на островѣ, отдавая скоро воротившись съ подарками для жителей и взявъ тогда съ собою остальныхъ людей своего экипажа. Ошплывающее судно оставило сямъ послѣдними нѣсколько ружей и пороху, что ихъ сдѣлало весьма полезными для островитянъ, бывшихъ тогда въ войнѣ съ сосѣдами. Жители Тувоніи увѣрили, что много вещей съ упомянутыхъ двухъ кораблей еще хорошо сохранилось на островахъ Маиколо. Почти за семь мѣсяцевъ до моего приезда, лодка, возвратившаяся изъ Дангоо, привезла два большіе свиска канашовъ и желѣзный крюкъ почти въ чешыре фуша длиною. Я самъ говорилъ въ нѣкоторыхъ изъ щихъ, которые были въ послѣд-

ній разъ въ Маликоло: они мнѣ сказывали, что на сихъ островахъ есть еще множество желѣзныхъ вещей съ погибшихъ судовъ. Тѣ, копорыя видѣлъ Мартинъ Бухертъ, были очень испорчены ржавчиной. Сколько мнѣ удалось узнать, шюлько одна серебряная ложка была привезена на Туколю, и весьма жаль, что Бухертъ передѣлалъ ее въ кольца и другія украшенія для островскихъ женщинъ. Мнѣ теперь принадлежатъ шпажная чашка, одно изъ колець, сдѣланныхъ изъ ложки, и нѣсколько бусъ съ погибшихъ кораблей. Прусакъ никогда не рѣшался ѣхать въ Маликоло съ островитянами; но Ласкаръ былъ тамъ разъ или два; онъ утверждаетъ, что видѣлъ Европейцевъ, находящихся на островѣ Пайовъ, что они говорятъ на языкѣ островитянъ и что онъ разговаривалъ съ ними. Эти люди были уже стары. Они сказывали ему, что давно уже разбился корабль ихъ, и показывали его остатки. Ни одинъ корабль, по ихъ извѣстію, не присиавалъ къ островамъ ихъ, съ тѣхъ поръ какъ они вышли на нихъ, большая часть ихъ товарищей померла, они жили разсыянно по разнымъ островамъ, и не возможно сказать на вѣрное, много ли изъ нихъ осталось въ живыхъ. Я помню много другихъ подробностей изъ разговора съ Ласкаромъ и островитянами, и все сіи подробности сильно подтверждаютъ истину ихъ первыхъ донесеній. Я рѣшился ѣхать какъ можно скорѣе на острова Маликоло, чтобы видѣть собственными глазами остатки корабля и, если возможно, взять съ собою двухъ людей, съ которыми Ласкаръ говорилъ и копорыя суть Франдузы по его увѣренію. Съ сею цѣлію я просилъ его ѣхать со мною, но онъ отказался, извиняясь тѣмъ, что женатъ, живеть покойно, хочетъ провести остатокъ дней своихъ

на островѣ, что ни угрозы, ни просьбы, ни обещанія не измѣняли его намѣренія. Я даже обѣщался довести его назадъ въ Тукопию — онъ не хотѣлъ слышать моихъ предложеній. Прусакъ, напрошивъ шото, накупила дикую жицію, которую велъ 14 львъ, и весьма жалеть оставшея со мною. Я согласился держать его и убилъ одного живала Тукопиі вълашь съ собою. Бухершъ теперь на моемъ кораблѣ и всегда будетъ головъ полнвердигъ мой донецкя. Мы выехали изъ Тукопиі . . . Мая и увильи Маликоло везеть . . . дней: къ и счаснїю шотъ продержалъ насъ семь дней. Съешные привасы мои совѣшь почти исподѣлись, и не возможно было занаснись мясомъ въ Тукопиі: мы пишали в пренмудесшвенно лананамъ и бананамъ Новой Зеландїи. Корабль мой, давно бывашїи на водѣ, шекъ . . . . .

Всѣ эти причины засажали меня воспользоваться первымъ легкимъ выпрошь и продолжалъ свое душешеснїе. Съ поможїю Божїей я прибылъ наконецъ въ сей портъ, послѣ многихъ затрудненїи, причиною коихъ было дурное состоянїе корабля моего.

О работаніи въ Москеѣ шалей.

(Сообщено).

Извѣстно, въ какомъ всеобщемъ употребленіи у насъ въ Россіи шали называются Турецкія шали. Мода, сдѣлавшая ихъ необходимыми, доводила усердныхъ посольствователей своихъ и чини до жалованья: ибо лучшія шали продавались отъ шести до тридцати тысячъ рублей. Невозможности основанной съволь общаго употребленія шалей и сожаленіе объ огромныхъ суммахъ, уходившихъ за ними къ иностранцамъ, какъ за вещь, внутреннею досадою овладѣва неумѣющую, заставили некоторыхъ думать о средстве исправивъ сіе зло, важное по своимъ послѣдствіямъ. Сія забота привела ихъ къ мысли завести въ Россіи работаніе сихъ шалей. Московскою 2-й гильдіи купецъ, Федоръ Алексѣевичъ Гучовъ, руководимый совѣтомъ Ф. П. Державина, рѣшился завести у себя работаніе шалей на подобіе такъ называемыхъ Турецкихъ. Первымъ онымъ его усиліемъ на пользу общую представлень его Сіятельству Московскому Военному Генералъ-Губернатору Князю Дмитрію Владимировичу Голицыну, который радуясь успѣхамъ Московской промышленности, купилъ Русскую шаль и отправилъ въ подарокъ Княгинѣ Нашалѣ Петровнѣ Голицыной. Сія шаль, обратила на себя вниманіе Императрицы Елисаветы Алексѣевны: Монархиня, соревнуя успѣхамъ мануфактуръ Россійскихъ, благоволила заказать подобную шаль для собственной Ея Величества Особы. Сіе Высочайшее вниманіе ожи-

возворило предпріятія купца Гучкова, побудивъ его къ доведенію своихъ издѣлій до возможной степени совершенства. Между тѣмъ слухъ о дѣланіи въ Москвѣ шалей распространился; для покупки оныхъ начали пріѣзжать изъ Варшавы, Риги, Либавы и другихъ пограничныхъ городовъ. Наконецъ извѣстіе о успѣхахъ сей отрасли промышленности въ Москвѣ достигло, вѣроятно чрезъ письма коммиссіонеровъ, до фабрикантовъ Ліонскихъ. Въ 1824 году прибылъ въ Москву одинъ изъ таковыхъ шалевыхъ фабрикантовъ, именемъ Лепорперъ, единственно для того, чтобы собственными глазами увѣриться въ работаніи шалей въ Москвѣ. 9 Октября того же года онъ показанъ былъ сему Лепорперу, и онъ, въ присутствіи многихъ Русскихъ и иностранцевъ, объявилъ свои сомнѣнія въ томъ, точно ли онъ дѣланы въ Россіи; но тутъ же былъ убѣжденъ. Въ это же самое свиданіе съ Ліонскимъ фабрикантомъ Лепорперомъ Русскіе мануфактуристы объявили ему, что они приготовляютъ машину, которая будетъ приводима въ дѣйствіе посредствомъ однихъ ногъ шкача. По словамъ бывшихъ при семъ свидѣтелей, это извѣстіе произвело надъ Ліонскимъ фабрикантомъ весьма непріятное дѣйствіе.

Около сего же времени нѣкоторые изъ фабрикантовъ Московскихъ, соревнуя славу и видимымъ выгодамъ Гучкова, захоули послѣдовать его примѣру, и завели у себя фабрики подобныхъ шалей. Но, имѣя въ виду не честь мануфактуръ Русскихъ, а полученіе большаго прибытка, начали работать шали и плашки, коя, сходствуя съ произведеніями фабрики Гучкова по

наружности, не имѣли внутренней доброты оныхъ. (*) Желательнѣе, чтобы благодѣтельное Правительство обратило вниманіе на вредъ, наносимый мануфактурамъ Русскимъ расчетами корыстолюбивъ. Здѣсь ошущительна потребность клейменія, которое, означая прописью полное имя, общество и фамилію фабриканта и годъ, ручалось бы за достоинство его произведенія. Тогда бы фабрикантъ предснавилъ образцы дѣлаемыхъ имъ произведеній, обязывался не отступать отъ оныхъ и не выпускать въ продажу своего товара, не означивъ на ономъ ясно выше упомянутого клейма. Одно это можетъ изгнать изъ торговли тѣ обманы, кои у насъ сдѣлались такъ сказать необходимыми ея спутниками, обратили публику къ покупкѣ произведеній Русскихъ, внушивъ ей довѣренность.

Мы уже сказали, что Высочайшее вниманіе къ произведеніямъ Гучкова породило въ немъ желаніе достигать въ работахъ своихъ совершенства. Нынѣ для работанія шалей устроено на его фабрикѣ пять машинъ. Всѣ онѣ въ дѣйствіе приводятся посредствомъ коромысла съ подпункою, на которую шкачь ступаетъ ногою. Узоры же (*фасоны*) вырабатываются, какъ на Жакардовой машинѣ, посредствомъ карпоновъ, сдѣланныхъ изъ полиурной бумаги въ видѣ картъ толщиною въ 2 вершка, а шириной въ 12-ть вершковъ. На сихъ карпонахъ пробиваются круглыя дырочки, на каждой картѣ не меньше ста и не болѣе осьми сотъ, связываются кольцеобразно нанию, надѣтою на четвероугольный валь, который, повертываясь, поднимаетъ карпоны съ низу

(*) Для любопытныхъ замѣтимъ, что въ 1825 году сія шаль продана: *перваго сорта* по 300, а *второго* — по 200 р.

къверху, и они идутъ одинъ за другимъ непрерывно. Для большой шали такихъ картъ потребно четырнадцать тысячъ; при чемъ надобно замѣтить, что каждая сквомая дырочка на сихъ картахъ должна имѣть свое определенное мѣсто. По сему въ пробиваніи сихъ дырочекъ состоитъ не малая важность и способъ, для чего употребляемыя, содержащія инстинктами въ шаль; но онъ давно извѣстенъ на фабрицѣ Гучкова. Теперь сыномъ его Ефимомъ Белорозви етъ Гучковъ для пробиванія картоновъ усстроена машина, посредствомъ коей пробиваются въ день пять сотъ шаковыхъ картъ.

И. И.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стр.
<i>Ю. Алексѣева</i> : Романсъ изъ Мура.	7
<i>М. Дмитриѣва</i> : Забывчивостьъ счасія.	6
<i>Озюбишина</i> : Гангесъ.	5
Ясновидящая.	9
<i>А. Пушкина</i> : Посланіе къ Яз.	4
Княгинѣ З. А. Волконской.	113
<i>Рафта</i> : Единборство Арганга съ Танкредомъ.	105
<i>В. Тушанскаго</i> : Поэзія (Сонетъ).	7
Эпиграмма.	8
Пѣснь любви.	110
Въ память Веневишинова.	318
<i>А. Хомякова</i> : Желаніе.	313
<i>Князя Шаховскаго</i> : Татарскій спанъ.	217
<i>С. Шевырева</i> : Объятія	3
Безпредѣльность (изъ Шиллера).	314
Малороссійскія пѣсни.	316

П Р О З А.

<i>М. Погодина</i> : Невѣста на ярмаркѣ.	11
<i>И. С.</i> Красная горка.	114
<i>И. Р.</i> Опрывокъ изъ Кашайскаго романа.	121
Рѣчь Епископа Георгія Конв-скаго.	252

И

	Стр.
<i>А. Глаголева</i> : Италіянцы.	319
Описаніе Изола-Беллы (изъ Ж. П. Рихтера).	332

Н А У К И.

<i>Н. Рожалина</i> : Сравненіе романовъ Ки- тайскихъ съ Европейскими (изъ Абель-Ремюза).	22
<i>А. Веневитинова</i> : О прехъ единствѣхъ въ Драмѣ (изъ Шлегеля).	149 и 256
<i>И. Стемпковскаго</i> : О названіяхъ мѣся- цовъ у древнихъ Ольвіополи- товъ.	338
<i>П. Ар—ва</i> : Объ отношеніи богатства къ народонаселенію (изъ Сисмонди).	348

К Р И Т И К А.

Исторія кришической Россійской Исто- ріи.	51 ^{1/2}
О шерсти и объ овцахъ.	54
Рѣчь въ память Исторіографу Рос. Имперіи, Г-на Иванчина — Писарева.	167
Литтературный Музеумъ.	274
Сочиненія Фукса.	283
Сѣверные цѣпны.	371
Замѣчанія на слатскую Горнаго журнала.	381

Иностранныя книги:

Исторія среднихъ вѣковъ, Лудена.	58
Путешествіе въ Мерое и пр.	61
Русско-Нѣмецкой Лексиконъ.	73
Объ Аристократіи.	177
Послѣдній человекъ.	179
Полипическое обозрѣніе Новой Испаніи, Гумбольдта.	285 и 389
Руководство къ улучшенію породы овецъ; соч. Руд. Андре.	385

III

С М Ъ С Ъ.

	Стр.
О жизни и сочин. Адама Смита.	78
Законъ о лѣсахъ во Франціи.	91
Путешествіе въ Азію для изслѣдованія происхожденія Венгровъ.	93
Англійскія изданія	95
Деревня сумасшедшихъ въ Голландіи.	97
Разныя извѣстія	99
Біографическое извѣстіе о Каннингѣ.	182
————— ————— — Лаперузѣ.	195
Разбойники на островѣ Корсикѣ.	200
Математическая Линейка.	206
О ярмаркахъ въ Бѣльцахъ.	209
✓ Письмо о Дѣлскомъ цвѣтницѣ.	211
Біографическое извѣстіе о братьяхъ Ролшильдахъ.	305
О Трифонѣ Егоровѣ.	309
Извѣстія о капитанѣ Франклинѣ.	312
Основаніе новой республики Фредонія.	—
Письмо изъ Парижа.	402
Новыя извѣстія о Лаперузѣ.	410
О работаніи шалей въ Москвѣ.	419

Напечатано :

Стр.	Стр.	
118	6	крыльце
—	11	словамъ
131	1	дивисься
142	24	меня
163	2	единство
167	3	соз.
170	2	опредѣляшь
196	7	Галля
199	8	и по
—	21	о своемъ
200	1	преслѣдовашелями съ
207	6	логар. $8=90,309$
—	19	2 2
—	20	2 2
—	21	АВ
218	11	Ташара
224	21	нимъ
227	3	Такъ
231	2	шакъ, шо
232	1	миѣ
268	4	Шекспиръ
273	9	выступающя
—	20	Шекспиръ
286	—	Азтекскомъ
310	5	Егору
312	9	итш

Читай :

крыльцо
словомъ
дивисься
меня
единство
Соз.
опредѣляшь
Валлійскаго
по
о своемънаѣреніи
съ преслѣдова-
телями.
логар. $8=0,9309$
1 2
1 2
АВ
Ташара
нимъ
Такъ
шакъ, шо
миѣ
Шакспиръ
выступающъ
Шакспиръ
Азтегскомъ
Егорову
итши

